

**KINDER AUS GESCHIEDENEN EHE ZWISCHEN TRAUMA UND HOFFNUNG
EINE PSYCHOANALYTISCHE ST**

Гельмут Фигдор

**ДЕТИ РАЗВЕДЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ ТРАВМОЙ И НАДЕЖДОЙ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Перевод с немецкого Дианы Видра

Москва "Наука" • 1995

ББК 88.5 Ф49

Фигдор Г.

Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). — М.: Наука, 1995. — 376 с. ISBN 5-02-012260-2

Предлагаемая читателю книга написана на основе анализа материалов, полученных при изучении вопроса о влиянии развода на психическое развитие ребенка. Дается в редакции переводчика. Взрослые часто не предполагают, какие страдания испытывает ребенок когда два любимых им человека вдруг расстаются.

В книге анализируются причины несостоятельности родителей не сумевших вовремя оказать ребенку необходимую помощь.

Автор надеется, что не только специалисты, но и родители книгу, получат немало полезных советов в вопросах разрешения супружеских конфликтов при разводе.

© Гельмут Фигдор (на русск, яз.), 199^ © Диана Видра, перевод, 1995

Гельмут Фигдор

ДЕТИ РАЗВЕДЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ ТРАВМОЙ И НАДЕЖДОЙ

Разводятся родители - страдают дети. У них - как последствия развода - возникают различные симптомы. Это сегодня ясно всем.

А как влияет развод на психическое развитие ребенка в дальнейшем? Какими опасностями он грозит? Какие условия могут дать надежду и помочь избежать травматических воздействий на последующую жизнь ребенка? Эта книга написана на основе результатов исследовательской работы Института прикладной психологии в Вене.

В книге раскрыта индивидуально различная психодинамика детских переживаний в зависимости от того, какую помощь окружающие (родители) оказывают ребенку, и делается вывод о действительных переживаниях, об их преодолении и дальнейшем воздействии развода на душевное состояние ребенка. Особое внимание уделено предыстории развода. Последствия развода понимаются как общая история жизни, в которой огромную роль играют конфликты родителей, а не только как результат их разлуки.

Наконец, в книге дан анализ причин несостоятельности окружающих, не сумевших помочь ребенку преодолеть переживания, вызванные разводом.

Доверительность изложения делает книгу добрым советчиком в области психоанализа и педагогики.

Об авторе

Гельмут Фигдор родился в 1948 году в Вене. Изучал социологию, философию, психологию и педагогику в Венском университете.

После двухлетнего пребывания в Северной Африке и многочисленных поездок в Америку,

Восточную Азию и Африку закончи образование и получил диплом психоаналитика (WPV/IPA).

Гельмут Фигдор живет в Вене и имеет собственную практику, работает в качестве психоаналитика, детского психотерапевта и консультанта-воспитателя, преподает в Венском университете, является судебным экспертом по вопросам, касающимся детей и юношества, а также сотрудником общества Зигмунда Фрейда по проблемам воспитания.

В последние годы его многочисленные публикации в основном посвящаются вопросу использования познаний психоанализа в повседневной практике воспитания подрастающего поколения.

Доктор Фигдор — один из ведущих педагогов-психоаналитиков в немецкоязычных странах, специализирующийся в области душевных проблем, с которыми сталкиваются дети разводов и их семьи, а также возможностей их преодоления.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Вначале я очень обрадовался, когда узнал о намерении перевести мою книгу о детях развода и их родителях на русский язык. Но вскоре к радости примешалось некоторое сомнение. А возможно ли психоаналитические познания, основанные на исследованиях в определенной культурной среде (в данном случае в Центральной Европе), просто так перенести на почву другой культуры? Встречу ли я у русского читателя интерес и понимание и могу ли рассчитывать на тот же эффект, на который изначально была направлена эта книга: помочь читателю в представленных историях и проблемах — хотя бы частично — увидеть свои проблемы и научиться лучше понимать самого себя со всеми своими противоречиями, а также помочь найти ему новые способы разрешения собственных проблем?

Но эти сомнения рассеялись, когда я вспомнил о результатах этнопсихологических исследований*, а также о своем собственном опыте применения психотерапевтических методов к пациентам — выходцам из других культур. Этот опыт позволяет сделать вывод о существовании определенных признаков душевной жизни, характерных для всех

**Под понятием "этнопсихоанализ" имеется в виду комплекс исследований, который психоаналитическими (прикладными) методами изучает душевные особенности людей, принадлежащих к чужим культурам. Среди исследователей можно назвать имена: Маргарет Миид, Пауль и Голди Ларин, Фриц Моргенталер, Марио Эрдхайм.*

людей независимо от различия их национальных культур. Особенно это относится к механизмам подсознательного. (В России же в последнее время заметно возрос интерес к психоанализу.)

При этом нельзя забывать, что между средневропейской и русской культурами имеются не только различия, но и много исторического общего, не говоря о том, что сами понятия —

"среднеевропейская" или "русская культура" — представляют собой большие обобщения.

Итак, оптимистично глядя на вещи, я надеюсь, что эта книга заинтересует русского читателя, а может быть и принесет ему пользу независимо от того, касаются ли его лично проблемы разведенных родителей или он сталкивается с ними по роду своей профессии.

И еще хочется выразить пожелание, чтобы перевод моей книги послужил обмену научным опытом между нашими странами, который, собственно, уже начался в области психотерапии, распространяясь на сферу воспитания и педагогики.

Вена. Январь 1995 г.

Гельмут Фигдор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга написана на основе исследований, проводимых Институтом прикладного психоанализа, созданным при обществе Зигмунда Фрейда в Вене. Прежде всего я хочу поблагодарить всех участников исследования, без чьей профессиональной помощи, заинтересованности и готовности к сотрудничеству данная работа была бы немислима. Это — доктор Констанция Бухингер, доктор Анжелика Фритц, доктор Алике Паулюс, работник социальной сферы Билли Раушер, доктор Томас Штефенсон, доктор Бригитта Тимель-Хаас, а также магистр Инга Шольц-Штрассер, которая занималась административными вопросами и вопросами координации. Особенно благодарен я президенту общества Зигмунда Фрейда, доценту Венского университета, доктору Гарольду Лойпольд-Лёвенталю, который доверил мне почетное и исполненное вдохновением задание провести и научно обобщить исследование. Доктору Сильвии Яничек обязан я некоторыми интересными и весьма ценными идеями для написания данной книги. Этой книгой мне хочется помянуть мою учительницу и руководительницу, доктора Марту Кос-Робертс, чья скоропостижная кончина в прошлом году погрузила всех, кто ее знал и имел счастье дружить с ней, в глубокий траур.

Вена. Сентябрь 1990 г.

ВВЕДЕНИЕ

I

"Я никогда не мечтала иметь абсолютно послушного ребенка, к тому же мальчик должен быть живым и иногда даже шаловливым". Фрау Б. вздыхает. Потом она опускает глаза, и, когда снова продолжает говорить, я вижу, что ей приходится бороться со слезами: "Но я не знаю, как мне быть дальше. Меня уже просто не хватает!" Такое проявление чувств слишком неожиданно. Фрау Б. обратилась ко мне за помощью, как она сообщила по телефону, для того чтобы получить несколько педагогических советов. Непосредственно перед описанной сценой она

охарактеризовала своего сына Лео как живого, развитого мальчика, с которым постоянно возникают проблемы, когда он должен делать то, к чему в данный момент не расположен, как, например: одеваться или раздеваться, выключить телевизор, идти спать и тому подобное. Мать беспокоит также чрезмерная стеснительность сына по отношению к чужим взрослым. Все это она рассказала в спокойной манере, к которой теперь так не подходила ее внезапная растерянность, составлявшая контраст со сравнительно невинной симптоматикой, если вообще в этом случае можно говорить о симптомах. Я обращаю на это внимание фрау Б., тогда она, заливаясь слезами, рассказывает, что из таких конфликтов состоят их будни и что из-за них ее отношения с Лео так испортились, что они постоянно кричат друг на друга, а потом рыдают. И что мальчик последнее время убегает от нее, когда она приходит за ним в детский

сад. На мой вопрос, догадывается ли она о вероятной причине, она отвечает: "Я не знаю, но, может быть, правы мои родственники и друзья, говоря, что я избаловала Лео, что недостаточно строга и непоследовательна с ним. Я всегда пыталась воспитывать сына, воздействуя на него разумом, а не строгостью. Но самое ужасное, что я просто не понимаю, что происходит между нами. Очевидно, я все делаю не так!" Время беседы подходит к концу и я обращаю внимание фрау Б. на то, что она рассказала мне достаточно много о Лео и о себе, о родственниках и друзьях, но ни словом не обмолвилась об отце ребенка. Она краснеет, как будто я застиг ее на месте преступления, и произносит вскользь, что не соответствует ее заметному внутреннему волнению: "Да, это верно и это взаимосвязано, что отец в наших отношениях не играет почти никакой роли. Мы вот уже два года в разводе и Лео видит своего отца раз в месяц, а то и в два". И на мои дальнейшие вопросы она утверждает, что развод не мог негативно повлиять на ребенка, потому что в момент развода ему было всего два года, и он не в состоянии был что-либо понять и совсем не грустил, когда отец ушел. При этом фрау Б. держится с возрастающей отчужденностью и изо всех сил старается увести меня с "неверного следа". Поскольку время беседы истекло, мы договариваемся о следующей встрече. Конечно, нельзя заранее утверждать, что причиной проблем между Лео и его матерью является непременно развод родителей. Но все же удивительно, что эта образованная и, как она сама говорит, интересующаяся психологией женщина абсолютно не считает вероятной возможность, что ее развод с отцом ребенка, как минимум, является одной из причин тех трудностей, которые возникли в ее отношениях с Лео. Подобное несоответствие вызывает подозрение психоаналитика о существовании здесь неразрешенных психических конфликтов, имеющих значение для данной проблемы и ее разрешения.

Напрашивается вопрос — почему мать Лео пыталась скрыть от меня развод? А точнее, у меня сложилось впечатление, что речь шла не столько обо мне, сколько о ее желании избежать нового столкновения с фактом развода. Через неделю фрау Б. сама отвечает на этот вопрос. Она начинает рассказывать о своем браке, о разочарованиях и переживаниях, о том, что ее муж после рождения ребенка больше заботился о ребенке и о своих друзьях, чем о ней. Мать сосредоточилась на сыне, не желала спать с мужем, что еще больше осложняло их отношения. Когда ребенку исполнилось два года, желание уйти от мужа с ребенком приобрело конкретный

характер. И в заключение фрау Б. рассказала, вся в слезах, как долго она мучилась этим решением, так как чувствовала, что не имеет права отнимать у ребенка отца. Несмотря на то что муж все реже бывал дома, Лео его тем не менее очень любил. Можно предположить, что это было именно то огромное чувство вины, которое и привело фрау Б. к полному отрицанию роли отца для Лео, а вместе с тем и значения развода, и она вжилась в представление о том, что ребенок не заметил изменений в семье. Иначе она, вероятно, не совершила бы столь важного шага и не смогла бы освободиться от ставшей невыносимой совместной жизни. Фрау Б., конечно, не одинака с ее конфликтом между личными чувствами и желаниями, с одной стороны, и родительской совестью — с другой. С огромным чувством вины по отношению к детям приходится бороться большинству родителей, решившихся на развод. Эти угрызения совести кажутся, на первый взгляд, удивительными, но они подтверждаются статистическими выводами. Тем не менее в Австрии распадается каждый третий брак и каждый десятый ребенок до своего четырнадцатилетия уже обременен переживаниями развода' (для ФРГ и Швейцарии цифры те же).

Исходя из данных, едва ли возможно расторгнутые браки, где есть дети, рассматривать в качестве единичных случаев. Сегодня родители, в одиночку воспитывающие детей, так же, как и приемные семьи, представляют собой нормальные варианты тенденции развития. Общественное мнение по данной социальной проблеме отражает двоякость конфликта разводящихся родителей: единодушное признание личного права избавления от несостоявшегося или неудавшегося союза резко противостоит точно такому же единодушному убеждению в том, что развод наносит непоправимый ущерб детям.

Педагогические размышления о разводе, которые часто близки к моральному его осуждению ("родители обязаны прежде всего думать о детях"), находят поддержку в выводах эмпирических исследований, которые в последние десять-пятнадцать лет обращены к теме развода и значения его последствий для детей. Так, выясняется, что развод родителей и их новый брак чаще всего представляют собой первоначальную причину проявления симптомов, которые впоследствии заставляют родителей обращаться в детские психиатрические клиники. Симптомы, проявляющиеся в основном после развода родителей, описаны в различных исследованиях: это прежде всего общее беспокойство, обжорство, бессонница. Многие из детей начинают опять мочиться в постель, снова и снова возникают проблемы с дисциплиной в школе и в семье иногда даже воровство, порой у детей развиваются психосоматические симптомы, такие, как боли в желудке, головные боли, угри и другие. Большинство детей, чьи родители развелись, проявляет особую раздражительность: они все чаще испытывают чувства страха, беспокойства, печали"; почти у каждого ребенка наблюдается возрастание агрессивного потенциала, который разряжается на одном из родителей или на других детях некоторые реагируют, наоборот, усиленной зависимостью, а также отставанием социального и эмоционального развития". Все эти симптомы часто сопровождаются снижением внимательности и ухудшением успеваемости". Речь идет не просто о преходящих трудностях. Об этом говорит сравнительный анализ школьных успехов или профессионального образования детей из полных и неполных семей: последние гораздо реже учатся в средней или высшей школе и в результате получают более низкое

профессиональное образование.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что часто родители, ради детей, отказываются от развода, особенно после предварительной консультации у специалистов, которые ставят на первое место благополучие детей и предупреждают родителей о последствиях развода для них. Да, возникает вопрос, является ли развод вообще, из педагогических соображений, делом ответственным.

Бесспорно, что многие матери и отцы не имеют возможности решать, разводиться им или нет, а именно, когда оказываются брошенными. Но также, исключая подобные случаи, невольно напрашиваются мысли по поводу утверждения основных противоречий между личными интересами и педагогической ответственностью в отношении развода: исследовательские материалы о последствиях развода не позволяют сделать обратных выводов о том, что пострадавшие дети не развили бы в себе подобных тяжелых симптомов, если бы их родители не разошлись. Такой вывод следует из исследований, сравнивающих развитие детей из разведенных семей с детьми, которые живут в полных семьях". Эти сравнения обращают внимание на психологический климат в семье. Вероятно, невозможно разделить детей из разведенных семей и детей, родители которых постоянно ссорятся. В ходе своего длительного обследования Валлерштейн пришла к выводу, что скандалы между родителями вызывают у детей большой страх. Если даже такие ужасные сцены бывают редко, дети потом, спустя годы, все еще вспоминают о них, а также о боли и страхе, которые им тогда пришлось пережить. В некоторых, особенно тяжелых случаях, психические проблемы бывших — между тем уже находящихся в юношеском возрасте или взрослых — детей разведенных родителей уводят Валлерштейн к предразводному периоду и переживаниям, имеющим там место.

В последние годы появился ряд системно-теоретических инспиративных работ, направленных не столько на сам развод, сколько на конфликтные отношения родителей, которые после развода либо усиливаются, либо возникают вновь. Существует общее мнение, что дети, которые постоянно втягиваются в конфликт между родителями, оказываются в так называемом тяжелом конфликте лояльности, который предъявляет к ребенку слишком большие требования и наносит вред его душевному развитию". Этот упомянутый выше конфликт лояльности не является специфичным только для детей разведенных родителей, он характерен также для детей еще женатых родителей, но которые в ходе супружеских разногласий, сознательно или бессознательно, ищут в детях союзников.

Дети очень восприимчивы к перемене настроений родителей. Они чувствуют, когда один из родителей несчастен и страдает. Нередко такие дети возлагают на себя роль, так сказать, терапевтов брака, пытаются утешать родителей или одного из них или предпринимают попытки вновь примирить маму и папу. Эти попытки начинаются зачастую уже задолго до развода. Бывает, что так называемые симптомы развода появляются у детей уже непосредственно перед разводом и зачастую несут подсознательную функцию отвлечения родителей от их проблем и предложение заняться ребенком сообща. Некоторые дети, пытаясь достичь этой цели, стараются как можно

меньше досаждают родителям и как можно лучше себя вести. Если предположить, что переживание физического и психического насилия, старания по примирению родителей и попытки чрезмерного приспособления могут нанести детям вред, то это значило бы, что следует поверить в то, что некоторые факторы, вызывающие развитие "симптомов развода", влияют также на детей, воспитывающихся в конфликтных семьях.

Не доказывают ли однозначно против развода результаты обследований Бюлера и Кехеле, показывающие, что чаще всего причиной обращения к детскому психиатру является развод и новый брак несущего опеку родителя? Уже не говоря о ненадежной репрезентативности обследований в большинстве соответствующих консультативных учреждений, переменная величина "консультация" является все же сомнительным критерием для психогигиенической оценки развода в сравнении с другими патогенными факторами. Каждый педагог и практикующий психолог в случаях трудновоспитуемости знают о предельном страхе родителей перед обращением к профессиональной помощи. Вероятно, столь высокое число разводов попадает под обследование частично также и потому, что родителям легче говорить о проблемах, возникших с детьми, тогда, когда они могут искать причины во "внешних событиях", таких, как развод, или перенести вину на другого, например, на желавшего развода, покинувшего семью супруга. Если же подобная очевидная причина отсутствует или нет возможности возложить вину на другого человека, тогда для родителей не остается ничего более, как искать причину в своей собственной несостоятельности. Результатом является стыд, который часто удерживает родителей от необходимости признаться в собственных ошибках. Многие обращаются за советом, если вообще обращаются, только тогда, когда уже не видят иного выхода. Это характерно также для тех матерей или отцов, которые сами явились инициаторами развода. Но и тогда мы сталкиваемся, как это было с матерью Лео, с фактом отрицания части своей собственной вины в проблемах ребенка.

Есть и другой аргумент, который заставляет сомневаться в утверждении, что развод служит только ("эгоистическим") запросам родителей и ни в коем случае не служит интересам детей, а именно: дети страдают больше всего тогда, когда видят родителей несчастными и недовольными. Конечно, это не значит, что счастливые родители уже автоматически являются хорошими родителями, но способность посвящать себя детям — основной критерий хорошего воспитания — уменьшается по мере того, как они чувствуют себя разочарованными, несчастными, обремененными личными проблемами. Часто бывает так, что для родителей, которые "в интересах детей" сохраняют немилый союз, ребенок, вместо того чтобы обогатить и сделать более радостной их жизнь, наполнив ее смыслом, становится как бы (конечно, подсознательно) виновником этой неудавшейся жизни. Такие отношения родителей и детей довольно амбивалентны (противоречивы) и соответственно этому проявляют большую готовность к (открытой или скрытой) агрессивности.

Конечно, родители, чей брак переживает кризисную ситуацию, должны были бы попытаться разрешить эти конфликты, прежде чем окончательно пойти на развод. В свете высказанных выше размышлений сохранение брака, даже в интересах детей, имеет смысл только тогда, когда родители ведут себя по отношению друг к другу уважительно, и конфликты представляются еще

разрешимыми. Имеющиеся результаты обследований, во всяком случае, не оправдывают (часто высказываемого) мнения, что развод является решением проблемы только для родителей, а для детей, наоборот, причиной таковых.

Подобная моральная поляризация личных интересов и родительского долга превращает развод в грех. Куда приводит порожденное подобной точкой зрения чувство вины разведенных родителей, мы можем видеть на примере фрау Б. Для нее невыносимо само представление о том, что ее решение разойтись с мужем принесло ребенку, вероятно, непоправимое страдание. Исполнение законного желания, чтобы развод не нанес вреда Лео, явилось для фрау Б. необходимым условием освобождения от ставшего пыткой брака, постольку, что называется, развод не имеет права нанести ему вреда. Таким образом, любое негативное проявление поведения ребенка является угрозой душевному равновесию матери, которая подобное поведение должна либо скрывать, либо искать его причину в чем-то другом. Самое трагичное в ее подсознательном конфликте — психоанализ говорит в подобных случаях о (подсознательном) конфликте обороны — заключается в том, что фрау Б. тем самым отнимает у себя всякую возможность помочь своему ребенку в преодолении его кризиса развода.

II

Что могут в действительности сделать родители для того, чтобы защитить детей от травмирующего влияния развода или, по крайней мере, уменьшить его и реализовать надежду, которую дает расторжение неудавшегося брака, возможно, ставшего невыносимым также и для детей?

Статистические данные о виде и частоте проявлений так называемых симптомов развода не могут оказать достаточной помощи, так как вид и тяжесть внешних симптомов еще ничего не говорят ни о характере проблемы страдания ребенка, ни о воздействии этой проблемы на отдаленное будущее. С психоаналитической точки зрения главную роль для такого заключения играют конфликты, которые скрываются за симптомами, или, иначе говоря, (бессознательное) значение симптомов. Без этих знаний невозможно ни понять истинной проблемы ребенка, ни определить, можно ли исчезновение симптоматики в действительности приравнять к преодолению конфликта. Вполне возможно, что эти конфликты в процессе развития или под влиянием изменения обстоятельств принимают иные формы выражения, более "тихие", менее навязчивые и легче воспринимаемые окружающими, но в то же время они продолжают обременять душевное развитие ребенка в качестве "невротической ипотеки". И наоборот, почти вся литература о последствиях развода для детей следует упрощенной концепции адаптации, при которой появление и исчезновение симптомов (что часто является просто непониманием оных окружающими) приравнивается к появлению или исчезновению психических проблем. Это характерно не только для опытно-статистических, но и для большинства "системных" работ по семейной терапии. Даже сама Валлерштейн, чей вклад в изучение проблемы развода может быть охарактеризован минимум как "психоаналитически инспиративный", после ее первых катамнезов оптимистически приходит к выводу, что симптомы у многих детей в течение пяти лет после

развода сходят на нет и таким образом, по ее мнению, примерно 40% детей переживают развод вполне удовлетворительно. Но на основе своих дальнейших обследований тех же персон через десять—пятнадцать лет после развода ученые вынуждены были признать, что развод даже у детей, которые сумели хорошо приспособиться, оставил глубокие следы.

"Беседа с Денизой, длившаяся три с половиной часа, дала мне понять, что мы исходили из неверных предположений" (с. 91). "Мы смогли обнаружить запоздалые результаты вытесненных чувств у детей разведенных браков только благодаря нашему долгосрочному обследованию. У детей из нашей опытной группы, которые в переходном возрасте и в школе почти не имели проблем, вдруг неожиданно проявляются душевные кризисы. Только после того, как Дениза поставила нас в известность о своих страданиях, у нас родилось предположение, что у других молодых женщин могут быть такие же запоздалые реакции..." (с. 95).

Вызывающее поведение ребенка не обязательно является невротическим симптомом. Если ребенок любит обоих родителей, то любое радикальное изменение жизненной ситуации, например, такое, как развод, должно повлечь за собой реакцию. Подобные реакции переживаний (В. Шпиль) часто выглядят как невротические симптомы, но тем не менее исчезают бесследно на новой ступени развития "Я", то ли под влиянием привычки, возраста, нового изменения жизненных обстоятельств, то ли в том случае, если ребенок получает педагогически-терапевтическую поддержку. Несмотря на то что вызывающее поведение само по себе не носит психодинамического значения ("невротический симптом" в понимании "реакции переживания"), "простая" реакция переживания не освобождает нас от обязанности проявлять понимание к душевному состоянию ребенка. Клинический опыт показывает, что неправильная реакция окружающих на любое (нормальное) раздражение ребенка мешает переработке вызванного обстоятельствами переживания и в результате может даже спровоцировать душевные конфликты, которые в свою очередь возможно разрешить только еще более невротическим путем, т.е. путем бессознательных процессов обороны.

Итак, надо стремиться понять проблемы каждого конкретного ребенка, понять, какое значение имеет именно его способ реагирования на развод родителей, какие психические процессы вступают в действие и как могут эти предпосылки отразиться на будущем душевном развитии ребенка. И тогда становится возможным и исполненным смысла рассуждение о форме помощи этому ребенку в преодолении его конкретного кризиса.

Такого же рода понимание является доминантой и привилегией психоанализа. Но до сих пор психоаналитики занимались проблемами развода только в контексте индивидуальной патологии, т.е. лишь в тех случаях, когда некоторые пациенты или их родители пережили развод, который в ходе психотерапевтического процесса подвергся обсуждению. В силу такого ограничения на отдельных судьбах психоанализ не в состоянии раскрыть все свои возможности. Хотя исследования по теме развода, ориентированные на симптомы, мало способствуют интервенциям, способным к оказанию полноценной помощи, они — и это их главная заслуга — обращают наше внимание на то, что частичная потеря одного из родителей почти у всех детей приводит к

ирритации в душевном равновесии, которая в свою очередь может вызвать к жизни невротические процессы с долгосрочным воздействием. Конечно, душевная проблема каждого ребенка является особенной. Но вместе с тем в порядке вещей, что психоаналитическое исследование большого числа индивидуальных судеб развода приводит к результатам, которые позволяют также сформулировать общие положения надиндивидуального значения. Можно предположить, что в свете такого значительного события в жизни ребенка как разъезд двух самых любимых и нужных людей особенно сильно проявляются определенные желания, фантазии, конфликтные положения и стратегии преодоления или, наоборот, происходит ограничение возможностей выбора, психических реакций, повышение запросов к своему поведению. Существует и иная возможность: если аналитические интересы познания окажутся направленными не только на ребенка, но также подвергнутся наблюдению проблемы персон, окружающих ребенка, их позиция, типичные интеракциональные образцы поведения и другие жизненные обстоятельства, то это позволит проследить взаимосвязь между детскими переживаниями и переработкой кризиса, с одной стороны, и внешними обстоятельствами, с другой. Хотя эта взаимосвязь не однозначна, тем не менее возможно построить предположения, при каких "внешних" обстоятельствах**, какого рода переживания и какого вида переработка окажутся более вероятными для ребенка, а также какие душевные процессы будут вызваны к жизни и какие подавлены.

Подобные рассуждения привели в конце концов к решению провести психоаналитическое, вернее, психо-аналитически-педагогическое исследование*** о воздействии развода на психическое развитие ребенка. Инициатива принадлежала Гаральду Лойпольд-Лёвенталу, президенту общества Зигмунда Фрейда в Вене и председателю Института прикладного психоанализа, официально выполняющего обязанности руководителя проекта. Отрегулировав все финансовые вопросы при участии юбилейного фонда Австрийского Национального банка, в конце 1986 года началась организационная подготовка к работе. В 1987 году на меня были возложены методическая концепция и руководство проектом, а затем была создана творческая группа****. Основу проекта представляла консультация для разведенных и разводящихся родителей. Эта консультация и была, собственно, организована специально для данного исследования, и располагалась на исторической территории: Берггасе, 19, кв. 5, т.е. в квартире, когда-то принадлежавшей Зигмунду Фрейду, которую, незадолго до того удалось заполучить Обществу Зигмунда Фрейда. В консультацию приходили родители, узнав об организации таковой из прессы, от учителей, воспитательниц детских садов, работников организации попечительства молодежи, от адвокатов и др.

***К "внешним" обстоятельствам относятся (в данной взаимосвязи) и "внутренние", под которыми имеются в виду психическое состояние родителей, их проблемы чувств и конфликты.*

****Упомянутыми выше вопросами психоанализ отходит от области своей практики: он продвигается от чисто терапевтических к педагогическим оценкам познания или к возможностям таких оценок. На заре психоанализа (в 20— 30-х годах) применение психоаналитических теорий играло довольно большую роль в вопросах воспитания детей. Но именно в последние десять лет наблюдается истинное возрождение этой традиции "психоаналитической педагогики".*

*****Группа проекта состояла без исключения из психоаналитически подготовленных психологов и педагогов*

Консультация была бесплатной, но всегда готовой помочь родителям в обстоятельном диагностическом обследовании детей. Хотя проект полностью соответствовал психоаналитическим требованиям, тем не менее мы не могли просто ограничиться только теоретическими рамками дедуктивного вывода гипотез и интерпретации результатов обследований. Важнейший предмет психоаналитического исследования — внутриспсихические, особенно подсознательные процессы, и в данном случае как у детей, так и у родителей, образуют связь со специфическими необоснованными утверждениями. В данном случае, из некоторых соображений, для наших научных планов не подходила "классическая" психоаналитическая методика обследования, т.е. обобщение психических данных в рамках психоаналитической терапии: прежде всего ограничение психоаналитическим лечением, которое часто связано с проблемой времени и финансирования, предоставило бы в наше распоряжение весьма определенную группу пациентов, это были бы в большинстве своем хорошо образованные и (или) чрезвычайно заинтересованные родители, которые решились бы для своих детей или даже для самих себя на психоанализ, и, кроме того, мы заполучили бы только тех детей, у которых развилась навязчивая и вызывающая тревогу родителей симптоматика. Помимо всего важно и то, что этот вид психоаналитического исследования хотя и предоставляет возможность ясного наблюдения психодинамики обследуемых персон, но все же, во-первых, при данных обстоятельствах было бы трудно добиться изоляции переменной величины "развод" после процесса, который занимает иногда месяцы, а порой и годы (к тому же в это время анализируемая персона также постоянно внутренне меняется), и, во-вторых, во время протекания терапии взаимосвязь между психодинамическим процессом и внешними обстоятельствами едва заметна. Из этих соображений мы решили использовать для наших целей метод обследования, основанный на проективных тестах, результаты которых обобщались с психоаналитической позиции и дополнялись психоаналитически ориентированными интервью с родителями*. В среднем мы встречались с родителями по 4 раза, каждый раз по 1,5 часа; с детьми мы беседовали по 3—4 раза (в зависимости от возраста) по 50—90 минут. Беседы или тесты обрабатывались и обобщались исследователем, а в заключение обсуждались на многочасовых заседаниях группы с учетом разработанного диагностического профиля проекта. Во время обобщения в первую очередь речь шла о психодинамических и интеракционных проблемах в каждом отдельном случае, а также о необходимых и обещающих успех возможностях интервенций. Третьим шагом была беседа о результатах обследования с родителями, а при определенных обстоятельствах и с детьми. Во время этих бесед мы задавались целью избежать активирования (сознательного или бессознательного) сопротивления против результатов обследования, а там, где это не удавалось, такое сопротивление переработать, так как в беседах о тестах затрагивается информация, превышающая ту информацию, которая имеется у родителей, и эта беседа должна была углубить отношения родителей с исследователем и привести к психоаналитически-педагогической консультации. При интенсивном контакте данной цели возможно добиться за довольно короткое

время, но иных родителей мы видели с большими интервалами, длившимися неделями или месяцами. Кроме того, осенью 1987 года мы организовали родительскую группу. Само собой разумеется, консультация помогала детям и

**Прежде, чем приступить к разговору о полученных нами знаниях, надо решить некоторые теоретические проблемы. В приложении к данной книге будут подробно затронуты эти вопросы, а также будут освещены выводы, полученные на методических заседаниях.*

их родителям и оказывала ответную услугу за то время, которое они отдавали нам. Таким образом, для нас открылась возможность контроля (верификации) за результатами обследования. В заключение мы могли исследовать действенность, методы и шансы психоаналитически-педагогической консультации, которая, собственно, представляла собой нечто среднее между ориентированной консультацией и психоаналитической терапией*.

Исследовательский процесс длился два года. За это время были основательно обследованы сорок детей и условия их жизни. Если учесть обобщения, сделанные психоаналитиком самостоятельно, как и беседы с родителями (которые привели к дальнейшим заключениям), то в общей сложности получится, что мы потратили на каждого ребенка от 35 до 40 часов. Полученные результаты были документированы в заключительном отчете проекта. С публикацией решено было подождать, пока не будут получены запланированные результаты обследования отдаленных итогов, для чего мы собирались пригласить тех же родителей и детей по прошествии трех-пяти лет после данного обследования. В промежутке я намеревался посвятить себя другим важным моментам работы и моей "нормальной" психотерапевтической практике.

Но произошло все иначе. "Развод" просто "не отпускал меня от себя". Благодаря прессе и успеху нашего вмешательства в некоторых очень тяжелых случаях, о которых нам сообщали адвокаты, занимающиеся семейным правом, а также благодаря устной пропаганде, в течение довольно короткого времени возник большой интерес к нашей работе в кругах специалистов немецкоязычных стран. Нас приглашали

**К вопросу о методике психоаналитически-педагогической консультации для родителей с основным направлением — консультации для разведенных родителей — готовится к публикации особое издание.*

на доклады или дискуссии со специалистами различных дисциплин, которые занимались темой развода (психологами, педагогами, работниками социальной сферы, судьями). Я был приглашен на встречу с группой взаимопомощи разведенных родителей и одиноких матерей и отцов и, кроме того, многие разведенные родители или родители, которым предстоит развод, приходили ко мне на консультации. Благодаря этим контактам я вникал в новые области проблем, возникающих при разводе, мне пришлось столкнуться с неожиданными вопросами, мое внимание привлекали альтернативы, новые решения и идеи. Большую роль в принятии мною решения

написать эту книгу сыграло сознание того, что полученные в ходе нашего проекта знания уже сейчас приносили большую пользу детям и родителям в их тяжелой ситуации. И когда мне, в период моих колебаний между намерением опубликовать книгу и ожиданием отдаленных результатов исследования, издательство "Маттиас Гюневальд" предложило издать книгу, я твердо решил написать ее уже теперь.

IV

Итак, как должна была выглядеть книга? Основным предметом научного исследования явилась психодинамика переживания развода ребенком, которая должна была, во-первых, показать вероятные отдаленные по времени последствия и, во-вторых, дать объяснение взаимосвязи между психическим развитием и "внешними" (принципиально тоже изменяющимися) обстоятельствами. Каждое переживание имеет сознательное и подсознательное измерения; оно зависит от актуального психического состояния, истории Индивидуума и его отношений с окружающими в настоящем и прошлом; отношения внедряются в субъективные структуры и изменяют их, а те в свою очередь формируют эти отношения; за ними же стоят индивидуумы (в данном случае прежде всего родители) с их сознательными и подсознательными конфликтами. Комплексность данного предмета требует разъединения соединенности психодинамических факторов и их последовательного описания. В связи с этим напрашивались прежде всего две испытанные формы. Первая состоит в том, чтобы приблизиться к комплексу происшедшего с различных, четко определенных точек зрения. Например, развод в (подсознательном) переживании ребенка / бессознательные аспекты в проективном тесте /, развод в переживании матери, отца, интеракциональные аспекты отношений "родители-ребенок", "мать-ребенок", "отец-ребенок" и т.д. Затем, в заключение — глава об эмпирических данных анализа последствий долгосрочного характера, о педагогических и терапевтических формах интервенции. Второй метод должен был представлять собой ряд конкретных историй, искусно отобранных по признаку специфически важных моментов, как это сделала Валлерштейн в своей последней работе (Валлерштейн/Блакеслее, 1989).

Проблема первой систематики заключается среди прочего в том, чтобы разделить различные перспективы, которые фактически зависят друг от друга, для того чтобы соответствовать требованиям, которые — рядом с теоретическим интересом — руководили общим исследовательским процессом и моей собственное психоаналитически-педагогической работой: научиться лучше понимать проблемы детей, матерей и отцов во всем их комплексе взаимозависящих обстоятельств. С первого взгляда, этот метод исследования кажется вполне соответствующим данным требованиям. Но все же опасность состоит в том, что внутренняя зависимость между единичными феноменами и различными единичными судьбами трудно реконструируема для дилетантов от психологии. "Понимание", базирующееся только на единичных случаях, очень легко может привести к селективным и неправильным обобщениям. Например, совсем недавно одна мать жаловалась мне, что ее разведенный муж во время

посещений не только полностью на стороне сына, когда тот жалуется на воспитание матери, но и открыто, в присутствии мальчика, критикует ее педагогическую позицию. Когда с ним заговорили об этом, отец признался в том, что это так и, повернувшись к своей бывшей жене, сказал: "Если бы ты читала книгу Валлерштейн, то знала бы, что у мальчиков, выросших под влиянием матери, со временем возникают проблемы с установлением своей сексуальной идентичности". Да, это утверждение отца в известном смысле довольно точное, но, конечно, мало пригодно в качестве оправдания его поведению. Мы все же думаем, что, проявляя такую лояльность по отношению к мальчику и выступая против своей бывшей жены, он скорее создает новые проблемы, чем помогает решить уже имеющиеся.

В результате этих размышлений я пришел к заключению пренебречь единой систематикой и вместо этого подчинить композицию книги цели понимания или, вернее, инициации возможности понимания и по ходу действия развивать работу новыми аспектами и одновременно ее дифференцировать. В основной структуре преподносится в известной степени послеразводная ситуация ребенка, который должен Преодолеть это жизненное изменение (первая часть), прошлое, имеющееся внутри "комплектной" семьи, которое обнаруживается "позади" психологического настоящего (вторая часть), и будущее в измененных разводом жизненных обстоятельствах, в которое ребенок вносит прошлое и настоящее Жак капитал или ипотеку (третья часть). Каждую из этих - частей я использую для того, чтобы обратить внимание на определенные аспекты комплекса обстоятельств психического переживания в его видимой части, которые, как я надеюсь, читатель может "воспринять" в следующих частях данной работы. *Основу первой части составляет конфликтная динамика переживаний развода и развитие отношений "мать-ребенок" после развода.* Роль отца* будет освещена в данном отрезке в первую очередь с позиции разделения семьи и (или) его внезапного отсутствия в повседневной жизни ребенка. Различные проявления реакции детей на развод и то, как они преодолевают первые два года, указывают через настоящее в прошлое на различное развитие судеб перед разводом. Эта вторая часть выдвигает на передний план особенности психического развития в свете предположения прекративших существование любовных отношений между родителями. Я обсуждаю возможное влияние конфликтных отношений между матерью и отцом на душевное развитие ребенка в различных фазах его развития. Этот психологический взнос развития раскрывает перед нами три момента познания: во-первых, проблемы ребенка при разводе начинаются ни в коем случае не с развода, как такового, во-вторых, мы получаем представление о возрастной специфике проблем, которые может принести с собой развод, в-третьих, очень важно, каким образом на развитие ребенка влияет значение, которое тот придает разводу родителей и как он его преодолевает.

Третья часть книги начинается, как и первая, в момент развода, рассматривает развитие ребенка не столько в аспекте расторжения семьи, сколько в аспекте изменившихся

*Собственно говоря, речь в данном случае должна идти не о матери и отце, а о имеющем право опеки и не имеющем права опеки (живущим отдельно) родителе. Но поскольку число отцов, имеющих право опеки, очень невелико, я позволю себе, из соображений удобочитаемости, и далее говорить о "матери" и "отце". Во всяком

случае не следует забывать, что ситуация опекающих или одиноких отцов во многих отношениях отличается от находящихся в этом же положении матерей. Я вынужден пренебречь совершенно специфичными проблемами таких отцов, так как для полноценного их исследования очень недостает эмпирического материала. В обследованных нами случаях таких отцов было чрезвычайно мало, так что их число просто растворилось в общей массе и к тому же почти все они жили с новой партнершей и часто начиная уже с предразводного периода.

взаимоотношений. Кроме специфических проблем ребенка в отношении посещений отца, особенно большое внимание посвящаю я в этой части книги проблемам отношений между родителями в связи с разводом. Решение данной проблемы (хотя бы частичное) представляет собой ключевую позицию в создании необходимых условий для развития ребенка, которые должны способствовать рождению надежды, а не разочарованию. Я не обсуждаю, напротив, специфических проблем, которые приносит с собой новый брак родителей. Здесь речь идет о событии, психодинамическое влияние и взаимосвязи которого столь же сложны и многогранны, как и проблемы развода, и обсуждение его вышло бы далеко за рамки нашей книги. Хотя в этой работе частично и затрагивается данная проблема, но основательному ее рассмотрению будет посвящена дальнейшая публикация.

Другая формальная проблема возникает из вопроса, как встретятся с книгой читатели с различной степенью подготовленности в психоаналитических теориях и образцах психоаналитического мышления. Хотя я и позаботился о доходчивости как языка, так и изложения, что должно сделать возможным спонтанное понимание без необходимости обращения к обобщенным теориям (где это требуется, систематические объяснения даются в скобках или в сносках), но иногда тем не менее невозможно обойтись без определенных теоретических положений или знакомства с соответствующими понятиями. Для того, чтобы в подобных случаях не перегружать текст теоретическими пояснениями, я решил в интересах читателей, которые не особенно близко знакомы с психоанализом, представить теоретический материал в форме экскурсов. Используемые истории отдельных семей и детей, вернее сказать, отрывки из этих историй, стоят не так, как в упомянутой выше книге Валлерштейн, не обособленно, а служат живому повествованию. Их надо понимать не как эмпирическую легитимацию представленных результатов обследования, а как иллюстрации, которые должны помочь заинтересованному читателю установить взаимосвязь между изложенными феноменами и его собственной ситуацией. Критически заинтересованный читатель найдет в приложении подробные обобщения теоретических и методических положений обследования, которые легли в основу данной книги.

Часть первая

К ПСИХОДИНАМИКЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ РЕБЕНКОМ РАЗВОДА

1. ПАПА И МАМА РАЗВОДЯТСЯ

1.1. Психологический момент развода

Мы хотим понять, как ребенок переживает развод родителей, а вернее, как различные дети воспринимают его или какие именно реакции и при каких обстоятельствах являются наиболее вероятными. Что, собственно, должны мы понимать под "переживанием развода" в сравнении с другими подобными переживаниями? Юридический акт развода, конечно, не может иметь этого значения по той причине, что для ребенка не играет непосредственной роли, женаты его родители официально или состоят в неофициальном браке, который, естественно, не может быть и расторгнут. Но даже, если родители и были женаты, юридический развод играет в семейных отношениях лишь второстепенную роль. Бывает, что проходят месяцы или даже годы между фактическим и официальным разводом. Нередко бывает и так, что после развода родители еще продолжительное время живут вместе. Я знаю одну супружескую пару, которая развелась, когда дочери было девять месяцев. Сегодня девочке восемь лет, а родители живут до сих пор вместе.

Итак, мы приходим к выводу, что развод родителей необходимо дефинировать как "психологический момент развода". Это ставит нас перед фактом, что многим разводам предшествуют долгие конфликты родителей, во время которых они могут не раз на время расставаться.

Такие временные расставания между тем играют роль в жизни каждого ребенка. Отец Ганса находится по несколько месяцев в году в заграничных командировках. Является ли Ганс по этой причине в психологическом смысле "ребенком расторгнутого брака"? Отец Биргит работает ночью. Когда в пять часов вечера бабушка забирает ее из детского сада и приводит домой, отца уже нет дома, он ушел на работу. Утром, когда девочка уходит из дому с мамой, он еще спит. Биргит видит отца только в выходные. Является ли она тоже "ребенком развода" ?

Следует обратить внимание, что здесь речь идет о разлуках, причиной которых является жизненная необходимость, а не конфликты родителей. Но такой критерий также недостаточно состоятелен: маленькие дети не понимают этой разницы. Кроме того, часто бывает и так, что подобные рабочие командировки отцов являются (подсознательно), так сказать, "разводами", поскольку они дают возможность как можно меньше времени проводить в семье и максимально перенести свои жизненные интересы в область профессии. Но бывает и наоборот: однажды мать Марио взяла сына, которому было шесть лет, и переехала к подруге, потребовав развода у мужа, после того, как узнала о его супружеской неверности. Ребенку она сказала, что в их квартире ремонт, папа живет сейчас у своей матери, так как квартира подруги слишком мала для них всех.

"Ремонтные работы" продолжались многие недели, потом "папа продал квартиру" и поскольку Марио не прекращал спрашивать об отце, ему сказали, что папа работает сейчас в другом городе. Это продолжалось почти два года, пока Марио не увидел, наконец, своего отца и не узнал, что его родители развелись. В какой момент пережил Марио развод? Безусловно, не в момент их переезда к маминной подруге. До тех пор он был в гостях у тети Моники, которая его очень любила. Он гордо рассказывал также своей подруге, что после ремонта у них будет самая прекрасная квартира на свете. (Мама даже вещала, что его комната будет оклеена обоями с картинками из его любимого мультфильма.)

Изложенные выше примеры говорят о том, что продолжительность развода также не является критерием переживания развода. Есть дети, которые с нетерпением месяцы и даже годы ожидают возвращения отца или матери. Они печалются, но тем не менее остаются здоровыми. А есть и такие, которых уже на второй день после развода, словно подменили. Это зависит от того, как ребенок понимает развод: уходит папа (или мама) навсегда или он (она) вернется обратно. Что отличает развод от всех других видов разлуки (за исключением смерти одного из родителей), это окончательность, необратимость или же изменение привычных жизненных обстоятельств. Обычно эта ситуация возникает тогда, когда ребенку сообщают, что "папа и мама разводятся", что "папа (или мама) уезжает навсегда", что "папа (Или мама) не будет больше с нами жить" и так далее. Это обстоятельство превращает развод в утрату и такое переживание потери одного из родителей отличает разлуку путем развода или смерти от всех других видов разлук. (Более того, опыт развода и смерти одного из родителей с этой точки зрения имеет так много общего, что нет ни единого критерия, по которому их можно было бы отличить друг от Друга. Особенно характерно это для детей до семи-восьми лет, которые еще не понимают, что такое смерть и воспринимают ее как "уйти навсегда".) "Итак, я предлагаю момент осведомления детей о состоявшемся или предстоящем разводе дефинировать как "психологический момент развода". В случаях с маленькими детьми, которые еще не способны понимать, или с детьми, родители которых дают неясные или косвенные объяснения внезапному отсутствию отца или матери, невозможно установить непосредственную связь психологического момента развода с однозначным внешним событием, которым является информация о разводе. Об этом красноречиво говорят примеры пострадавших детей. Девятилетняя Габи до сих пор хорошо помнит, как родители сообщили ей, что они разводятся. Габи было тогда ровно четыре года и она думала, что развод имеет что-то общее со стрижкой волос (в немецком языке "scheiden lassen" — "разводиться" и "Haare scheiden" — "стричь волосы" звучит очень похоже. Прим. переводчика). То обстоятельство, что папа больше с ними не живет, она никак не могла связать с "разводом". Год спустя, однажды после ссоры с бабушкой, девочка начала плакать и кричать: "Когда папа, наконец, снова переедет к нам?" и получила ответ: "Папа навсегда останется в Л. Ты же знаешь, что твои родители развелись!" Для Габи именно этот день оказался днем развода. Марио, который был матерью неверно информирован (см. выше), примерно через год начал сомневаться в объяснениях матери, ее подруги и бабушки с дедушкой. На протяжении долгих месяцев он думал о том, что делает сейчас его отец за границей, представлял себе экзотические страны,

приключения, которые там случаются, и в которых он сам, фантазируя, принимал участие. И он рисовал в своем воображении тот чудесный день, когда папа вернется обратно. Но увливающие ответы, чувство неловкости или раздражения, с которыми взрослые реагировали на его вопросы, изумляли Марио. Папа не присылал никаких открыток, что он обычно делал раньше, когда куда-нибудь уезжал. На протяжении нескольких недель надежда на возвращение отца сочеталась в его сердце с растущим сомнением, но постепенно становилась слабее и слабее, пока совсем не исчезла. Это и был момент развода для Марио. Внешне выглядело так, что ребенок вдруг перестал спрашивать об отце. Тем удивительнее было для матери, что Марио вдруг, четырнадцать месяцев спустя после фактического развода, "без какой-либо внешней причины" начал вести себя испуганно и агрессивно, как маленький ребенок.

1.2. Видимые и скрытые реакции ребенка на развод

Если в дальнейшем речь пойдет о реакциях на развод, то это не значит, что здесь имеются в виду манифестные изменения. Речь пойдет о тех психических событиях, которые порождены переживанием развода или следуют за этим переживанием. Конечно, такие психические события находят свое выражение в поведении, но взаимосвязь так малоубедительна, что едва ли можно составить представление о психологической картине реакции ребенка на развод, исходя только из его поведения или так называемых симптомов. Конечно, особенности поведения могут являться выражением аффектов, так называемыми реакциями на переживание, но они могут также отражать сложное невротическое событие, которое состоит из конфликтов между частично подсознательными влечениями и специфичными механизмами обороны. Но важно и то обстоятельство, что специфические аффекты или психические конфликты ни в коем случае не должны проявляться внешне, поскольку они воспринимаются взрослыми в качестве ненормальностей или "симптомов". Ошибку, которая заключается в том, что тяжесть психической нагрузки "прочитывается" по бросающимся в глаза "симптомам", совершают не только многие исследователи проблемы развода, но также очень часто совершают ее и родители. Петер и Роза, например, принадлежат к той группе обследованных детей, для которых переживание развода лежит в прошлом. Они жили вместе со своей матерью и ее вторым мужем, который между прочим очень их любил. Петер постоянно огорчал свою мать из-за неспособности сосредотачиваться на занятиях в школе и неуверенности в себе. Роза, моложе брата на три года, была в школе любимой ученицей и обращала на себя внимание своим чувством коллективизма, способностью придти на помощь и изобретательностью. Однако обследование показало, что оба подростка все еще, как и прежде, тоскуют по потерянному отцу и до сих пор переживают массивную агрессивность по отношению к матери, которая, в подсознательных фантазиях детей, вынудила отца уйти из дому. Но эта агрессивность оказалась похороненной под внешне особенно добрым и вполне бесконфликтным отношением детей к матери. Вытеснение агрессивности у Петера нашло свое выражение в интеллектуальной области, выразилось в страхе перед (духовным) "насилием". По той причине, что он идентифицировал себя больше с матерью, чем с отчимом, его чувство

мужской идентификации было шатким и от этого усиливалась его пассивность. Агрессивные импульсы, из-за уколов совести, направлял он больше против себя самого и под влиянием (нормальных) переживаний переходного возраста все чаще впадал в депрессивные настроения. Роза, в отличие от брата, побеждала свою агрессивность путем так называемого образования реакций, уходя из конфликтов, проявляя себя по отношению к другим предельно готовой к помощи, вплоть до самопожертвования. Также и Розе давалась ее чрезмерная приспособленность к обстоятельствам ценой больших душевных потерь, которые в последние месяцы заявляли о себе частыми приступами мигрени. Мать была вначале просто поражена, когда я поделился с нею результатами моего обследования, которые говорили о том, что проблемы Розы и Петера связаны с их переживаниями

Экскурс

ПСИХОАНАЛИЗ, ПСИХИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И НЕВРОТИЧЕСКИЙ СИМПТОМ

"Классическое" психоаналитическое лечение состоит из трех-четырёх бесед еженедельно на протяжении нескольких лет. От пациентов ("анализантов") не требуется ничего, кроме как соблюдать основное правило: просто рассказывать первое, что им приходит в голову в настоящий момент по поводу своих спонтанных мыслей и чувств и притом независимо от того, кажется ли это им важным или неважным, подходящим или неподходящим, приятно ли это или стыдно (например, если чувства или мысли направлены против персоны аналитика). Вскоре выясняется, что это основное правило требует от анализанта жертвы, которая тяжелее денежных затрат и затрат времени, а именно: постепенного отказа от привычного и хорошо знакомого представления о себе. Кто подвергается психоанализу, тот должен узнать, что отношение к любимым людям также связано с заметным чувством ненависти, что за отказом от определенной персоны, может быть, обнаружится разочарованное обожание, что люди, вызывающие восхищение, могут являться источником зависти и ревности, что руководимое альтруизмом действие удовлетворяет также часть собственного тщеславия, что страх может соответствовать страстному желанию и опасениям по поводу того, что это желание может исполниться, что под внешним самоуверенным и доминантным поведением между тем скрывается большая неуверенность в себе, что почитаемые и любимые "чистой" любовью люди, такие, как родители, дети, однополые персоны могут быть предметом чувственно возбудимых фантазий и т.д.; что могут обнаружиться такие желания и склонности, о которых он понятия не имел, да и сейчас ничего знать не хочет. Это не означает, что первоначальное представление анализанта о себе, своих отношениях и о других людях было "фальшивым", только "кажущимся", в то время как психоанализ вскрывает "настоящее". Узнавание до сих пор остававшихся подсознательными побуждений, чувств и мыслей показывает, что душевные процессы являются в большей степени противоречивыми, "амбивалентными", что я люблю и ненавижу, что я хочу подчиниться и подчинять других, быть

большим и маленьким, мужчиной и женщиной, помогать другим и не забывать себя, я прощаю и желаю мести и т.д.

Итак, нам известны противоречия собственной персоны. Едва ли существует душевное побуждение, которое не порождало бы противоречия: мне хочется утром поспать, но мне не хочется потерять работу; мне хочется доставить радость ребенку, пойти с ним в кукольный театр, но мне также хотелось бы спокойно почитать книжку; я могу себе представить, как это было бы чудесно, иметь собственный дом, но мне страшно подумать, сколько в нем будет работы; я бы с радостью съел этот вкусный шницель, но мне хотелось бы все же похудеть... Это маленькие и большие конфликты наших будней, с которыми мы можем уживаться, поскольку мы оцениваем желания и мысли по их важности, некоторые отклоняем и принимаем решения по поводу приоритета.

Но существуют определенные ситуации и определенные виды конфликтов, которые превышают нашу склонность к разумному их разрешению. И именно тогда, когда речь идет о том, чтобы отказаться от душевного побуждения, так как в ином случае нам грозит большая опасность, но в то же время выясняется, что данная персона не способна на такой отказ. Подобные конфликтные ситуации создаются, постоянно повторяясь, преимущественно в раннем детстве. Поскольку жизнь маленького ребенка отмечена двумя особенностями: непременной зависимостью от присутствия и любви родителей (или заменяющих их персон), с одной стороны, и непременностью своих желаний и побуждений, "влекомостью" ими, с другой. (Фактическая и эмоциональная) зависимость требует, чтобы ребенок оберегал расположение родителей к себе, подчиняясь их ожиданиям и требованиям — при этом не так много зависит от того, что "в действительности" родители требуют от ребенка, сколько от того, что думает ребенок по этому поводу. Если же он этого не делает, то вынужден опасаться власти больших, потери их любви или вообще их исчезновения. Этому противостоит власть жизни детских влечений, которые стремятся к удовлетворению и удовольствию и не терпят отлагательства. В подобных обстоятельствах легко может случиться так, что ребенок попадет в душевные конфликты, которые для него — не как названные выше будничные конфликты, — не просто неприятны или, может быть, вызывают чувство стыда, Скажутся в высокой степени опасными. Если маленький мальчик или маленькая девочка попадают во власть своих чувственных побуждений, любовных желаний, "нарцисстических" потребностей (признания и ценности) или агрессивных импульсов и фантазий и не видит возможности удовлетворить эти потребности, не страшась оказаться наказанным, покинутым или уничтоженным, То дело доходит до своего рода душевной реакции побега от собственных влечений, чувств и(или) фантазий: они "вытесняются", становятся подсознательными. Ребенок, который, например, вытеснил свои агрессивные желания по отношению к матери, не нуждается больше в отказе от их удовлетворения, поскольку он их больше вообще не испытывает. Но таким образом конфликт, как таковой, оказывается вытесненным в подсознание.

Вытеснение, однако, не устранило раз и навсегда конфликтных психических составных. Отслоения от сознательного оставляют им свою силу, что ведет к тому, что они снова стремятся в

обновленное сознательное, чтобы в конце концов все же добиться удовлетворения. Для того чтобы вытеснение не слишком подвергалось опасности, что послужило бы восстановлению страха, дело приходит к измененной, искаженной форме выражения, которая в состоянии исполнить добрую часть удовлетворения также конфликтных стремлений, тем не менее без непереносности возбуждения первоначальных страхов. Классическими примерами этого вида "конфликтной обороны" являются: перенос возбуждающих страх агрессивных с любимой персоны на другую, безобидную, или перенос страхов на другой объект, против которого есть возможность лучше защититься, чем против (в то же время и любимых, и необходимых) матери или отца; обращение желаний в его противоположность (презрение, отвращение); отрицание фактов (как в случае Фрау Б. с. 000 и далее); расслоение картины, которую создает ребенок по поводу определенной персоны, в "только добрые" ее части (перед которыми нет необходимости испытывать страх) и в "совсем злые" (которые позволяют быть агрессивным), причем "продукты расслоения" время от времени сменяют друг друга или их части переносятся на других персон (благодаря чему создаются представления только о добрых и только злых людях); проекция собственных возбуждений на другую персону и многое другое. Результатом этих (естественно, подсознательных) превращений первоначальных стремлений — психоанализ говорит в этом случае о механизмах обороны — или взаимосвязи различных оборонительных процессов являются невротические симптомы: принудительно внедряющиеся и возвращающиеся виды восприятия и поведения, состояние чувств и желаний. Их едва ли можно изменить путем волевых усилий, поскольку сами по себе они исполняют важную психическую функцию. Они являются в известной степени образованиями компромиссов между противоположными психическими тенденциями, чья прямая неприкрытая репрезентация для ребенка чересчур угрожающа. В виде же симптомов становится возможным частичное исполнение изначального стремления к удовлетворению в довольно бесстрашных формах. Однажды вытесненное, отраженное душевное побуждение в большей степени остается табуизированным также и по прошествии детства, т.е. на "Всю жизнь. Поскольку подсознательные части личности не развиваются вместе с сознательным "Я", то, таким образом, каждый человек носит в себе часть слабого, зависимого, влекомого и боязливого ребенка, каким он когда-то был. Проще говоря, все невротические страдания взрослых, идет ли речь об иррациональных страхах, сексуальных проблемах, "невротических" (истерических) физических жалобах или о депрессиях, внутренних принуждениях, проблемах самооценки и др., являются "анахронизмом", результатом несоответствия между нашими Сознательными "взрослыми" и нашими подсознательными, "инфантильными" переживаниями, чувствами и желаниями и поэтому их следует рассматривать как наследие устрашающих психических конфликтов детства.

Психоаналитическое лечение занимается поиском этих Подсознательных, вытесненных частей личности и предохраняющих невротическое равновесие механизмов обороны, чтобы предоставить их (снова) в распоряжение Сознательного "Я" взрослого. Для взрослых, однако, конфликты потеряли добрую часть своей опасности или у них есть возможность преодолеть их иным путем, а не посредством подсознательной обороны. Если это удастся, то симптомы теряют

свою функцию (отражение страха) и могут спокойно исчезнуть.

развода и его последствий, поскольку сама она всегда была убеждена в том, что дети никогда по-настоящему не страдали из-за разлуки с отцом. И мать рассказала, как дети, которым было тогда семь и четыре года "внешне" реагировали на ее сообщение о разводе. Петер высказался по этому поводу: "Наверное, так и лучше, по крайней мере, дома будет поменьше скандалов!", а Роза спросила только: "Я должна буду пойти в другой детский сад?" Дети в дальнейшем "не проявляли ничего необычного в их поведении, — рассказывала мать, — они были спокойны и уравновешены, из чего я сделала вывод, что исчезновение напряженных отношений между моим мужем и мною благоприятно повлияло на детей".

Фрау Р. искала нашего совета в отношении ее двенадцатилетней дочери Моники. Десять дней назад отец внезапно покинул жену и двоих детей для того, чтобы начать новую жизнь в Австралии. С тех пор Моника не разговаривает с матерью, не может спать, не может сосредоточиться на занятиях, с нею ежедневно случаются приступы рыданий. Когда я спросил о втором ребенке, мать ответила: "С Робертом все в порядке. Он не кажется так глубоко задетым". В ходе дальнейшего обследования обоих детей выяснилось, что для Роберта уход отца из семьи сыграл роль еще большей катастрофы, чем для его сестры. Не считая крайних ситуаций, когда дети избиваются отцом и семейная жизнь состоит из страха и ужаса, убеждение родителей и их надежда на то, что развод не принесет детям особенных переживаний, просто удивительны. Можно ли, обладая здравым человеческим смыслом и минимальным психологическим дутьем, вообще представить себе, что такое событие, как развод родителей, не доставит детям "никаких" или "никаких серьезных" переживаний?

1.3. Печаль, гнев, чувство вины и страх

Надо только представить, что мы будем чувствовать, если нас внезапно покинет человек, которого мы любим больше всех на свете. И к тому же, без предупреждения. Но многие родители не понимают, что отец, который покидает супружескую квартиру, покидает не только жену, но и детей, и его дети таким образом переживают не просто развод родителей, а также и свой собственный развод с отцом (или матерью). Следует также понять, что дети вообще не подготовлены к тому, что их отношения к обоим родителям, Называется, зависят от чего-то другого, а не только от обоюдной любви между родителями и детьми. Иногда дети, может быть, и понимают, что мама и папа часто ругаются, может быть, даже то, что они больше не любят друг друга. Но почему он уходит от меня? - спрашивает девятилетняя Лора. - Папа может жить в другой комнате. У него же есть я" Если мать говорит ребенку, что папа переезжает в другое место, то она знает, что отец делает это из-за нее, может быть, даже инициатива исходила от нее самой. Лора же воспринимает это так, что отец покидает ее, Лору. К печали по поводу потери отца примешивается боль от сознания, что сама она не очень важна и недостаточно любима, чтобы суметь удержать отца дома, несмотря на его ссоры с матерью.

Это сознание своей второстепенности в любовной жизни разводящегося родителя, своей беспомощности как-то помешать разводу приводит печаль к ярости. Ярость ребенка может быть направлена на обоих родителей, когда у него появляется чувство, что родителям важнее их собственные запросы и потребности, чем его, ребенка, что они причиняют ему эту боль, хотя всегда утверждали, что для них нет на свете ничего дороже ребенка, что они, которые всегда играли роль хранителей порядка и долга, вдруг забыли о своем родительском долге и так далее. В других случаях ярость обращается вначале на одного из родителей, на которого ребенок возлагает вину за развод в то время, как со вторым он себя идентифицирует. Анне семь лет, ее сестре Лауре — шесть. Обследование показало, что Лаура не может простить своему отцу то, что он оставил семью из-за другой женщины. Анна же, напротив, идентифицирует себя больше с отцом и направляет всю свою злость и разочарование против матери, которой она бросает упреки, что та, дескать, выжила из дому отца и таким образом отняла его у дочери. На примере двух сестер мы можем видеть, что обвинения детей далеко не зависят от того, на ком из родителей в действительности лежит вина за развод (стоит ли говорить о том, что установление вины во многих случаях просто не представляется возможным и, с точек зрения обоих родителей, выглядит по-разному. В случае Анны и Лауры — это мать потребовала развода, вопреки воле отца. С ее точки зрения, разумеется, вина лежала на муже, которого она уличила в связи с другой женщиной). Что же касается восприятия детей, то их обвинения (частично подсознательно) больше связаны с тем значением, которое приобретает для них развод, с их отношением к объекту и предпочитаемыми механизмами обороны против конфликтов, чем с реальным положением вещей.

Ярость по отношению к обоим родителям и ярость только к одному из них, которого ребенок считает персонально виноватым, ни в коем случае не являются взаимоисключающими. Во-первых, агрессии — это влечения, которые могут менять свой объект, так что иногда можно наблюдать, что ребенок ненавидит поочередно то отца, то мать, а то и обоих одновременно за причиненное ему зло. Во-вторых, есть основания считать, что наряду с сознательными аффектами существуют также подсознательные позиции чувств. Так, проективные тесты показали, что и Анна, которая направила свою ярость в основном против матери, тяжело переживает свое отношение к отцу, подсознательно приписывая тому предательство любви. (Об этих положениях пойдет еще речь в последующих главах.)

Хочется поподробнее затронуть один особенный вид обвинений, а именно, обвинение по поводу развода, которое дети предъявляют к самим себе. Да, часто бывает так, что добрая часть тех обвинений, которые дети предъявляют к родителям или к одному из них, является только защитой от чувства собственной вины. (Обвинить другого с тем, чтобы освободить себя от чувства вины — это в конце концов относится к "душевному репертуару" многих людей.) Но как приходят дети к тому, чтобы, являясь, собственно, жертвами, и ни в коем случае не "преступниками", приписывать вину в разрушении семьи самим себе?

При ближайшем рассмотрении можно видеть, что речь пойдет не о таком уж необычным феномене, как это кажется первоначально, а о том, что обстоятельства большинства разводов

именно из-за детей приводят к переживаниям, в большой степени содержащим в себе чувство вины. Мы уже говорили, что многие, и прежде всего маленькие дети, часто бывают застигнуты разводом врасплох и вдруг начинают понимать, что отношения и конфликты родителей имеют для них гораздо большее значение, чем их отношение к ребенку. Это является большой неожиданностью для эгоцентризма ребенка, для его представления о том, что именно он является центром мироздания. И хотя у ребенка на третьем-четвертом году жизни уже появляется представление о том, что у родителей, наряду с их отношением к нему, существуют еще и собственные взаимоотношения, он еще долгое время различными путями сохраняет иллюзию, что именно он является важнейшим любовным партнером родителей. Если в ребенке достаточно сильно это убеждение, то он понимает развод как провал своих собственных отношений с покинувшим семью родителем и воспринимает себя любовным партнером, потерпевшим неудачу. В общем-то и нам, взрослым, знакомо это чувство, если мы оказываемся покинутыми любимым человеком: может быть, я слишком мало ему (ей) дала (дал)? Что я сделала (сделал) не так? Может быть я недостаточно привлекательна (привлекателен)? Я его (ее) разочаровала (разочаровал)? И так далее.

Подобные ощущения вины объясняют также потерю чувства собственной полноценности, которая сопровождается чувством покинутости, что можно наблюдать почти у всех детей после развода родителей. Эти фантазии вины во многих случаях усиливаются воспоминанием о том, что значительная часть ссор между родителями затрагивала вопросы воспитания, а значит, вращалась вокруг ребенка. Так начинает он воспринимать себя в качестве реальной причины конфликта.

Для ребенка это является достаточным основанием, чтобы приписывать себе частичную вину в разводе родителей. К тому же часто бывает так, что многие дети пытаются играть роль примирителей в конфликтах между отцом и матерью. Развод является доказательством крушения этих попыток. С уходом одного из родителей превращаются также в реальность архаические страхи перед разлукой и потерей любви. Эти страхи сопровождают в той или иной степени все инстинктивные конфликты подростков и являются двигателем культурной приспособляемости. Вследствие этого развод представляется многим детям наказанием, расплатой за плохое поведение, за недостаточные успехи, за, собственно, запретные мысли.

Среди этих запретных мыслей особенную роль играют агрессивные фантазии. Между людьми не существует любовных отношений, которые не были бы амбивалентными, т.е. в которых не было бы агрессивного компонента, что делает любовь и сильной, и ранимой. Чем моложе дети, тем более склонны они считать, что запреты, заповеди и лишения, исходящие от родителей, являются только знаком недостаточной любви с их стороны, что в свою очередь порождает страх и ярость. То, что ребенок, который чувствует себя задетым, раненым, в высшей точке своего гнева не хочет видеть отца или мать, желает, чтобы они исчезли, умерли (что для маленьких детей одно и то же), является нормальным феноменом. Такие приступы агрессии, естественно, быстро проходят и потребность в любви снова возмещается, как и сама любовь. Но остается страх, что злые желания могут превратиться в явь и(или) привести к расплате. В нормальной жизни все же ребенок вскоре находит доказательства необоснованности подобных

страхов: мама и папа остаются вполне достигаемыми, они живы, выглядят непострадавшими от его гнева. Это чрезвычайно важный опыт, на котором ребенок учится делать различие между фантазиями и реальностью и преодолевать фантазии о собственном всемогуществе. Дело не приходит к расплате, которой он так опасался, в худшем случае она ограничивается только фантазиями, где уничтожительные желания и страхи перед наказанием образуют материал для выдумок о тиграх, разрывающих жертву, ведьмах, духах. Что же происходит, если маленькие дети во время обострения конфликтов объектоотношений вдруг оказываются застигнутыми врасплох известием об уходе одного из родителей? Это выглядит так, как если бы мимолетное желание, чтобы отец исчез, вдруг стало реальностью или в случае, когда агрессивность была направлена против матери, что мать наказывает ребенка за его злость тем, что разлучает его с отцом.

Развитие чувства вины за развод родителей является в действительности скорее правилом, чем исключением, о чем уже не раз упоминали другие авторы в своих работах. Валлерштейн и Келли (1980) считают, что подобные явления встречаются в 30 — 50% случаев. По моим наблюдениям, этот процент как у маленьких детей, так и у старших, намного выше. Чувство вины порождает страх, страх перед расплатой и страх перед силой собственной власти. Но даже те дети, которые не чувствуют себя соучастниками в причинах развода, испытывают тем не менее тяжелое беспокойство. Каждое радикальное изменение в жизненных отношениях несет в себе угрозу и главным образом ребенок чувствует, что он не имеет ни малейшего влияния на надвигающиеся обстоятельства. К тому же появляются вопросы: "Буду ли я папу (маму) еще видеть?", "Где мы будем жить и где он?", "Как я смогу найти папу (маму), если я еще не могу один ездить на трамвае?", "Кто будет зарабатывать деньги, чтобы мы могли купить еду?", "Что будет с моими друзьями, если мы должны будем переехать в другой район или в другой город?", "Кто позаботится о моем хомячке, можно ли мне будет взять его с собой?", "Что я скажу в детском саду, если папа (мама) не будет меня больше забирать?" И много-много других волнующих вопросов. Только тот, кто не знает детской души, только тот, кто изгнал из своей сознательной душевной жизни ребенка, которым он сам когда-то был, будет смеяться над этими заботами. Это те тяжелые проблемы, которые могут отнять у ребенка покой и сон. Таким образом, они великолепно годятся для рационализации глубоких бессознательных страхов, из которых они оттягивают дополнительную психическую энергию и вызывают у детей "истерическую" пугливость. Наряду с упомянутыми фантазиями по поводу расплаты к этим глубоким страхам относится и страх подавляющего большинства всех детей разведенных браков — после отца потерять также и мать (или наоборот). Страх, который испытывают дети совершенно сознательно, базируется в первую очередь на — шокирующем — открытии о преходящем характере любви. "Мама и папа не понимают друг друга, много ругаются и не любят больше друг друга, как любили прежде...", — так или примерно так объясняет большинство родителей детям причины развода. Ничего нет проще, чем представить себе ответ ребенка: "Если мама не любит больше папу и уходит от него (или отправляет его прочь), кто знает, может быть завтра или послезавтра она точно так же не будет любить меня и точно так же уйдет от меня (или отошлет прочь от себя)". И он должен думать о том, что между ним и мамой тоже часто бывают ссоры, а именно ссоры,

вероятно, и привели родителей к тому, что они больше друг друга не любят. Эти раздумья, будь они сознательны или подсознательны, часто являются причиной, так сказать, "позитивных" изменений поведения ребенка после развода, когда он стремится избегать конфликтов, свои запросы и свою агрессивность отодвигает на задний план, чтобы уменьшить опасность оказаться покинутым.

Вспомним, к примеру о Петере и Розе.

У одного ребенка может преобладать печаль, у другого она перекрывается гневом, третий, может быть, мучает себя укорами совести, в то время как четвертый от панического страха, что он может потерять также и мать, даже не думает о том, чтобы печалиться или злиться из-за ухода отца. Эмоции могут выражаться у каждого индивидуума по-разному — печаль, болезненные ощущения, ярость, вина и страх — все это как типичные, так и нормальные реакции ребенка на развод родителей. И это не просто вероятные реакции, которых, может быть, следует ожидать, а ребенок должен реагировать в одной из этих форм, если он в принципе психически здоров и в свое время развил в себе либидинозно окрашенное отношение к ушедшему родителю. Конечно, может быть и такое, что проявление каких бы то ни было реакций остается скрытым от окружающих и даже от родителей. О подробностях этого феномена мы узнаем в дальнейшем.

Дети, которые любят своих родителей — пусть это чувство даже в высокой степени амбивалентно — всегда реагируют на развод, потому что он является настолько решающим событием в жизни, что никакой любящий человек не сможет остаться равнодушным. Но описанные выше чувства относятся к душевному набору каждого ребенка, они представляют собой не только душевное потрясение, но одновременно и средство борьбы с этим потрясением за восстановление душевного равновесия. Упомянутые душевные реакции, с одной стороны, показывают большое душевное страдание, но, с другой — в этой форме они не представляют собой угрозы существованию. Печаль помогает ребенку примириться с пережитой потерей и печаль — за исключением депрессий — позволяет себя утешить. Грустный ребенок вызывает у окружающих потребность сделать для него что-то доброе, грусть позволяет себя утешить и в конце концов она уходит, если ребенок вновь убеждается в том, что он по-прежнему очень много значит для мамы и для папы. Ярость — это аффект, который вступает в силу только тогда, когда бывает пережито очень большое разочарование, разочарованным же можно себя чувствовать только в отношении персоны, от которой ожидаешь чего-то приятного, удовлетворения и любви. Ярость имеет также значение борьбы против "злой" части объекта или самого объекта с тем, чтобы восстановить "хорошие" отношения с объектом. Она содержит также шанс — если не гарантию — "катарсиса", т.е. просветления, очищения. К тому же она является для окружающих, при условии, что они не чувствуют себя в опасности по причине детской агрессивности, также сигналом к тому, чтобы помочь ребенку в восстановлении веры в преимущество любви. Если родители дадут себе труд и предметно объяснят ребенку причины развода, если при этом станет ясно, что они не хотят причинить ребенку зла, а наоборот, хотят все сделать, чтобы ему помочь, это даст возможность ребенку со временем преодолеть большую часть его чувства вины. Во власти родителей находится также возможность помочь ребенку преодолеть его страхи уже тем,

что они примут их вполне серьезно и серьезно их обсудят. В конце концов время поможет ребенку понять, что развод хотя и заставил мир пошатнуться, но не опрокинул его.

1.4. Для Манфреда и Катарины наступил "конец света"

Есть дети, у которых известие о том, что один из родителей не будет больше жить вместе с ними, вызывает психические реакции, далеко выходящие за рамки описанных чувств печали, ярости, вины, страха.

Манфреду шесть с половиной лет. Мальчики в этом возрасте обычно идентифицируют себя с отцами. Психоаналитическое понятие идентификации означает гораздо больше, чем просто взятие другого человека в качестве примера для подражания. Идентифицировать себя с другим означает частично быть с ним сросшимся, подсознательно фантазировать: что ты действительно этот другой, жить "через" него и переживать, как он. Идентификация выражается в чувстве "мы", которое принимается в себя. Путем идентификации я присваиваю себе часть объекта, с которым я себя идентифицирую. (Идентификации являются также важными стимулами детской социализации и имеют огромное значение для развития личности, на них опирается большинство рекомендаций, которые играют большую роль в педагогической практике.) Итак, Манфред относился к тем мальчикам, которые особенно сильно идентифицируют себя со своими отцами. Для него отец был живым воплощением всего того, что придает жизни смысл: он был обладателем роста, силы, власти, разума и любви к матери в сочетании с восхищением ею. Отец обладал всем тем, в чем он сам так мучительно нуждался. Только благодаря идентификации с отцом ему удавалось не падать духом по поводу своей слабости и маленького роста и преодолевать страх перед теми, кто был старше и сильнее его. Отец гарантировал мальчику также необходимое эмоциональное прикрытие в отношении матери, что позволяло ему хотя бы частично чувствовать себя защищенным от ее строгости. Идентификация давала ему возможность сосуществовать с болезненным сознанием, что мать обращается с ним как с маленьким ребенком и доминирует над ним, и все же сохранять свою мужественность. Такие сильные идентификации не обязательно результат внешне особенно близких отношений. Отец Манфреда был художником и очень часто отсутствовал по нескольку дней или недель. И, как раз наоборот, из-за частой недостижимости отца, чувство идентификации сильно возросло, что обычно является — подсознательно — путем к тому, чтобы любимого человека всегда иметь при себе, вернее, в себе, даже тогда, когда его нет рядом*.

* Конечно, мера действительного присутствия или отсутствия объекта не остается без влияния на характер идентификации. Ср. замечания об идеализации и пренебрежении, с. 311.

Когда Манфред узнал, что отец не вернется больше домой из своей последней поездки, он потерял не просто любимого человека. Жить дальше без отца означало для Манфреда потерять

самого себя. Отец в известном смысле забрал с собой хорошие и сильные части личности Манфреда. Осталось маленькое существо, обижаемое и дразнимое во дворе и в школе и чувствующее себя в полной зависимости от чересчур заботливой матери. Потеря отца означала для Манфреда также потерю будущего, а именно, в его становлении мужчиной, поскольку у него отняли возможность уже сейчас, путем идентификации с отцом, таковым себя ощущать. Развод кастрировал Манфреда и таким образом сделал действительностью эдиповы и предэдиповы опасения. В этих обстоятельствах печаль превращается в растерянность, чувство вины обращается к фантазии о самоуничтожении и на место страха вступает чувство поражения.

Но не только разлука с однополым родителем может переживаться ребенком так драматично. Катарине было неполных пять лет, когда ее родители разошлись. Она находилась в высшей точке своей эдиповой любви и была нежно предана отцу, который воплощал для нее сияющего сказочного принца. Отец был врач и для Катаринины было самой собой разумеющимся, что она со временем тоже станет врачом или медсестрой, чтобы ассистировать отцу. Уже сейчас это были счастливейшие моменты, когда она бралась за ручку двери его кабинета и ей разрешалось принести ему картотеку. Ее любимейшей игрой была кукольная семья. При этом кукольный отец был ее отцом, она сама была матерью и они вместе заботились о детях.

Любовь Катаринины пользовалась взаимностью. Отец с момента ее рождения принимал участие в уходе за нею. Их отношения стали еще более близкими на третьем году жизни Катаринины, когда у нее появился маленький братик Филипп и отец переживал потерю близости матери. К этому примешивалось и то, что латентная напряженность между родителями порой находила выход в открытых ссорах, которые тоже обременяли ребенка. Мать все больше отдавала себя младенцу, что еще сильнее сближало отца и дочь.

С разводом Катарина потеряла свой первичный любовный объект. Но это еще не все. Близкие отношения с отцом помогали ей удерживать в рамках свою ревность к брату и не видеть угрозы для себя в том, что мать сконцентрировалась на любви к Филиппу. Отец для нее заменил также и мать, что после его ухода из семьи вызвало в девочке чувство одиночества. Поскольку во время ссор родителей она внутренне всегда становилась на сторону отца, теперь она стала бояться матери, что отнимало у малышки надежду вновь завоевать ее любовь и быть в состоянии конкурировать с братом. Отца она начала также страстно ненавидеть за причиненную ей боль, как страстно перед этим его любила. Отец переехал к своей подруге, мать любит Филиппа, Катарина чувствовала себя все более и более одинокой. Развод отнял также у Катаринины часть ее личности, а именно, чувство защищенности, чувство, что она любима и веру в собственную способность любить. А любить и быть любимым — это для ребенка условие существования. Катарина же, на ее взгляд, потеряла способность к любви.

Манфред и Катарина были так поражены разводом, что не могли на него реагировать ни печалью, ни яростью. Они были непосредственно травмированы им*, чувствовали

**Лапласи и Понталис характеризуют психическую травму как "событие в жизни субъекта, которое*

дефинируется по степени его интенсивности, а именно, несостоятельность субъекта вызывает в его психической организации потрясение с длительным патогенным воздействием. Проще говоря, если травма характеризуется таким наплывом возбуждения, который является чрезмерным по сравнению с толерантностью субъекта и его способностью это возбуждение психически преодолеть и переработать (1967, с. 513). Намного острее характеризует травму Анна Фрейд. Она пишет: "Прежде, чем я назову событие травматическим, я спрошу себя, считаю ли я, что данное событие явилось поворотным в жизни пострадавшего, что оно направило развитие ее в другую сторону и оказало патогенное влияние. Или я имею в виду травму в ее собственном значении слова, т.е. внутреннюю катастрофу, разрушение личности на основе наплыва возбуждения, которое вывело из строя функции "Я" и его способность к восприятию" (1967, с. 1843). Между тем в названии книги ("Между травмой и надеждой") понятие "травма" я употребляю в еще более общем смысле слова, чем Лаплани и Понталис — в разговорном смысле, обозначающем событие, ведущее к коренным изменениям с патогенными последствиями; говоря о непосредственно травматических реакциях на развод, о посттравматической обороне, в тексте я опираюсь на более строгую характеристику, выдвинутую Анной Фрейд. Я понимаю формулировку: «вывести из строя "Я" и функции "Я" не в смысле полного уничтожения "Я" (да и возможно ли такое?), а считаю теоретически обоснованным говорить о травме, когда разрушается уже актуальная психическая организация субъекта и его "Я", то ли развивается негативно, то ли регрессирует. Далее, несмотря на то, что я в основном придерживаюсь мнения Анны Фрейд, что понятие "травма" должно ограничиться событием, но тем не менее считаю также уместным характеризовать послеразводный кризис как травматическое "событие", хотя здесь речь идет о процессе, который растягивается порой на месяцы: после-разводный кризис в контексте истории жизни ребенка является пришедшим извне ударом судьбы, исключением из правил существования и располагается между разводом и периодом (посттравматической) обороны; эффект этого кризиса сильно приближается к непосредственно травматическому реагированию и границы между тем и другим обозначаются нечетко».

себя сраженными, беззащитными и беспомощными, так чувствует себя голодный младенец, который просыпается один в своей кроватке и на его крик никто не приходит, чтобы покормить или, как минимум, его утешить. Но это еще не вся проблема. В отличие от простого испуга, который тоже следует понимать как неожиданное поражение, в этом случае психическое равновесие, существовавшее перед совершившимся (внутренним и (или) внешним) событием, у травмированных людей не восстанавливается само по себе. Травма оставляет после себя глубокие раны. Я попробовал показать, как повлияли переживания развода на личность Манфреда и Катарины. Оба они больше не те дети, которыми когда-то были.

Конечно, Манфред и Катарина тоже реагируют на происшедшее. Но они реагируют не на обстоятельства и события, а на чувства, на пугающие фантазии, которые пробуждают к жизни эти события. Другими словами, то, что происходит с Манфредом, надо понимать не как реакцию на отсутствие отца, а на — субъективно — состоявшуюся кастрацию и угрозу поглощения матерью* по причине своей собственной беспомощности. Жизнь изменилась для него в страшную сторону. Отовсюду грозит опасность. Главное для него сейчас — скрыть свою беззащитность, компенсировать ее или постоянно сопротивляться. Он воюет против одноклассников, причиняет им серьезные ранения, кичливым образом отказывается выполнять требования учительницы, мать он то просто не замечает, то обращается с ней как с ужасным чудовищем, в приступах ярости кидается на нее или закрывается в своей комнате. Катарина же ведет себя так, будто она

освободилась от всяких обязательств любви. Правил, соблюдение которых мотивируется любовными отношениями ребенка, для нее не существует, она делает то, что ей хочется в настоящий момент, чувств других людей она просто не замечает. Выглядит это так, словно девочка полностью отгородилась от всех окружающих и пытается выжить в совершенном одиночестве, как Робинзон.

Почему развод, который тем или иным образом потрясает всех детей, нанес Манфреду и Катарине такую травму? Является ли их предыстория столь уж необычной? Прежде всего возникает вопрос, сумеют ли эти дети побороть свой душевный срыв, зарастут ли когда-нибудь их раны? Сумеет ли Манфред в "чудовище" снова увидеть свою любящую мать? Найдет ли Катарина своего Пятницу, который поможет ей вновь поверить в любовь? Прежде чем опять

**К вопросу о новом поглощении и страхах кастрации ср. экскурс на с. 119 и далее, с. 150 и далее.*

обратиться к этим вопросам, нам хочется проследить судьбу "нормальных", т.е. детей, непосредственно не травмированных после развода. Мы увидим, собственно, как многие из них терпят поражение вначале кажущейся не такой уж безнадежной борьбе за восстановление своего душевного равновесия, и развод в конце концов становится для них такой же катастрофой, как для Манфреда и Катарины.

2. ПОСЛЕРАЗВОДНЫЙ КРИЗИС

2.1. Удавшаяся и упущенная "первая помощь"

Период, наиболее благоприятный для использования душевных реакций в преодолении тяжелых переживаний развода, я назвал послеразводным кризисом. В то время как интенсивность и характер непосредственных реакций на развод, т.е. на окончательную разлуку с одним из родителей, в первую очередь совершенно очевидно зависит от индивидуальной диспозиции ребенка, которая придает событию свое особое значение, протекание послеразводного кризиса в последующие за разводом недели и месяцы зависит больше от тех внешних обстоятельств, которые сопутствуют разводу.

Восьмилетняя Магдалена после ухода отца постоянно держится за юбку матери, как четырехлетняя. Хотя мать и заверяет ее, что она ее никогда не покинет, но девочка думает, что вернее будет все же постоянно оставаться поблизости от нее, и повсюду следует за ней, контролирует, где и как мать отсутствует и запрещает ей куда бы то ни было выходить по вечерам. Кроме того, ее мысли постоянно занимает отец, она задает себе вопросы: хорошо ли чувствует он себя совсем один в своей новой квартире; Магдалена не может понять, как это может быть, что отец смог ее покинуть, несмотря на то, что любит ее, как уверял перед уходом; думает о том, как она должна вести себя в выходные при встрече с ним, чтобы не ранить ни отца, ни мать. Но мать Магдалены хорошо понимает проблемы дочери. Она не сердится и принимает регрессии

девочки, как нечто неизбежное в данной ситуации. Она отказывается в течение многих недель от посещения занятий по джазовой гимнастике, своих подруг старается приглашать к себе, вместо того чтобы выходить с ними куда-нибудь. Таким образом Магдалена получает доказательства того, что родители на нее не сердятся и никто не возлагает на нее ответственности за случившееся. Мать старается радовать ребенка всеми возможными средствами, отец гуляет с ней по городу, как со взрослой дамой. Все же иногда, даже спустя четверть года после развода, у Магдалены подступают слезы, особенно вечерами, перед сном, когда она думает о том, как это было чудесно, когда мама и папа сидели у ее кровати вместе. Но самые большие опасения девочки все же не оправдались — у нее до сих пор есть и мама, и папа, которые ее любят. Теперь она уже не испытывает, как прежде, страха, когда мама выходит куда-нибудь вечерами, хотя и не позволяет себе заснуть до тех пор пока та не вернется. Но и это скоро пройдет. Магдалена снова взяла "свою жизнь в руки". Через шесть месяцев после развода ее мысли стали крутиться вокруг Георга, самого красивого мальчика в классе, который говорил ей, что она единственная девочка, которая ему нравится...

Стефану девять лет и он чувствует себя жалким и беспомощным. Отец ушел четырнадцать дней назад и все это время в доме идут разговоры только о том, что принадлежит отцу и что матери и кто за что должен платить. И опять одно и то же — кто виноват в том, что все это случилось. Стефан был зол на своих родителей, потому что они считали себя такими важными. Казалось, что о нем никто и не думал. Но это все же было не так. У Стефана есть дедушка, который раньше был в его глазах просто добрым, курящим трубку господином, неизменным атрибутом его жизни, но не более того. Да и Стефан посещал своих дедушку и бабушку не так уж часто. Вдруг дедушка стал приходить каждые два-три дня и только для того, чтобы поиграть с ним, в выходные ходил с ним гулять в Пратер или в кино. Но самое главное: он слушал Стефана. Он утешал его по поводу постыдного происшествия — пару раз он обмочился в постель, выказывал понимание по поводу его гнева, объяснял понятными ребенку словами, как это может случиться, что двое людей любят друг друга, а потом вдруг не хотят больше жить вместе. Стефан совершенно неожиданно нашел в дедушке друга с отеческим отношением, для которого, казалось, он, Стефан, был важнее, чем все взрослые и который возвращал Стефану часть его потерянного доверия к себе самому. Но было нечто, о чем он не мог говорить даже с дедушкой, а именно, о предстоящем своем дне рождения, первом после развода. Стефан рассматривал его как печальнейший день своей жизни. Он видел себя сидящим около своего любимого торта, не радуясь ни тарту, ни подаркам. И мама, такая раздраженная в последние недели, будет чувствовать себя больной и оскорбленной...

День рождения начался, как и ожидалось. Петер в этот раз не стал организовывать праздника для своих друзей, поэтому и в классе его никто не поздравил. От учительницы он получил несколько замечаний, так как в этот день, как и вообще в последнее время, не мог сосредоточиться на занятиях. Может быть, как минимум, придет дедушка, это немного скрасило бы сегодняшний день. Когда Стефан пришел домой, дедушки не было. Мама стояла у стола, на котором он увидел свой любимый торт, и говорила что-то, чего Стефан не хотел даже слушать,

потому что у него к горлу подступал комок. Сквозь слезы видел он огромный пакет, что-то напоминавшее плохо упакованные санки. Вдруг этот пакет начал шевелиться и из-за стола вынырнул — папа! Стефан закричал от радости и через несколько секунд оба сжимали друг друга в объятиях. Это был чудесный день. Отец подарил ему интересный маленький аппаратик и объяснил, что это так называемая пищалка, при помощи которой он может в любое время позвонить отцу или дать ему знак, чтобы тот позвонил ему, Стефану. Потом все вместе, и мама тоже, поехали на новую папину квартиру и показали Стефану дорогу. На двери одной из комнат он увидел латунную табличку, на которой было выгравировано "Стефан". Это была его комната на тот случай, когда он каждые вторые выходные и каждый второй четверг после занятий физкультуры будет навещать отца. А посередине комнаты стоял лучший на свете детский гоночный велосипед и на нем записка: "От мамы и папы, которые всегда будут тебя любить".

Для Магдалены и Стефана самое трудное было позади. Они вынуждены были сделать тяжелое открытие, что их жизнь изменилась, но она, как почувствовали и Магдалена и Стефан, продолжается. Эти дети вынесли полезное для себя, благодаря способности своих родителей понимать чувства печали, гнева и страха, которые боролись в детях. Мать Магдалены хорошо понимала зависимость ее дочери, а Стефан нашел в своем дедушке человека, временно заменившего ему родителей и противопоставившего потерям, которые принес ребенку развод, новые дружеские отношения. Но и родители Стефана поняли, наконец, что их сын именно в свой день рождения нуждается в особенном доказательстве их любви. К тому же оба ребенка, и Магдалена, и Стефан, одна со своей матерью, а другой с дедушкой, нашли возможность обсуждать обстоятельства и причины развода, а также свое будущее, что в большой степени сгладило их чувства вины и страха. Родители Магдалены и Стефана, а также дедушка Стефана сумели оказать ребенку столь необходимую первую помощь. И сумели они это потому, что поняли боль их детей и восприняли ее со всей серьезностью, так как осознали исключительность ситуации, в которой и дети вели себя необычно. Они знали своих детей как в общем хорошо воспитанных, честлюбивых, самостоятельных и разумных. Но они не настаивали на том, чтобы эти качества продолжали проявляться там, где сама жизнь перестала быть тем, чем она была прежде.

Но чаще, к сожалению, получается совсем по-другому. И начинается это уже с ключевого события — сообщения ребенку о предстоящем или уже совершившемся разводе. Большинство детей, даже те, которые были на протяжении долгого времени постоянными свидетелями конфликтов родителей, воспринимают известие о разводе как шок. До сих пор они надеялись, что все еще может наладиться*. Этому шоку соответствует и страх родителей перед сообщением ребенку решения. Они боятся реакции ребенка, которую — сознательно или подсознательно — воспринимают как упрек (ср., напр., мать Лео, с. 15). Родители боятся также потерять любовь ребенка, и прежде всего те из них, которые были инициаторами развода, вопреки намерениям второго. А те, которые развода не хотели, стараются "вторую половину" представить перед детьми в качестве «злого» мужа и "злого" отца (или матери): "Объясни ты это ребенку!", а ребенку: "Ты знаешь, я не хочу развода, это папа (мама)..."

Чувство вины и страх перед потерей любви приводят к тому, что родители дают детям слишком короткое, просто беглое объяснение, выполняя исключительно свой долг. Чем

**Здесь имеется в виду сознательная надежда, что родители снова могут помириться. Желание, чтобы родители снова были вместе, находим мы почти у всех детей, даже спустя годы после развода. Подсознательно это желание приобретает форму надежды (что, например, частично объясняет сопротивление многих детей новому браку родителей).*

слабее реагирует ребенок на информацию о разводе, тем легче ситуация для родителей. Это просто потрясает, когда приходится наблюдать, как часто между родителями и детьми возникает "коалиция отрицания" — тенденция многих родителей принизить или вообще отрицать значение развода для детей встречает со стороны ребенка такую же готовность к отрицанию, которая должна помочь ему смягчить конфронтацию с ужасным событием. Как мы видим, сила стремления к отрицанию мощных болезненных аффектов совершенно очевидно зависит от связанных с этим родительских ожиданий, для коих, казалось бы, дети имеют своего рода антенну. Беззвучно сигнализирует мать ребенку: "Пожалуйста, пожалуйста, не отчаивайся. Покажи мне, что все не так уж плохо!" И этого бывает достаточно, чтобы настолько усилить тенденцию отрицания у ребенка, что в конце концов мать начинает принимать желаемое за действительное. Эта взаимосвязь между ожиданиями со стороны родителей и отрицанием со стороны детей особенно отчетливо показывает себя там, где дети вынуждены конфронтировать с различными ожиданиями со стороны родителей. Вспомним Петера и Розу (с. 42), чья мать так выразительно высказалась о том, как безобидно реагировали ее дети на сообщение о разводе. После того как мать в ходе консультации осознала тогдашнее чувство вины перед детьми, ей удалось вспомнить и другую сцену, которая произошла через несколько дней. Придя домой, она застала детей рыдающими в спальне, где отец упаковывал свои вещи. Дети спросили, что он делает, и тот ответил: "Мама же сказала вам, что я переезжаю!" Была ли это символичность упаковки чемоданов, которая вызвала у детей приступ боли, в то время как из сообщения матери о разводе они толком ничего не поняли? Однако ответы детей показали, что они тем не менее очень хорошо поняли мать, но временно отвергли все чувства, связанные с предстоящей разлукой с отцом. Отца же, в отличие от матери, вовсе не волновал тот факт, что его уход отразится болью на детях. Он не желал развода и развитие событий было для него удручающим. Собственно, его информация едва ли отличалась от той, которую дала мать. Но он не сигнализировал детям надежду, что развод не повлияет отрицательно на их жизнь. Как раз наоборот, он рассчитывал (вероятнее всего, подсознательно) на то, что, может быть, дети будут скучать по нему, и частично объединятся с ним против матери и таким образом помогут ему освободиться в какой-то степени от чувства вины по поводу своей супружеской неверности. В отличие от матери для отца болезненные аффекты детей не были нежелательны, и он их "получил" точно так же, как мать получила желанное равнодушие*. Как сильно нуждалась мать в этой иллюзии для того, чтобы держать в рамках свое чувство вины, говорит тот факт, что она на многие годы выкинула из своей

памяти сцену в спальне.

Примеры Лео, Петера и Розы, Роберта (с. 48) и многих других детей, с которыми мне пришлось познакомиться, показывают, что отсутствие зримых аффектов еще не означает, что эти дети не страдали от чувства печали или обиды или они не испытывали чувства вины или гнева по причине причиненной им боли. Если такие зримые реакции отсутствуют, то это, как правило, имеет тяжелые последствия для преодоления душевного кризиса ребенка. Как могут родители реагировать на чувства детей, если те свои чувства никак не выказывают? Как они могут прийти на помощь, если дети не просят о помощи? Иллюзия непричастности детей мешает также поговорить с ними об обстоятельствах

** Объясняясь языком психоанализа, отрицание боли, которую испытывают Петер и Роза из-за развода, было бы вернее охарактеризовать как изоляцию. Подсознательная "корреспонденция" между ожиданиями родителей и поведением детей может быть понята так же, как спонтанная идентификация с одним или другим родителем.*

развода, об их будущей жизни, обо всем, что их беспокоит и волнует.

Вследствие этого дети остаются одни со своими чувствами, и прежде всего со своими неутешительными фантазиями, которые не находят никакого выхода (например, в объяснениях, утешении, направлении в нужное русло).

Иной возможностью освободиться от своей части вины по отношению к детям является перекладывание вины на другого. Как мы только что видели на примере отца Петера и Розы, этим родителям не так уж мешают проявления аффекта у детей, но у них эта готовность понять в детях чувства печали, обиды или ярости по поводу развода соединяется с ожиданием, что эти чувства — зачастую и агрессивные — будут направлены против другого родителя и дети таким образом примут его сторону. Отец Розы и Петера явно надеялся получить поддержку детей и, благодаря таковой, остаться в семье. Другой отец в подобной ситуации прямо спросил своего семилетнего сына: "Ты хочешь, чтобы папа ушел?" И когда ребенок в рыданиях отрицательно покачал головой, тот посоветовал: "Ты Должен сказать маме и всем, кто тебя спросит, что ты не хочешь потерять своего папу!" Перекладывание на другого чувства вины является также характерным и для того родителя, который активно добивался развода. Такая позиция направлена на то, чтобы привлечь ребенка на свою сторону. Если это удастся и ребенок высказывается в защиту развода, то данному родителю не в чем себя упрекнуть. Например, мать Андреа сама добивалась развода, так как отец после неоднократных обещаний все же вновь влез в игорные долги, затем напился, попал в аварию и вдребезги разбил машину. Мать забрала Андреа и ушла к матери. Игорная страсть была хотя и серьезным, но единственным основанием давно затянувшегося кризиса в их семейной жизни. По-человечески легко можно понять, что мать не пыталась рассказывать дочери, почему супруги не могут дальше жить вместе, а в своих объяснениях дала ей понять, что решение было единственно правильным, поскольку страсть отца к игре и алкоголю в конце концов привела бы

семью к нищете, и что отец слаб и безответствен и не понимает своего долга по отношению к семье.

Последствия подобных обвинений оказываются для детей массивно обременительными, вплоть до опустошающих. Что должна была делать Андреа после объяснений матери? Взять и стереть образ отца, которого она, несмотря на все его слабости, горячо любила и восхищалась им, вычеркнуть его из своей жизни и перестать любить как абсолютное "зло" ("деструктивный", "слабый", "безответственный", "пьяница", "игрок" и т.п.)? Этого она не могла. Она не могла или не хотела верить во все то, что утверждала мать. В то же время она не смела противоречить матери. Но как она сможет потом смотреть отцу в глаза, если сейчас не встанет на его защиту? Такие конфликты лояльности под влиянием факта развода, конечно, потрясают ребенка, и способны окончательно вывести его из душевного равновесия*.

Разумеется, было бы несправедливо критиковать таких родителей как оппортунистов. Мать Андреа видела ситуацию именно такой, какой она преподнесла ее дочери. Она чувствовала себя действительно жертвой. Но дети попадают в конфликт лояльности совершенно независимо от вопроса объективной вины (если таковая вообще существует). Но от какого человека, если он чувствует себя глубоко раненым супругом, можно требовать так много героизма перед лицом его собственного страдания и гневного разочарования, чтобы ожидать от него готовности взять на себя общую ответственность за развал семьи и таким образом, что называется,

** О том, к каким мероприятиям обороны вынуждают детей конфликты лояльности и какие последствия в дальнейшем развитии детей это влечет за собой, я расскажу позже.*

освободить другого от части его вины. И тем не менее эта совместная ответственность должна стать частью обстоятельств, сопровождающих развод, обстоятельств, которые в конце концов призваны облегчить детям перенести его тяжесть.

Третий вариант возможности освободить себя от чувства ответственности по отношению к ребенку и избавиться от чувства вины мы наблюдаем на примере матери Марио (с. 38 и далее), которая на протяжении двух лет скрывала от сына развод. Может быть, она думала, что чем старше будет Марио, тем легче перенесет известие о разводе*. Как мы видели, у Марио все же наступило "его" переживание развода, но на год позже. Кроме того, подобные укрывательства несут в себе дополнительную опасность, лежащую в фантазиях ребенка, который, как, например Марио, однажды замечает, что здесь что-то не так. А поскольку кажется, что все в порядке, ребенок не может ни с кем поделиться своими фантазиями, которые зачастую намного ужаснее реальности. Страхи и опасения в этом случае не могут быть не только смягчены, а наоборот, приобретают гротескное преувеличение. Известие об окончательности разлуки с отцом могло заставить Марио думать двояко: либо тогда, когда "в квартире был ремонт", когда отец уехал в командировку" и т.д., Марио был обманут, либо же долгая разлука привела к тому, что отец больше никогда не вернется. В первом случае ребенок потеряет всякое доверие к взрослым, во втором — потеряет веру в непрерывность отношений вопреки временному расставанию. В

результате эти дети развивают в себе такой стиль жизни, при котором они постоянно проявляют потребность контролировать любимого человека, чтобы совладать со страхом его потерять.

**О зависимости реакций на развод от возраста и о том, существует ли для детей более или менее "удобный" возраст для развода — в главе 6.3.*

В отличие от поведения родителей Стефана и Магдалены, только что описанное поведение родителей, каким бы понятным оно нам ни казалось, носит откровенно инфантильный характер. Откладывать сообщение о разводе или вообще его скрывать, желать поскорее закончить неприятный разговор, надеяться на то, что развод не так уж страшен для детей — все это очень напоминает поведение детей, которые стоят перед необходимостью исповедовать родителям свое прегрешение и стараются, по возможности, смягчить "краски", рассказывая о том, что они натворили. Если я использую такое сравнение, то тем не менее оно далеко от критики или пренебрежения. Я просто рисую ситуацию, имея в виду, что многие родители в момент необходимости информировать их дочь или сына о разводе действительно чувствуют себя как провинившиеся дети, они испытывают желание уйти от ответственности, пощадить себя, найти отговорки, обвинить других, скрыть и т.д. Подобные регрессии взрослых абсолютно нормальны и повседневны. Но в сочетании с разводом они могут иметь тяжелые последствия. Получается обмен ролями, в котором родители начинают выступать в роли детей, а дети в роли критикующих взрослых, которым доверено право выносить решения о виновности и невиновности. И это происходит именно в тот момент, когда сами дети ни в чем так сильно не нуждаются, как в том, чтобы именно этим неуверенным, но тем не менее "взрослым" родителям, которые в состоянии отвечать за то, что они делают, можно было доверить свое, кажущееся в этот момент таким неверным, будущее*. Важнейшее, но и труднейшее задание, которое в столь тяжелое время после развода (или в момент информации о разводе) стоит перед родителями, заключается в том, чтобы

**О других феноменах "инфантилизации" разведенных родителей разговор пойдет дальше (гл. 9.7 и 9.8).*

с чистой совестью взять на себя ответственность за причиненную детям боль. Это ни в коей мере не противоречиво. Независимо от того, что, может быть, в дальнейшем развод откроет перед детьми лучшие возможности для их развития, момент развода всегда жутко болезнен и ввергает детей в душевный кризис. И ведь это именно родители создали такую ситуацию и именно они повинны в страдании детей. Но сознание собственной вины есть нечто совсем иное, чем мучительное и невыносимое чувство вины, уже не однажды упомянутое у нас выше и которое связано с представлением о совершении чего-то запретного, безответственного. Если я, как отец или мать, наряду со своими желаниями и разочарованиями все же признаю свои (психические) права на существование, если я знаю, что данный шаг, как результат моих потребностей, пойдет также на пользу и ребенку, потому что я снова смогу дышать и чего-то ждать от жизни, то я могу

также "с чистой совестью" взять на себя ответственность перед ребенком. Одновременно эта позиция, которую я назову ответственностью за вину, является важным условием того, что развод в конечном итоге сыграет все же положительную роль для ребенка. Если я знаю, что я у кого-то что-то отнял, кому-то причинил боль, потому что в тот момент у меня не было выбора, я буду, по крайней мере, стараться смягчить эту боль, по возможности исправить положение, чтобы уменьшить свою собственную вину. Если же я не в состоянии выносить того, что я виновен, я буду затушевывать причиненное страдание. Вместо того, чтобы подумать; "Мне очень жаль, но что же мне предпринять?", я скажу: "Нет оснований для жалоб и уж никаких для того чтобы в чем-то себя упрекать". Таким образом я скрою свою вину и переложу ее на ребенка или бывшего супруга. (Собственно, эту позицию "ответственности за вину" я считаю правомочной не только в отношении развода, но рассматриваю ее как основную педагогическую позицию, особенно по отношению к вопросу об ограничениях и запретах.)

Пример Магдалены и Стефана показал нам реальные возможности такого ответа на непосредственную реакцию ребенка на развод, при котором его раздражение может быть удержано в рамках, страхи преодолены и душевное равновесие восстановлено в кратчайшие сроки. К сожалению, на ряде других примеров мы узнаем, как часто детям бывает отказано в "первой помощи" уже в тот момент, когда они впервые слышат о разводе. И при этом зачастую именно обстоятельства, сопровождающие информацию о разводе, дают толчок так называемому послеразводному кризису.

2.2. Реакции детей на развод: крик о помощи и основания для конфликтов

Дать ребенку возможность выражать свои аффекты, в долгих и повторяющихся беседах утешать его печаль и говорить с ним о его страхах, не пытаться образовывать коалиции (обвинять другого родителя) и тем самым не навязывать ребенку конфликта лояльности — это только первые шаги помощи, которые родители могут оказать детям на тяжелой и неверной дороге в "разведенное будущее". И они ограничиваются во многом областью устной коммуникации. Однако родители Магдалены и Стефана оказывают также активную помощь и тем, что они "отвечают" на зримые знаки душевных реакций и другими путями. Как уже говорилось, при этих "симптомах" речь идет не только о последствиях реакций на развод, но также о стратегии преодоления кризиса. Зависимость Магдалены от матери является следствием страха потери и мать хорошо почувствовала, что ее дочь в этот момент не была способна ни на какой другой, кроме этого вида преодоления страха, и предоставила себя в распоряжение ее потребности контроля в той мере, в какой это только было доступно. Если бы она этого не сделала, Магдалена была бы пассивно предоставлена своим страхам и они бы еще более возросли из-за чувства беспомощности. С чисто редуکتивной, учебно-теоретической точки зрения, напрашивается аргумент, заключающийся в том, что готовность матери воспринимать зависимость и потребность в контроле ребенка только усилит эти черты. А в действительности, подумайте сами, ведь и мы, взрослые, доверяем только тем людям, которые множество раз доказывали нам, что наши

опасения были напрасными. Тем, что мать признала зависимость Магдалены, старалась не отдаляться от дочери, смогла вынести ее капризы, ей удалось освободить ребенка от необходимости отчаянно бороться за близость матери. (Оставалась бы мать дома только тогда, когда ребенок плачет, кричит и рыдает, то учебно-теоретические прогнозы оказались бы, действительно, в силе: ребенок понял бы — "мать остается дома только тогда, когда я ее к этому вынуждаю". Принуждение же — это нечто иное, чем контроль.) Так со временем Магдалена убедилась в том, что мать не покинет ее и это смягчило ее страхи. Ее первоначальное доверие к матери (как к достигаемому константному объекту*) было восстановлено и потребность в контроле отпала сама собой.

У Стефана получилось все несколько иначе. Его родители в ссорах и раздорах развода потеряли на время большую долю своей родительской компетентности. Но Стефану повезло, что дедушка пришел на помощь внуку как раз тогда, когда тот в этой помощи больше всего нуждался и вместо того чтобы морально поучать родителей, что называется, "закрыл собой течь". Между тем повезло Стефану и в том, что родители все же не слишком поздно поняли, в чем их ошибка, и поняли также, что в интересах ребенка они обязаны забыть свои интересы и обоюдную антипатию. Так, в день его рождения, когда ему исполнилось девять лет, они вновь "функционировали" в качестве родителей.

Выше говорилось о чувстве вины родителей, которое приводит к тому, что они недооценивают значения развода для детей, заставляют себя поверить в иллюзию или отдаться надежде, что развод не явится для детей таким уж страшным событием, и по этой причине родители не замечают душевных реакций ребенка или мешают их выражению. Такие родители просто не в состоянии взять на себя ответственность за причиненную разводом боль. Я уже объяснял, что здесь речь идет о вине вполне поправимой, потому что какой бы нестерпимой ни была боль, она не исключает, что решение о разводе в дальнейшем может повлиять на детей вполне положительно.

Неумение взять на себя эту ответственность, использование лжи, отрицание, перекладывание вины на другого мешают не только "первой помощи" после развода, но, исходя из моего опыта, являются одной из двух основных причин ухудшения психической ситуации огромного числа детей в последующие за разводом недели и месяцы**. Это заключается в том, что поведение детей, в котором выражается их удрученное душевное состояние, и которое, собственно, служит преодолению раздрации, не рассматривается родителями как взаимосвязанное с душевными проблемами, возникшими в результате развода. Тогда и развод — официально — не рассматривается как кризис. Но если нет кризиса, то нет и проблем. А если нет проблем, то и плохое поведение — это, в лучшем случае, только "плохое поведение" или "глупости". Фриц, например, не может простить своей матери, что та "отослала отца прочь". Но, конечно, любит он и свою мать и боится потерять и ее тоже, но не

* К "константе объекта" ср. экскурс на с. 119 и далее.

*** Другая причина следует из психического состояния разведенных родителей, о чем мы будем говорить ниже.*

хочет этого показать. Его агрессивность выражается в предельном упрямстве по отношению к матери, поведение его часто неприятно и грубо. Матери Фрица не пришло, конечно, в голову, что поведение сына может быть направлено лично против нее. Можно сказать, для того чтобы не чувствовать себя виноватой, она не хотела или не могла об этом думать. Гораздо чаще бросала она ребенку упреки в эгоизме, который он, дескать, может себе позволить, потому что не чувствует "твердой руки отца". Другая мать объясняла агрессивное поведение своей дочери непосредственно тем, что отец и его мать настраивают ребенка против нее. У Лизы развились такие же страхи быть покинутой, как и у Магдалены, и она всюду следовала за матерью, но мать воспринимала это как "глупости". Даниель, у которого чувство вины вызывало депрессивные настроения, терпел упреки всей семьи в упрямстве и желании обратить на себя всеобщее внимание. Если с такими детьми случается, что они намочат постель, это встречается замечаниями, вроде: "А вот это уже не обязательно!" или "Тебе не стыдно?". Также конфликты в детском саду или в школе, плохие отметки рассматриваются не как симптомы или выражение проблем, связанных с разводом, а как просто плохое поведение, которое родители встречают дисциплинарными взысканиями.

Таким неверным пониманием реакций на развод они отнимают у детей возможность преодоления кризиса подручными в данный момент средствами. Они не могут или не желают понять, что хочет выразить ребенок своим необычным поведением.

Точно так же родители не понимают, что поведение ребенка в его душевных реакциях связано с разводом, не понимают взаимосвязи поведения ребенка с упреками и критикой родителей, их раздраженностью, недостатком терпения с их стороны по причине проблем, которые переживают сами родители. Что они более или менее чувствуют — это потерю доброго отношения ребенка. И именно тогда, когда они большое всего нуждаются в его любви. Вместо того чтобы рассчитывать на помощь, ребенок становится все более одинок, тем самым "усиливаются специфичные для развода аффекты и страхи становятся все больше. В результате поведение, ведущее к конфликтам с родителями, требует все новых затрат душевной энергии, замечания и критика родителей усиливаются и так далее.

2.3. Ситуация родителя, несущего ответственность за воспитание ребенка

До сих пор мы наблюдали поведение родителей в связи с разводом исключительно с "педагогической" точки зрения, точнее сказать с точки зрения влияния такового на детей. При этом на первом плане стоял вопрос, способны ли родители отдать себе отчет в том, что развод неминуемо является кризисом для детей. Я попытался показать, как это чрезвычайно важно для ребенка, чтобы родители были в состоянии осознать и взять на себя ответственность за то

Страдание, которое они причинили детям в интересах своей собственной жизни или в интересах дальнейшего развития детей, т.е. предоставить себя в распоряжение ребенка, понять его печаль, обиду, а также агрессивные проявления. Далее мы говорили о том, что эта "ответственность за вину" Должна являться позицией и того родителя, который чувствует себя невиновным в разводе или в развитии Обстоятельств, приведших к разводу. В ином случае и без того острое страдание детей будет усугублено конфликтом лояльности.

Я думаю, что это тот момент, когда уместнее всего будет опустить "педагогически" возведенный указательный палец и' понять, что здесь от родителей требуется нечто, что, вероятнее всего, часто выходит за пределы душевных возможностей многих отцов и матерей. Было бы ошибочным предположить, что хотя с разводом и начинается страдание детей, но с ним кончается кризис родителей. В действительности это вовсе не так и в последнее время появились многочисленные работы, которые исследуют разводный кризис бывших супругов. Личные их проблемы не только не уменьшаются, а наоборот, резко возрастают. Развод приносит многим родителям дополнительные психические, социальные и экономические проблемы, о которых большинство из них вовсе не предполагало. И между тем надо подчеркнуть, что это распространяется также и на того из родителей, который стремился к разводу. Сейчас мне хочется обратить внимание на ситуацию того из супругов, с которым остаются дети после развода. К ситуации "ушедшего" родителя мы подойдем позже (гл. 9).

Несмотря на то что число "одиноких" отцов за последнее время стремительно возросло, все же в девяти из десяти случаев при разводе суд доверяет воспитание детей матери, особенно если дети находятся в дошкольном или младшем школьном возрасте. Для удобочитаемости далее в этой главе я буду называть "родителя, несущего ответственность за воспитание детей" "мать" и "покинувшего семью" — "отец". Непосредственные душевные реакции большинства родителей едва ли отличаются от реакций детей. Собственно, не должно вызывать удивления то обстоятельство, что дети воспринимают развод не как что-то, в первую очередь затрагивающее отношения между родителями, а при этом чувствуют себя покинутыми отцом или (вместе с матерью) покинутыми отца. Чувства обиды, страха перед будущим, гнев и ненависть по отношению к бывшему партнеру и вместе с тем (часто подсознательно) и по отношению к детям обнаруживаются почти при каждом разводе. И печаль, будь то печаль о все еще любимом человеке или о человеке, который был когда-то твоим партнером. Также и чувство вины сопровождает большинство разводов и не только по отношению к детям. Многие мужчины и женщины испытывают чувство вины и по отношению к бывшей жене или бывшему мужу, если они разводятся ради новых отношений или по каким-либо другим причинам — против воли другого. Чувство вины и собственной несостоятельности испытывает также "брошенная половина", даже если она, подобно детям, кажется совершенно невинной. фрау К. вышла замуж, когда ей было девятнадцать. Через два года ее муж, который был алкоголиком, бросил ее с одиннадцатимесячным ребенком на руках. Фрау К. знала о слабости мужа, когда выходила за него замуж. Она вышла замуж вопреки добрым советам родителей и друзей. "Я была уверена, что смогу помочь ему встать на правильный путь, что моя любовь и ребенок сделают его приличным

человеком, которым он, собственно, и был по своей натуре. Как я себя переоценила!" Чувство собственной несостоятельности привело ее к чувству вины перед родителями, перед мужем и особенно перед ребенком, которого она по причине своей спешки с замужеством и переоценки собственных сил поставила перед необходимостью жить и расти без чувства защищенности, которое может дать ребенку только счастливая семья. Это чувство собственной несостоятельности находим мы у женщин и мужчин, браки которых развалились не по причинам каких бы то ни было необычных обстоятельств. Почти каждый разведенный брак, особенно если имеются дети, является крушением, свидетельствует о провале однажды принятого решения быть вместе и желая вместе построить счастливую семью, а значит, является провалом жизненного концепта. У взрослых, как и у детей, ощущение неудачи влечет за собой потерю чувства собственного достоинства и веры в себя. Появляется сомнение в своей способности вообще иметь полноценные отношения, быть любимым, уметь достигать поставленные цели, когда-нибудь найти нового партнера. Эти чувства соединяются со страхом, что ты недостаточно привлекателен (привлекательна) в отношении интеллекта или внешне, а также со страхом перед старостью и одиночеством.

К этим душевным проблемам, которые затрагивают как женщин, так и мужчин, добавляются проблемы социального и экономического характера, с которыми приходится в основном бороться разведенным матерям. Упомянем вкратце некоторые трудности, на которые жалуются эти матери. Социальная дискриминация. Разведенные женщины значат в обществе меньше, чем замужние, и их дети — это дети из так называемых интактных, т.е. неполных семей. Хотя такая дискриминация вовсе и не выливается в форму открытого пренебрежения, не обязательно вызывает критику или скепсис, но она может скрываться за преувеличенно благожелательным сожалением или стигматизацией детей как обделенных. Как часто приходится слышать на семинарах по повышению квалификации воспитателей и учителей, когда кто-нибудь из них хочет «рассказать о "трудном ребенке", начинает свой доклад словами: "Речь пойдет о Руди. Ему шесть лет, мать в разводе..." Зачастую поведываемые трудности имеют совершенно другие причины, а порой, собственные проблемы педагогов. Но "ребенок разведенной матери" звучит как невысказанное "Ага! Чего же удивляться?!", причисляя таким образом развод к предполагаемо патологической категории. Дискриминация подобного характера бьет по матери не только со стороны окружающих. Во многих случаях сами матери, вместо того чтобы взять на себя ответственность за свою собственную жизнь (см. выше), разделяют подобные взгляды и сами выявляют пренебрежение по отношению к самим себе.

Снижение экономического и социального уровня. Почти все разведенные матери в ходе развода терпят материальные потери. Это происходит даже при самых благоприятных обстоятельствах, т.е. если мать работает и регулярно получает алименты. Только в редких случаях экономия в семейном бюджете может возместить заработок отца, который почти всегда выше, чем заработок матери. В среднем уровень жизни значительно падает, идет ли речь о размере квартиры, районе или об отпуске, подарках ко дню рождения и Рождеству или о небольшом развлечении повседневной жизни, таком, как посещение ресторана или кино или о внезапных,

незапланированных покупках. У многих матерей добавляются и другие отягчающие обстоятельства: отсутствие профессии; безработица, которая длится дольше по причине в среднем невысокой профессиональной квалификации женщин вообще; отсутствие алиментов; долги из времен семейной жизни. По Напп-Петеру (1985), одинокие родители, в основном женщины, живущие на уровне бедности, составляют 25%. В результате тяжелой экономической ситуации женщина испытывает огромные перегрузки на работе и в семье. Матери, которые оставались с маленькими детьми дома, должны вновь начинать работать; матери, которые до этого работали полдня, должны искать работу с полной нагрузкой. Возникает новая проблема — кто позаботится в это время о детях? От ремонта по дому до школьных заданий — все ложится на плечи женщины.

Перегрузки и ограниченные материальные возможности часто приводят к тому, что разведенные матери попадают в ситуацию социальной изоляции. На дружбу и общественную жизнь не хватает времени, а также и денег, но прежде всего — сил. К тому же выясняется, что большинство приобретенных за последние годы знакомств это — друзья и знакомые ее мужа. Таким образом, развод влечет за собой и обрыв социальных отношений.

Независимость. Жизнь разведенной женщины постепенно приобретает оборонительный характер. Для радостных планов на будущее (лучшая квартира, поездки в отпуск, новый велосипед для ребенка, обновление гардероба) остается мало места. Гораздо чаще на первом плане стоят вопросы: "Могу ли я вообще оплачивать квартиру? Удастся ли мне удержать наш уровень жизни, что избавило бы ребенка от ощущения социального падения? Сможем ли мы вообще летом куда-нибудь поехать?" Для того, чтобы оградить детей от дополнительных лишений, разведенные женщины меньше всего думают о себе. Зачастую не обходится без посторонней помощи. И эту помощь оказывают почти всегда ее родители. Иногда приходит на помощь и бывший муж, но это порождает столь тяжело переносимую зависимость. Даже если прежний партнер и готов оказать помощь, это ранит самоуважение многих матерей, для которых прежняя социальная зависимость от партнера в условиях нефункциональных отношений, возможно, стала невыносимой и они не желали бы менять ее на материальную зависимость. Не менее тяжелым для многих разведенных женщин является "возврат" к собственным родителям, особенно если уход от них не обошелся без конфликтов,

Я уже сказал, что социальные и экономические проблемы разведенных матерей прибавляются к психическим проблемам, которые уготовил родителям развод. И не только добавляются, но и усиливают первые. Нетрудно себе представить, что означает для и без того пострадавшего чувства собственного достоинства женщины снижение экономического уровня и ощущение дискриминации и как раз тогда, когда возникает повышенная потребность в радости, когда особенно нужен кто-то, кто тебя поддержит и скажет слова утешения или просто выслушает, и именно в это время чувствовать себя все более изолированной и одинокой. фрау П. боролась почти год, пытаясь собственными силами восстановить свою жизнь, но когда она почувствовала, что стоит на пороге нервного срыва, сдалась на уговоры родителей переехать с сыном в родительский дом. Много женщин, а также и детей, которые подобную временную "регрессию" используют для себя положительно (вспомним Магдалену, с. 63, 75 и далее). Они

используют шанс, который предлагают им собственные родители для отдыха, чтобы немного расслабиться и набраться сил, а затем вновь восстановить потерянную независимость. С фрау П. получилось все по-иному и это не исключение. Возврат к родителям она пережила как провал всей своей жизни, как если бы все, что она до сих пор сделала, было бессмысленно и бесцельно и ей надо все начинать заново. Она утратила все свое мужество. Вместо того чтобы слегка расслабиться, она опустила; ее родители тут же лишили ее самостоятельности и она впала в состояние пассивной зависимости. Фрау П. регрессировала и в то время, как ее родители взяли на себя роль родителей внука, она стала по отношению к своему сыну строптивой, ревнивой старшей сестрой. Таким образом, фрау П. потеряла себя как женщина и как мать. По сути лишённая родителями прав дееспособности, она покинула как, юная девушка, отчий дом, бросив ребенка, который практически не был более ее ребенком, и переехала в город, чтобы в полном смысле этого слова начать новую жизнь, без оглядки на прошлое, которое олицетворял собой Рихард. Мальчик, однако, после отца потерял и мать.

2.4. Влияние на отношение к ребенку

Вернемся вновь к детям. Я уже упоминал ранее, что одной из двух основных причин обострения послеразводного кризиса является неспособность многих родителей взять на себя всю ответственность за причиненную детям в результате развода боль со всеми вытекающими из этого последствиями, такими, как отрицание, приукрашивание, умолчание, обвинения. О другой причине мы только что говорили: это послеразводный кризис матери (родителя, несущего ответственность за воспитание детей). Названные проблемы не могут не оказать влияния на отношения между матерью и ребенком после развода, а эти конкретные отношения непосредственно влияют на то, как ребенок преодолевает свое переживание развода. (Я надеюсь, что приведенного выше перечисления главнейших трудностей, которые переживают матери после развода, будет достаточно, чтобы не рассматривать последующие выводы сквозь призму морально-педагогического осуждения.)

Экономическое давление и связанные с ним перегрузки приводят к тому, что разведенная мать уделяет ребенку в среднем меньше времени. Маленькие дети, которые находились до этого с матерью, теперь вынуждены ходить в ясли, в детский сад или большую часть времени проводить с бабушкой и дедушкой или с другими лицами. Школьники после обеда должны посещать группы продленного дня или оставаться одни дома. Семейные перегрузки приводят к тому, что мать даже в свободное от работы время меньше может заботиться о ребенке, чем прежде.

Душевные нагрузки, которым подвергаются матери, ведут за собой частые смены настроения. В момент стресса самые обычные повседневные запросы детей могут вызвать у матери ощущение, что к ней предъявляются чрезмерные требования. Например, ребенок раздражается или упрямится, когда хочет что-то получить, медлительность по утрам, недовольство едой, ворчание из-за провалившегося похода на каток, нежелание мыть голову или чистить зубы и т.д. Недавно разведенная мать склонна к раздражительным реакциям, может легко накричать на ребенка, удариться в слезы, наказать ребенка там, где прежде обходилась одним только замечанием или

серьезно беседовала с сыном или дочерью по поводу возникшей проблемы.

Смена настроений и раздражительность вскрывают лишь поверхностные проблемы отношений матери и ребенка. Агрессивная сторона (при обычных обстоятельствах только латентная) отношений мать — ребенок усиливается не только со стороны ребенка. У того обстоятельства, что мать развивает в себе в это время необычно сильную агрессию по отношению к ребенку, имеется много оснований.

- * Будничные конфликты вызывают сильное раздражение. Как мы видели, время после развода особенно конфликтно даже по относительно безобидным поводам, потому что ребенок в это время предъявляет повышенные требования к матери, а мать в свою очередь по причине перегрузок и раздражительности менее чем обычно в состоянии проявить в отношении терпение и терпимость. Ссоры и раздражительность ведут к своего рода "агрессивной зарядке" обеих сторон.

- * Важным фактором, позволяющим держать в рамках агрессивность, возникающую у родителей в конфликтах с детьми, является способность родителей понять ребенка в его желаниях и нежеланиях, в его сопротивлении. Это понимание является результатом возможности частичного отождествления себя с ребенком или с его точкой зрения. Это не значит, что надо отменить требования к ребенку. Но если родители считают с его мнением, то они не осуждают его за сопротивление. Вместо того чтобы раздражаться, они могут помочь ему преодолеть себя и приспособиться к предъявляемым требованиям. Способность отождествить себя с противоположной точкой зрения другого образует связь с предположением. Она отсутствует, если испытываешь гнев по отношению к этому другому и она страдает тем больше, чем больше у человека забот и проблем.

- *Есть агрессии, которые находятся в прямой связи с разводом. Для многих матерей развод является попыткой нового начала. И конечно, чем больше прошлое несет отпечаток собственной несостоятельности, провала, тем больше достается ребенку от чувства гнева, стыда и т.д., которые относятся к этому прошлому, поскольку он остается для матери на всю жизнь "репрезентантом" данного провала. Тесно связаны с этим также высоко амбивалентные чувства и запросы у матери по отношению к детям, которые так или иначе напоминают об отце**.

- *Наконец, это пожизненные "нормальные" агрессии почти всех матерей, связанные с лишениями и ограничениями, которые дети взваливают на их плечи.

Все эти агрессии, и особенно последние, обычно удерживаются в подсознании, благодаря одновременно материнской любви и чувству вины, которое они (агрессии) вызывают. Но они же действуют и как катализатор на будничные неурядицы, делая мать раздражительной и усиливая невинные конфликтные ситуации. Например, Луис, который утром, идя в детский сад, не дает надеть на себя пальто, а хочет надеть джинсовую куртку. Это связано с тем, что недавно, листая свою любимую книжку о медвежонке Тедди, он обнаружил, что медвежонок-мальчик, выходя из дому, надевает джинсовую куртку. Луис постоянно отождествляет себя с этим медвежонком (из книжки), который также ходит в детский сад, ему тоже больно, когда он падает и так далее.

(Отождествление, которое мать также часто использует, потому что медвежонок всегда умывается и чистит зубы***). Итак, вполне безобидная ситуация, которую легко разрешить в зависимости от настроения и традиции: можно поговорить о том, как холодно было медвежонку, если бы он зимой надел джинсовую куртку, прямо как маленькому зайчишке (из другой книжки); можно было бы взять с собой куртку на случай, если будет теплее или мать предложила бы ему надеть куртку после обеда на детской площадке. (Все это маленькие хитрости, направленные на моментальную душевную ситуацию ребенка — его отождествление с медвежонком, и они содержат немного утешения и помогают избежать впечатления, что мать хочет показать свою власть, а это вызывает у ребенка тоже стремление к власти.) Однако мать способна на подобные действия, требующие не только времени, но также и таланта, только в том случае, если она может воспринять ситуацию такой, какова она есть и представить себя на месте ребенка, т.е. проникнуться ситуацией. Но мать Луиса воспринимает сцену так: "Луис же знает, — думает она, — что на улице холодно и мы опаздываем. Он делает это намеренно, чтобы мне досадить. Я работаю целый день, могу же я рассчитывать на каплю сочувствия. И в конце концов разве я много требую — только на-

***Проблема олицетворения ребенком в глазах матери отца усиливается, так как многие дети со своей стороны — сознательно или подсознательно — идентифицируют себя с отсутствующим отцом. Ср. по этому поводу с. 156 и далее.*

****Наблюдаемое у детей интимное отношение к фигурам из книжек с картинками, из сказок или из телевизионных передач очень сложно. Над идентификацией с героем детям удастся установить часть своей идентификации с отцом или матерью, где герой подчиняется правилам взрослых. Он становится в известном смысле моделью интеграции между собственными потребностями и родительскими требованиями, своего рода "символическим вспомогательным Я". Наряду с этим часто возникают функции "объекта перенесения" (Winnicott, напр. 1971). (Ср. также обобщающую систематическую работу Shafer'a о роли переходных и игровых пространств в преодолении психических конфликтов и выполнении задач развития.)*

деть зимой пальто. Довольно, он должен наконец понять, что не все будет так, как он хочет!.. и т.д." Все кончается яростным сопротивлением Луиса, что вызывает в свою очередь гнев матери и она запрещает послеобеденное посещение детской площадки. Луис начинает реветь.

Это выглядит так, будто оба играют свои "роли" из различных пьес. Мать воспринимает поведение сына как неуместное, считает его черствым и властолюбивым, а себя ощущает в роли невинной жертвы, которая также имеет право на толику внимания. Для посвященного наблюдателя мать переносит в этом случае пример переживания из своего несостоявшегося брака и наделяет ребенка чертами характера своего разведенного супруга. Сцена активизирует агрессивные чувства из первого года жизни Луиса, когда она чувствовала себя исключенной из жизни после того, как ради мужа и ребенка оставила карьеру и отказалась от профессии врача, о которой так мечтала.

Изложенная сцена позволяет также почувствовать дальнейшую душевную динамику, которая появляется в агрессивных колебаниях конфликтных отношений в послеразводном кризисе, но и не

только в нем. А именно, более ранние и вытесненные агрессии матери по отношению к ребенку в это время, когда она, как и когда-то уже в прошлом, чувствует себя использованной, обнаруживают сильную тенденцию оказаться сознательными. Мысли, вроде: "Если бы я не родила ребенка, тогда..." или "Если бы его воспаление легких на втором году жизни оказалось бы неизлечимым..." сопровождаются таким массивным чувством вины и стыда, что они просто не имеют права стать сознательными. Для обуздания постоянно усиливающихся агрессивных импульсов нужны поводы, чтобы их легитимировать. Итак, отказ Луиса надеть пальто предоставляет матери возможность иметь право проявить наполняющий ее гнев, и отвести его от подсознательных агрессий.

2.5. Аккумуляция страха и срыв обороны

Конфликты между потребностями и запросами детей по отношению к родителям, с одной стороны, желания и требования родителей по отношению к детям, с другой стороны, относятся к воспитательной повседневности. Дети в силу своей зависимости очень ограничены в самостоятельном удовлетворении своих потребностей и поэтому вынуждены рассчитывать на взрослых. Самое трудное в жизни матерей и отцов это — понять, насколько ограничены их собственные возможности и сколько огорчений вынуждены они приносить своим детям. Перед готовностью дать детям все, что те хотят, стоит множество преград: забота о здоровье (не разрешать зимой носить любимые бальные туфельки), соображения безопасности (надо по улице идти за руку), экономические и социальные требования (необходимость утром торопиться, вместо того чтобы поиграть, надо расставаться с родителями, чтобы идти в детский сад или в школу), уступки требованиям школьной системы, ограниченной и часто враждебной к детям (исполнение педагогически сомнительных требований к успеваемости рассматривается как основное задание в жизни ребенка с шести до четырнадцати или до восемнадцати лет), личные интересы родителей, которые также едва ли находят себе место (дети какое-то время должны заниматься своими делами самостоятельно, пораньше ложиться спать, держаться подальше от супружеской спальни) и многое другое*.

**Недавно мне объяснял один отец — и он в своих взглядах не одинок: "Нельзя разрешать детям все. Даже, если для этого есть возможности. Потому что для жизни они должны научиться также уметь отказываться". Имея в виду общественное принуждение, которое распространяется на детей уже со второго года жизни, такое замечание звучит как насмешка. Подобная позиция со стороны отцов, матерей, воспитателей и т.д. часто является лишь рационализацией их неспособности признать себе, что они (посредством запретов, заповедей и других норм, руководящих их отношением к детям) доставляют своим столь горячо любимым чадам так много разочарований, печали и боли, что, с точки зрения детей, сами они выглядят агрессивными, несправедливыми, эгоистичными и т.д. Вместо того чтобы сознательно подойти к реально существующему конфликту между родительскими и педагогическими требованиями, они делают бесправной позицию ребенка: "Нет оснований для твоего разочарования, раздражения и гнева. Я сделал тебе только хорошее!" Чего не хватает в поведении родителей и воспитателей в повседневном общении с детьми — это "ответственности за*

вину", о которой мы говорили выше. Прежде всего, если я признаюсь самому себе в том, что я, как ответственный взрослый, по отношению к желаниям и ожиданиям детей вынужден эти желания и ожидания ограничивать и их разочаровывать (быть агрессивным) и иначе просто не могу, то я должен быть в состоянии по крайней мере помочь детям преодолеть разочарования — утешить их, найти компромисс, предложить потерянному удовольствию что-то другое и т.д.

Таким образом, родители являются по отношению к потребностям детей агентами реальности, которую сами они не создавали и которой, возможно, и не желали бы, но они не могут ее ни обойти, ни изменить. Так родители оказываются в опасности — дети, возможно, начнут их рассматривать в качестве представителей этой враждебной системы, и они станут для детей олицетворением этой системы и будут восприниматься ими как враги, что подвергло бы постоянной опасности чувство ребенка, что он любим. А именно это чувство является непременным условием здорового душевного развития. При благоприятных обстоятельствах родителям все же удастся реализовать действительность в неизбежных ее границах и тем не менее дать детям явственно почувствовать силу своей любви. И дети постепенно учатся принимать реальность, как она есть, и в то же время не терять веры в радости жизни.

Но, конечно, существуют ситуации, при которых такой баланс подвергается опасности или вовсе разрушается. Едва ли существуют в этом отношении ситуации более угрожающие потере данного равновесия на долгое время, чем послеразводный период. Это как раз то время, когда ребенок предъявляет повышенные требования к родителям и особенно к тому из них, с кем он живет (итак, к матери). Она всегда должна быть в зоне досягаемости для ребенка, постоянно доказывать ему свою любовь, терпение, снисхождение, показывать ему, что все его страхи, рождающиеся в связи с разводом, не имеют под собой никакой почвы и что жизнь продолжается. Итак, в этой ситуации главное, что нужно ребенку, это мать, которая теперь одновременно — и мать, и отец, переполненная любовью и в то же время надежная, как скала, чтобы защитить от опасностей, которые угрожают не только извне, но и из освободившихся самоуничтожительных импульсов самого ребенка (ср. с. 51 и далее).

В то же время большинство матерей находится в таком напряженном психическом состоянии, что ни в чем так сильно не нуждается, как в детях, способных к благоразумию, кооперированию, душевному равновесию, контролю над своими запросами, в детях, которые приносят радость. Мать и ребенок, таким образом, ждут друг от друга того, чего они не могут дать. Происходит обратное: никогда раньше мать не была столь не способна проникнуться интересами ребенка, как сейчас. И никогда раньше, может быть, за исключением первых двух лет жизни, ребенок не требовал так много душевного равновесия от матери.

На таком противоречии основательно зиждется динамика послеразводного кризиса у многих детей. Это ведет к обремененным тяжелыми последствиями изменениям представлений ребенка о матери, о так называемой материнской репрезентации объекта*. Подобное представление в силу впечатлений о разводе, итак, уже получило трещину. Какую-то доли уверенности, приобретенной ребенком за первые три года жизни, в том, что мать (и отец) всегда стоят на его защите, никогда его не покинут, даже если они на какое-то время уезжают или сердятся на него (константа

объекта), долю этой уверенности ребенок теряет. Он не может себе представить, как такая "в основном хорошая мама" может так поступить по отношению к нему — отнять у него отца или его отнять у отца, наказать его столь жестоко за его (злые) фантазии. Если в результате такого сомнения дело доходит до агрессивного обострения отношений матери и ребенка, то появляется опасность, что мать может потерять в глазах ребенка ее субстантивные материнские качества, а именно — способность чувствовать ребенка, придти к нему на помощь, когда он в ней нуждается. Собственные проблемы матери, из-за которых она поступает не так, как обычно по отношению к ребенку, а порой уж и совсем необычно, приводят к тому, что ребенок свою мать "перестает узнавать". Таким образом, она подтверждает — в психологическом смысле — опасение, которое после развода было латентным: после отца потерять также и мать. Иначе говоря, как у Рихарда (с. 85 и далее), она остается вполне достигаемой реальной персоной, но лучшая ее часть, которая и делала ее матерью, представляется ребенку утраченной.

Вероятность подобного происшествия в ходе послеразводного кризиса зависит (пусть даже частично) как от исключительно обоюдных ожиданий в отношении друг друга у матери и ребенка, так и от еще одного обстоятельства. Именно в период повышенной конфликтности отношений мать и ребенок лишены одной из возможностей разрешения конфликтных ситуаций, которая прежде была реальной, а именно: облегчения отношений через "третью" персону — супруга, отца.

Когда Кристиан ссорится со своей матерью, что иногда случается, им овладевают приступы гнева. Как и многие маленькие дети, он в этот момент думает, что мать его недостаточно любит. В такие минуты и Кристиан не любит свою мать, что не представляет собой ничего необычного, так как любовь и сознательная агрессия являются чувствами (взаимоисключающими). (Взрослые знают тем не менее, что злость улетучивается и освобождает место нежным чувствам: в один и тот же момент мы можем ощущать или любовь, или ненависть*. Итак, когда Кристиан был зол на свою мать, он не хотел ничего о ней слышать, он шел к отцу. Он бежал к нему, звонил ему по телефону или просто думал о том, что он предпримет вместе с папой вечером. Суспендирование любви, объявление независимости от матери помогли Кристиану быстро освободиться от гнева и отчаяния, так как, по сути, подобные чувства находят себе место только в любви и зависимости. Так же было и с матерью. Через какое-то время они снова любили друг друга. Отход и обращение к третьему лицу давали возможность регенерировать пошатнувшиеся было отношения, и мальчик не оказывался побежденным своей яростью и своим отчаянием. После развода все основательно изменилось. Кристиан все чаще — и особенно под влиянием развода — злился на мать. Но ему не удавалось хотя бы на короткое время объявить свою независимость, так как отец в качестве объекта любви и защиты отсутствовал, а страх остаться одному противопоставлял себя агрессивным тенденциям. Но и матери недоставало третьей персоны, в лице которой она интуитивно предполагала обрести возможность разрешить конфликт, отвлечься от тяжелых мыслей, найти человека, с которым она могла бы обсудить свои переживания и свои проблемы. .

Отсутствует третья персона. Таким образом, мать и сын в моменты ненависти при всей их обоюдной любви, оказываются предоставленными друг другу. И так, любой конфликт может стать существенной угрозой по той причине, что ребенок не может себе больше позволить временно

**Одновременность сознательных противоречивых чувств и стремлений (напр., любовь—ненависть, близость—дистанция) является симптомом шизофрении.*

ненавидеть свою мать или быть ненавидимым ею. Чем опаснее кажется конфликт ребенку, тем менее он в состоянии его переносить, тем массивнее восстают его отчаяние и гнев. Этим объясняются экстремальные колебания большинства детей в подобной ситуации между любовной, нежной ласковостью, полным пониманием сочувствием, с одной стороны, и крайне ранящими порывами ярости и откровенно враждебным поведением, с другой.

Если подумать об аффектных реакциях детей на сообщение, что родители расходятся или уже разошлись, и о конфликтно-разрешающей функции треугольных отношений*, то можно заметить, какое огромное значение имеет продолжение интенсивных отношений с отцом, даже если тот не живет больше с ребенком под одной крышей. На практике же часто все выглядит по-иному: порой отец действительно просто "исчезает", порой родители обоюдно считают, что детям необходима на какое-то время дистанция и уклоняются от контакта, иногда мать предполагает, что для детей было бы неплохо вообще не видеть отца или какое-то время не видеть, иногда дети просто не верят в возможность дальнейшего продолжения отношений и не умеют их поддерживать, потому что боль потери слишком велика, а порой бывает и так, что дети концентрируют на отце свои страхи и свою агрессивность, а также страх перед расплатой и сами отказываются от контакта с ним. Во всех этих случаях отношения с отцом резко обрываются и ребенку остаются единственно возможными отношения только с матерью. Но и тогда, когда у ребенка остается возможность регулярно встречаться с отцом, зачастую получается так, что разрешающая функция треугольных отношений "мать-отец — ребенок" нарушается рядом других обстоятельств, о которых пойдет речь ниже (гл. 9 и 10).

К значению триангулирования я подойду ближе в гл. 5.

Экскурс

ОБЪЕКТ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТОТНОШЕНИЕ

Под словом "объект" психоанализ понимает "предмет", на который направлены чувственные ("либидинозные") и агрессивные стремления субъекта. И так, под объектами подразумеваются: персоны, с которыми у субъекта существуют отношения; отдаленные частичные аспекты персон, такие, как отдельные части тела или свойства характера (так называемые частичные или

парциальные объекты); собственной любовью пользуется также сам субъект ("нарцисизм"), который может быть и ненавидим (что чаще всего является причиной депрессий); а также животные, неодушевленные предметы, действия или ситуации. Под объекторепрезентацией или саморепрезентацией подразумевается внутренняя, субъективная картина (также "имидж"), в которой субъект производит себя в объект, причем эти картины редко являются цельными, охватывают сознательные и подсознательные представления, по этой причине об объект- и саморепрезентациях чаще всего говорится во множественном числе. В качестве объектоотношения психоанализ подразумевает внутреннюю картину, которую субъект создает о своем отношении к объекту; субъективный образец отношений, которые соединяются с сознательными и подсознательными представлениями и фантазиями. Объектоотношения можно также дефинировать как отношения между само- и субъекторепрезентациями. Объектоотношения человека, естественно, могут быть различными от объекта к объекту и изменяться вместе с духовным и психическим развитием. В начале так называемого послеразводного кризиса стоит потеря отца. Как я уже пытался показать, это затрагивает и оправдывает переживания большинства детей; часто пространственное отдаление от отца, даже если контакт с ним и сохраняется, характеризуется как потеря. Душевные перегрузки членов семьи после развода приводят, среди прочего, к — часто драматическому — накалу агрессивной стороны отношений "мать—ребенок". В высшей точке кризиса образ матери теряет для ребенка добрую часть своих черт, которые являются специфически материнскими, и выражают суть образа матери. Если посмотреть с этой точки зрения, то такие дети являются, по сути, сиротами развода.

Что все это значит для душевной динамики последующего развития ребенка, нам хотелось бы показать на примере Стефании. Стефании было пять лет, когда родители развелись. На это событие реагировала она обычным образом: страхом за мать и гневом на нее, потому что девочка обвиняла мать в том, что любимый папа нашел себе подружку. "Ты вечно ругалась^ " — бросила Стефания укор матери. "При этом я только защищалась от невыносимого давления со стороны мужа", — рассказывает мать. — Он вел себя также нетерпимо и отвратительно по отношению к Стефании, а она, оказывается, этого даже не замечала!" Мать была глубоко ранена упреками дочери и отсутствием солидарности с ее стороны и не в состоянии была справиться ни с ее агрессивностью, ни с собственной злостью по отношению к дочери, которая питала себя разочарованием. Многие дети обращают свои агрессии или концентрируют их на том из родителей, который оказывается "под-рукой", и на котором в повседневных конфликтах представляется возможным реализовать эту агрессивность*. Стефания в зените своей «эдиповой

**Но это необязательно (ср.гл. 10.2). Подобный механизм "размещения" агрессий встречаем мы также и у матерей (с. 90).*

влюбленности» в отца всю вину за столь тяжело переносимое сознание того, что она покинута им, возлагала на мать. Отношения между Стефанией и матерью с характерной

агрессивностью обострились в послеразводной фазе. Разочарование и злость мешали матери понять потребности ребенка в контроле за ней (возникающие от чувства страха потерять мать) и его зависимость, она встречала дочь примерно такими словами: "А, теперь ты пришла... но сейчас я не хочу с тобой быть!" Или: "Сейчас ты хочешь, чтобы я была добра к тебе, но тебе не мешало бы раньше об этом подумать!" К тому же ребенок должен был оставаться в детском саду целый день, а не всего лишь три часа, как раньше, так как мать работала.

Психическое состояние девочки после развода заметно ухудшалось. Опасение, что она совсем потеряет отца, подтверждалось: он до сих пор не появлялся, из чего Стефания сделала заключение, что виновата опять мама. В ее представлении мать вполне могла играть эту роль, поскольку она ее больше не любит, как прежде. Может быть, потому что папа любит Стефанию больше, чем маму. Предположение, что мать больше не будет любить ее, как раньше, подтверждалось в глазах ребенка ежедневными агрессивными ссорами, отчего возрастал страх навсегда остаться со "злой матерью". Вместе со страхом росло и чувство вины из-за своей ярости и любви к отцу. Опасение ребенка, что мама отомстит ей, сделает однажды выводы и оставит ее одну, делало девочку все зависимее и нетерпеливее. Доходило до рыданий и крика, когда мать уходила по делам или когда она приводила ее каждое утро в детский сад. Стефания не верила больше, что мама обязательно вернется.

Страхи Стефании, вызванные разводом, аккумулировались в угрозе для ее жизни. Уже через полгода мир, казалось девочке, перевернулся, так же, как казалось Манфреду и Катарине, но не в результате описанных выше переживаний развода, а в результате кризиса отношений между матерью и ребенком. И точно так же, как у Манфреда и Катарины, ее система обороны стала раскачиваться, но только медленнее. К моменту развода Стефания производила впечатление нормального, по возрасту развитого ребенка — и даже более того, — в ней можно было отметить то, что мы в психоанализе называем "психическим структурированием": девочка за первые три года жизни научилась интегрировать хорошие и плохие стороны, амбивалентные репрезентации объекта, т.е. она понимала, что ее родители имеют хорошие и плохие свойства, но тем не менее она была уверена в их любви и защите. С помощью живых представлений, рисунков и игр Стефания одерживала все новые и новые победы над (по причине приобретенного сознания константности объекта) не особенно грозными конфликтами влечений, которые смягчались также благодаря способности Стефании в треугольной системе отношений в конфликтных ситуациях переходить от матери к отцу и наоборот. Таким образом, в развитии ребенка представлялась возможность сдерживать в определенных рамках возникновение массивных страхов, которые могут вызвать к жизни патогенные процессы обороны. Поскольку здесь речь идет о внутриспсихических процессах и приобретениях, такое психическое равновесие у маленьких детей в большой степени зависит от определенного развития внешних обстоятельств. Долгая разлука, которая обманывает доверчивое ожидание новой встречи и веру в сохранение любовной привязанности, может сотрясти константу объекта, при этом "злая" мать, которая становится все более "злой", и ошибка "третьего объекта" ведут к обострению внутренних конфликтов. Стефания больше не могла при помощи обычного механизма обороны совладать с возрастающим страхом.

Изложенная здесь зависимость ребенка и его потребность контролировать куда мать уходит, — это только одна из сторон усиливающейся регрессии. Отказ обороны заставил Стефанию активировать такие примитивные механизмы обороны, как проекция и разделение. Она проектировала свою (по ее опасениям разрушительную) ярость на мать, в результате чего та казалась ей еще "опаснее" и "злее". Проекция и реальная агрессивность отношений "мать-ребенок" привели в конце концов к разделению в материнской репрезентации объекта на "совсем хорошую" и "совсем злую", причем добрая мать все чаще и чаще была недостижима для ребенка, а рядом оставалась только злая. К этому разделению объекта Стефания относится так, как обычно относятся к врагу: она кричит на мать, ругает ее, кидается на нее или убегает и закрывается. Итак, послеразводный кризис привел Стефанию к изменению общей психической организации. Стефания не просто реагировала на развод, через два месяца после развода она стала неузнаваема. То, что случилось с Манфредом, Катариной и Стефанией, мы можем охарактеризовать как срыв системы обороны, причем у Стефании речь идет не столько о внезапном сломе, сколько о постепенном опустошении, замене системы обороны механизмами психических преодолений конфликтов, которые относились к давно пройденным фазам развития. В итоге через несколько месяцев после развода мы видим, как шестилетняя девочка пытается преодолеть свои страхи и свое напряжение психическими методами двухлетнего ребенка ("возраст упрямства").

2.6. Неудавшаяся регрессия

Частичные регрессии относятся к репертуару каждого человека в трудных ситуациях. Ежедневные поводы для них — усталость, переживания или болезни. Перед потребностями тела меркнет взрослый мир планов, внимания и ответственности и появляется желание, чтобы тебя побаловали, хочется услышать доброе слово, лечь в свежую постель, испытать счастливое чувство защищенности — все то, что, как правило, предназначено детям. Мы можем также "по-детски" реагировать на людей, которые нас обижают или доставляют нам неприятности, что выражается в радости причинять вред, мстить, интриговать или возмущаться, несмотря на то что мы прекрасно понимаем, что это "ничего не дает". И мы можем — хочется надеяться — радоваться как дети, если напряжение проходит и наши желания исполняются. Мы празднуем Рождество, дни рождения и наши успехи, потому что поздравления, подарки и чувство, что тебя балуют, дают нам ощущение любви, ощущение того, что ты не забыт — две вещи, которые нам так нужны, чтобы выстоять под натиском требований, предъявляемых взрослым миром.

Более выразительны частичные регрессии у детей, которые обычно по несколько раз в день меняют свой психический возраст. Семилетняя Эльвира не желает чистить зубы, сопротивляется и ведет себя, как двухлетняя. Спустя мгновение она уже помогает матери ухаживать за ее маленьким братом, как большая девочка. К тому же минимум раз в день она требует от матери, чтобы та взяла ее на руки и покачала, как младенца, а потом строгим голосом делает замечания своим родителям, что те выбрасывают банку из-под огурцов в мусор, а не в контейнер для стекла. И конечно, вечером мама или папа должны сидеть у ее кровати, рассказывать ей сказку, пока она

не заснет, прижав к груди игрушечного мишку, которому она хранит верность с первого дня своего рождения. Похоже на то, что девочка, удерживаясь над пропастью на трудной и скользкой дороге социального приспособления и формирования самостоятельности, время от времени, должна убеждаться в присутствии надежной, готовой придти на помощь руки, в присутствии — на всякий случай — растянутой внизу "спасательной сети" для того, чтобы быть способной и далее балансировать.

Если возрастает напряжение, то такие поиски опоры и

- шаги назад становятся более частыми и паузы в продвижении вперед более длинными. Выравнивающая и придающая силу функция этих частичных регрессий действует естественно только тогда, когда объект, на который направлены регрессивные желания, чувства и надежды, как говорится, "играет за компанию". Иначе говоря, если Эльвирино упрямство действительно повышает привязанность к ней матери, если та действительно держит ее на руках и качает, как младенца, а вечером сидит у ее постели, рассказывая сказки. Если бы мать этого не делала, то регрессивные тенденции ребенка не находили бы разрядки, а, наоборот, обременялись бы дополнительно, потому что "потеря предохранителей" всегда означает возрастание страхов. В Эльвирино случае, например, это страх, что она не так любима, как ее маленький братик. В подобных ситуациях можно часто наблюдать, как дети постепенно освобождаются от своих либидинозных желаний — в данном случае желания, чтобы тебя подержали на руках и покачали, рассказали сказку перед сном и т.д., — но зато у них усиливаются агрессивные тенденции — упрямство, приступы гнева; известно, что ребенок, который злится и кричит, может добиться от родителей больше, чем тот, который просит. Таким образом ребенок открывает для себя — или вновь открывает — применение власти как средство борьбы со страхом.

Послеразводный кризис предлагает все больше возможностей проследить развитие от "нормальных" (частичных) регрессий до распространенного суспендирования соответствующего возрасту набора потребностей, чувств, психических механизмов и возрастания агрессивно-регрессивных устремлений. Трагично, что чем больше такой ребенок, как Стефания, впадает в регрессию, тем меньше шанс, наконец-то, понять, что ей так срочно нужно, а именно, основательные доказательства родительской любви. Часто из-за тяжелой психической ситуации родителей (прежде всего матери) агрессивно-регрессивные устремления ребенка остаются неопознанными и поэтому не вызывают стремительной защищающей и доказывающей привязанность реакции.

Если мы бросим взгляд на внутриспсихические процессы, то сможем увидеть, что Стефания вернулась в период разделенной репрезентации объекта, что она видит мир глазами брошенного двухлетнего ребенка, который чувствует себя зависимым от чужих ("злых") персон и ведет себя соответственно. Со стороны, разумеется, трудно увидеть в злой, раздраженной шестилетней девочке растерянного двухлетнего ребенка. Стефания проявляет, конечно, свои физические и умственные способности, которые не были затронуты регрессией. Если двухлетняя не хочет переходить через улицу, она дрожит и кричит, Стефания же просто бежит; если двухлетняя

пребывает в бессильной ярости, она бросается на землю или колотит кулачками, Стефания же ругает мать или кидается на нее; там, где двухлетняя пытается получить разрядку напряжения сосанием пальца, Стефания начинает все чаще открыто мастурбировать. Мать стала все больше бояться всех этих проявлений и пыталась с ними бороться. Стефания же таким образом получила подтверждение созданной ею картины мира, а именно, что она окружена злыми (разделенными) объектами, в то время как добрые объекты исчезли из ее жизни. Страхи и растерянность девочки еще больше возросли...*

**Собственно говоря, существует много родителей, которые боятся своих двухлетних детей. Серьезные приступы гнева на втором и третьем году жизни связаны большей частью с тем, что родители не способны правильно реагировать на требования автономии ребенка, которые выражаются в оппозиции или быстро меняющихся запросах, а воспринимают их как проявления, направленные против их личности, раздражаются и считают себя обязанными "сломить" волю ребенка. "Сломить", однако, полагается только нечто угрожающее. Эти родители ведут со своими детьми борьбу за власть, как если бы перед ними стоял физически, умственно и душевно равный им противник. Они стремятся показать своим маленьким детям, "кто здесь главный". Но добиваются лишь того, что дети воспринимают их самих как нечто ужасное, угрожающее и жестокое и таким образом борьба за автономию превращается в борьбу против злого, угрожающего объекта (ср. с. 119 и далее).*

Но не только поведение объектов разрушает попытку победить страх путем регрессии. Несмотря на то что дети ставят на службу регрессивным тенденциям функции "Я", которые не были затронуты регрессией, им противопоставляют себя некоторые оставшиеся "зрелыми" части личности. Александру было шесть с половиной лет и он находился в такой же глубокой регрессии, как Стефания. Объекты в один миг способны были менять свое качество и превращаться из "совсем хороших" в "совсем плохие". Тогда Александр начинал кричать и буйствовать, швырять попадавшиеся под руку вещи и его едва можно было успокоить. Когда "приступ" кончался, мальчик снова приобретал ясность. Конечно, он знал, что у него только одна мама и она выглядела снова совсем нормально и ее ужасная гримаса, которую он перед этим видел, бесследно исчезла. Его собственные регрессивные поведение и чувства казались ему сейчас давно прошедшими. Но не только это: он (до сих пор) сильно идентифицировал себя со своим отцом, хотел быть большим и сильным и мать должна была им гордиться, особенно сейчас, когда он был единственным "мужчиной" в доме. Но Александр видел, что в панической растерянности он просто не знал, что делает, и эта ужасающая ненависть к матери в такие моменты... Александру было стыдно за себя и он сам себя ненавидел. Мальчик проецировал в определенной мере как свою собственную ярость, так и свое представление о себе на родителей и думал о том, что отец будет его презирать, а мать будет разочарована в своих ожиданиях. Поскольку такие чувства, действительно, появляются у родителей, то Александр не мог выйти из своего

регрессивного заколдованного круга. Когда он в дополнение к этому частично потерял контроль над своим телом и стал по ночам мочиться в постель, мальчику грозила утрата остатков

уважения к самому себе. В проекции на родителей это называлось потерять остатки их любви*.

На примере Магдалены и Стефана мы видели, как дети могут использовать первые недели после развода для того, чтобы вновь обрести свое душевное равновесие. Хотя методические гипотезы наших исследований не допускают никаких статистических выводов, но я склонен все же на основе научно-социальных данных и моего собственного опыта сделать вывод, что Магдалена и Стефан относятся к меньшинству и что для большинства детей послеразводный кризис представляет собой действительно критическую фазу. Провоцирующие страх конфликты отношений "мать—ребенок" в послеразводный период в этом смысле настолько сверхдетерминированы, что опасность перегрузки системы обороны намного выше, чем шанс, что мать и остающийся доступным отец в состоянии оказать ребенку необходимую поддержку в самостоятельном преодолении кризиса при помощи послеразводных реакций.

**Ночное недержание мочи у детей наряду с возбуждающими страх внутренними конфликтами может являться развивающимся невротическим симптомом. Восемилетняя Беттина на протяжении последних трех лет страдает недержанием мочи. В основе симптома лежит довольно сложный конфликт, который центрирован на рождении ее младшей сестры. Никто из тех, кто знаком с Беттиной, не предполагает, что у девочки большие душевные проблемы. Она хорошая ученица, добивается намеченного, фантазерка, одарена художественно, умеет радоваться жизни, сохраняет довольно хорошее отношение к родителям, а также к другим детям, в том числе и к своей сестре. Беттине удалось все беды в ее конфликте сконцентрировать в этом симптоме. У нее энурезис — результат частичной (частичной) регрессии, хотя это и невротический симптом, но он защитил основные области ее "Я" от дальнейшего разложения. У Александра же энурезис явился сопроводительным обстоятельством расширившейся регрессии, которая завела его в тупик.*

3. ПОСТТРАВМАТИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

У Стефании и Александра, как и у многих других детей, попытка регрессии в послеразводном кризисе потерпела неудачу. Ребенок познал массивный срыв отраженных инстинктивных порывов, выходящих далеко за рамки пройденных этапов развития и первоначально примененных в качестве средства преодоления возникших внутренних конфликтов, появившихся на основе изменившегося поведения окружающих, а также изменившейся его оценки со стороны оставшихся помилованными регрессией частей "Я". Этот "второй регрессивный сдвиг" носит не оборонительный, а травматический характер, т.е. он ведет не к преодолению аккумулированных страхов, а предоставляет ребенка во власть этих страхов более чем когда бы то ни было.

Таким образом, дети, жизнь которых схожа с жизнью Стефании и Александра, долгое время после развода находятся в растерянном психическом состоянии как Манфред и Катарина, для которых уже само сообщение о разводе родителей стало травмой. В какой-то момент на пути между срывом выработанной системы обороны — будь то в результате переживания по поводу самого развода или в результате послеразводного кризиса — и полным растворением "Я" путем

регрессии должен произойти новый "поворот" внутриспсихической динамики. В регрессии или посттравматической борьбе Манфреда и Катарина непреодоленные страхи вынуждают этих детей прибегать к более действенным механизмам обороны. (Разумеется, речь здесь идет о бессознательных процессах.) Эта новая оборона хотя и защищает детей от полной деструкции, но неизменно приводит к психотическим картинам болезни. Достигнутое таким образом равновесие будет в результате состоявшейся регрессии выстроено на той ступени развития, которая находится ниже достигнутого перед разводом или перед послеразводным кризисом уровня развития. Но это имеет большое влияние на будущее развитие ребенка. Чем "архаичнее" страхи, возникающие в ходе конфликтов влечений, тем массивнее оказывается оборона. И чем примитивнее оборонительные механизмы, находящиеся в распоряжении ребенка, тем большие части "Я" страдают от появления симптомов, следующих за обороной. Итак, послеразводный кризис заканчивается инфантильным неврозом — это цена вновь достигнутого равновесия, причем в данном случае под "равновесием" понимается усмирение тайных страхов. Вид невроза и формы симптоматики — по отношению к разводу — являются совершенно неспецифическими и зависят от вида активированных конфликтов, влечений и реакции окружающих — в данном случае в первую очередь матери. Невротическое развитие Стефании можно причислить к истерической форме. Она вытеснила свои разрушительные и сексуальные импульсы и заменила их недетски-материнской манерой предусмотрительности и опеки над матерью и другими взрослыми и детьми. Стефания заботится обо всем, помогает, где может, и ищет любой возможности понравиться каждому. Мать Стефании была счастлива, считала, что дочь преодолела переживания развода, ей и в голову не приходило посмотреть на "хороший характер" дочери как на невротический симптом. Собственно, даже не прибегая к психологическому исследованию, с помощью которого стали очевидными вытеснение и процессы обороны, есть все основания тем не менее рассматривать "отрадное" развитие девочки как невротический характер. Стефания так старается понравиться и завоевать признание, — и это ей порой ненадолго удается, — что со временем она со своей готовностью помочь стала действовать многим детям на нервы. Но вместе с тем ее не в чем упрекнуть. Таким subtilным способом она завоевывает признание окружающих с тем результатом, конечно, что она не любима по-настоящему и это заставляет ее только усиливать свои старания. Далее, оборонные функции ее поведения отказывают в те моменты, когда этот путь не может обеспечить ей признание, привязанность окружающих или возможность контроля над ними. Если ее отругала мать или она чувствует себя преданной со стороны друга или подруги, с ней начинается истерика. Если мать возвращается домой позже обычного или машина приближается слишком близко к тротуару, кто-нибудь играет с открытым огнем, как и во многих других вполне безобидных случаях, Стефания впадает в панику, кричит, истерично плачет, кидается на пол или убегает прочь. Что принесет Стефании будущее — трудно предсказать. Ясно одно — инфантильные неврозы занимают мощную диспозицию в развитии невротических явлений в переходном или зрелом возрасте, даже если в ближайшие годы актуальная симптоматика перестанет о себе заявлять.

Манфред и Катарина также должны справиться со страхами, вызванными травмой. Но эти

дети, для которых мир изменился не в результате обстоятельств, последовавших за разводом, а уже в результате самого факта развода, находятся в более выгодном положении. В отличие от Стефании и Александра их оборона разрушилась не в ходе радикального ухудшения климата отношений. Кроме того, их симптоматика - по поводу переживания развода была достаточно очевидна и было маловероятно, что родители отнесут изменения в поведении детей не на счет факта развода. Вспомним Катарину. Девочка вела себя так, как если бы она действительно была брошена одна в этом мире. С помощью психоаналитической консультации — встревоженная мать прибегла к ее помощи уже через несколько дней после травматического срыва ребенка — ей удалось начать "борьбу" в качестве любящего объекта в переживаниях Катарини. Она старалась быть "милой", где это только возможно, и препятствовать образованию прежде всего агрессивных влечений (а они уже сами по себе могут являться источником страха), которые грозили завладеть ребенком. Это было, конечно, нелегко, мать должна была, в буквальном смысле, держать ребенка в руках. В это время консультант стоял перед главной задачей — помешать возникновению страхов матери перед ребенком и перед собственным вмешательством, а также идентификации матери с агрессиями ребенка, проецированными на мать, что помогло ей в результате не реагировать на проявления ребенка с подобным же бессильным гневом. Через несколько дней отчаянной борьбы с матерью Катарина, буквально, упала в ее объятия, которые та держала наготове раскрытыми. На коленях у матери, обхватив ее шею руками, плакала девочка не менее получаса о потерянной и вновь обретенной любви. Многочисленные беседы и игры, которыми воспользовалась мать по совету консультанта, помогли Катарине в течение нескольких недель постепенно, "порциями", избавиться от ужаса, который она пережила с известием о разводе родителей. По нашему мнению, Катарина смогла освободиться от массивного посттравматического сдвига системы обороны, который грозил изменить ее личность и развить невроз.

С Манфредом получилось по-другому. Сцены, которые он закатывал дома и в школе, не заставили ни учительницу, ни мать растянуть спасательную сеть, которая так помогла Катарине. Мать не желала мириться с его "истерическими припадками", как она позже сама выразилась, и пыталась "вновь внушить ему благоразумие", иногда такими методами, как домашний арест, пощечины и постоянный крик. Через год после ухода отца когда-то живой и развитой мальчик впал в депрессивное состояние, потерял друзей, часами сидел перед телевизором и грыз ногти. Так же, как и Стефании, Манфреду ничего не оставалось, как методом борьбы с его внутренними конфликтами, выбрать массивное их вытеснение, которое влечет за собой образование невротических симптомов.

Ознакомление с известием об окончательном разводе родителей и возникновение невротических симптомов в ходе посттравматической обороны образуют начало или конец спектра различных психических процессов, которыми дети реагируют на переживание развода родителей. Мы только что познакомились с некоторыми типичными вариантами душевных реакций на развод — их не следует смешивать с различными формами "внешних", так сказать, видимых изменений поведения после развода. И у нас создалось определенное впечатление о

взаимосвязи между различными душевными процессами у детей и поведением окружающих (прежде всего родителей, особенно матери) в ходе развода и после него. Прежде, чем мы будем в состоянии составить некую обобщенную картину этих процессов и обрисовать определенные факторы, нужно ответить на некоторые, оставшиеся открытыми вопросы.

1. Несмотря на то что взаимосвязь между травматической регрессией и отношениями "родители — ребенок" в послеразводной фазе вполне ясна, мы должны все же предположить существование и других факторов, которые решают:

- * в каком количестве необходима ребенку поддержка окружающих для того, чтобы он нашел в себе силы вновь обрести душевное равновесие;

- * как долго может ребенок или его система обороны выносить (временное) отсутствие материнской компетентности;

- * в какую стадию прежнего развития отношения к объекту он регрессирует;

на какое место, а также в какой отрезок времени и к какому виду страха "возвращает" его этот процесс и какие ("посттравматические") методы обороны он активизирует.

2. Психоаналитический опыт склонен в таких вопросах видеть зависимость от рода и доброты сложившихся структур объектоотношения, и прежде всего здесь большую роль играет не слишком обремененный конфликтами опыт объектоотношения первых трех лет жизни, который, несомненно, лучше вооружает ребенка в борьбе с трудностями переживаний развода и послеразводного кризиса. Это теоретическое, основательно подтвержденное предположение, кажется, все же противоречит той группе детей, чья система обороны в нашем обследовании показала себя более или менее устойчивой в тяжелые недели и месяцы после развода. Речь идет о тех детях, чье отношение к родителям, и прежде всего к матери, уже перед разводом сильно пострадало в результате массивных агрессий и ссор, и эти дети проявляют в период после развода минимально заметные изменения поведения, максимум — (чаще всего небольшое) повышение агрессивной симптоматики. Кажется, что (агрессивное) изменение материнского объекта или его душевной репрезентации, которое другие дети так тяжело переживают, для этой группы детей не так уж обременительно. Похоже, что они просто уже привыкли к ослаблению обоюдных запросов, как и к агрессивному обострению вытекающих отсюда конфликтных отношений. Значит ли это, что они уже раньше преодолели страхи, возникшие из сложившегося положения, которые столь сильно овладели такими детьми, как Стефания?

3. Вопрос — какие психические факторы и, что называется, какая предыстория детей являются для переживаний, связанных с разводом, более выгодными или, наоборот, более обременительными, будет правомочен, если мы вспомним о детях, которые, как Манфред и Катарина, травматически отреагировали уже на сам факт развода и не только предавались скорби и гневу по поводу того обстоятельства, что они больше не будут жить вместе с отцом, а просто не могли себе представить такой жизни. Что придавало отцам Манфреда и Катарини столь экзистенциальное значение?

До сих пор мы обозначали развод родителей или извещение детей о таковом в психическом воздействии на детей в качестве "нулевого пункта". Теперь мы будем придавать большее значение той роли, которую должно играть для конкретного протекания послеразводного кризиса психическое развитие ребенка перед разводом. В последующих главах я попытаюсь по меньшей мере частично проследить эти взаимосвязи. Часть вторая

ЗНАЧЕНИЕ

ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА ДО РАЗВОДА

Проблемы, поставленные в первой части книги, заставили нас обратить особое внимание на "предысторию" исследуемых на практике случаев. Надо сказать, что именно эта область проблемы выпадает из всех известных до сих пор научных разработок о разводах, не считая некоторых общих замечаний в исследованиях Валлерштейн (основу чего составляют методические трудности в изучении данного вопроса). Разумеется, что каждая психическая "структура", каждая конкретная жизнь и история семейных отношений единственны в своем роде, и любая попытка обрисовать их при помощи грубой общей реконструкции не будет досконально соответствовать действительности. И все-таки, в процессе кропотливой работы мы обнаружили взаимосвязь между некоторыми, казалось бы, типичными констелляциями, а также разнообразными формами переживаний развода и различными судьбами душевных реакций на развод.

4. РАННИЕ НАРУШЕНИЯ ОБЪЕКТОТНОШЕНИЯ У МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ РАЗВОДА

Вот уже несколько недель Михи улыбается при виде мамы, папы, бабушки и няни, как и вообще при узнавании (знакомых вещей, жестов, слов), что дает ему прекрасный повод для удовольствия. Но внезапно он меняет свое "демократичное" распределение ценностей. Папе, бабушке и няне (именно в этом порядке) достаются недовольные гримасы, отворачивание головы или напряженно-серьезное разглядывание и плач. Только по отношению к маме личико его как и прежде сияет.

Этим "отчуждением", которое приходит обычно на седьмом или восьмом месяце жизни — Шпитц (напр., 1957) в этом случае говорит о "страхе восьми месяцев" — младенец выдает, что он ожидал увидеть не то лицо, которое увидел. Речь идет здесь не об узнавании, а об исполнении ожидания. Это, однако, означает в первую очередь, что младенец способен создавать себе представление о матери вне зависимости от ее физического присутствия и знает о своей серьезной жизненной зависимости от нее, (Пиажет характеризует это достижение как константу предмета и перманентность.) Различие, которое делает младенец между лицом матери и всеми другими, в том

числе очень знакомыми лицами, показывает в свою очередь, что множество приятных и веселых переживаний, имевших место в его жизни с матерью, ребенок крепко связывает с ее физическим появлением, что "части объекта", как говорит Шпитц, срослись в один единый объект, "первый настоящий объект любви".

Конечно, младенцу в первые месяцы жизни приходится переживать не только приятное с персонею, которую представляет собой мать. Подумать только, как часто оказываются он в своих запросах непонятым: его успокаивают и Укрывают, когда он хочет только сидеть и смотреть, ему Дают пить, когда у него болит живот, ему суют игрушку, когда он хочет только чувствовать тепло и восхитительный аромат материнского тела, его носят на руках и трясут, когда ему хочется только сосать соску. Как часто чувствует он себя голодным и неухоженным, но никто к нему не подходит. Для матери период между криком ребенка и ее приходом к нему — секунды, а для ребенка, который чувствует себя застигнутым врасплох своими потребностями и который едва ли знает о природе этих потребностей, а также о защищающем присутствии матери, эти секунды кажутся вечностью. Доброта первого объектоотношения ребенка зависит, говоря проще, от того, насколько приятные, радостные впечатления о персоне матери превалируют над неприятными, безрадостными. Изначальное преобладающе позитивное отношение к объекту, которое Эриксон (1959) характеризует как "изначальное доверие", представляет собою важный, хотя единственный и далеко недостаточный фундамент для всего дальнейшего развития ребенка.

Итак, наши обследования привели к удивительному открытию: большинство маленьких детей разведенных родителей (до шести лет), с которыми мы познакомились, пережило довольно конфликтные первые месяцы жизни и вынуждено было строить свою дальнейшую жизнь на неверном фундаменте более или менее опороченного первого объектоотношения. Об этом необходимо рассказать подробнее.

Когда обследуют старших детей с помощью проективных тестов, у них обычно обнаруживаются бессознательные фантазии, которые относятся к психическому состоянию не только в настоящем, но и в далеком прошлом, порой в фазах самого раннего детства, или те и другие, как минимум, тесно взаимосвязаны. (В известном смысле можно даже сказать, что в подсознательном вовсе нет разрыва между настоящим и прошлым.) Результаты тестов ребенка показывают явную доминанту оральной темы (в научном понятии), например, кусающиеся или поглощающие существа, фантазии по поводу голода, смерти от голода, жадности или, наоборот, кормления, заботы, борьбы за пищу, или темы, связанные с держанием за руки или держанием на руках, ласками, поисками укрытия, желанием забраться в пещеру и так далее, — все это говорит о том, что такой ребенок в раннем возрасте, возможно, уже в первый год жизни был подвержен травматическим переживаниям. Конечно, на основе лишь результатов теста невозможно сделать столь радикальное заключение. Здесь могут иметь место также регрессивные феномены или "поздние" фантазии, которые символизировались в "оральных картинах". Что знаменательно, в ходе проведения тестов мы натолкнулись на неожиданное обстоятельство: маленькие дети, родители которых развелись, когда им было не более шести—семи лет, чаще продуцируют "оральный материал", чем старшие или те, родители которых живут в интактном браке. Как

можно интерпретировать подобное открытие?

В таких случаях мы придаем большое значение глубоким анамнезным интервью с родителями этих детей. Результаты поразительны: создается впечатление, что (статистическое) соотношение между совсем ранними нарушениями объектоотношения и разводом родителей, если он совершился в первые пять—шесть лет жизни, действительно существует.

На первый взгляд, такая странная взаимосвязь объясняется знаменательным обстоятельством: почти во всех случаях ранних разводов именно рождение ребенка и представляло собой то событие, которое послужило кризису в отношениях супругов и привело позднее, собственно, к разводу.

Рождение ребенка радикально меняет жизнь родителей особенно, если речь идет о рождении первого ребенка. И эти перемены часто являются иными или гораздо более значительными, чем родители могли предположить. Или же они переоценивают свою готовность к лишениям, которых требует младенец. Это в основном происходит с молодыми родителями, которые, еще не успев достаточно насладиться своей независимостью от собственных родителей, уже оказались в новой зависимости от новорожденного. Ребенок заставляет их почувствовать, что их зависимость продолжается, а это в свою очередь может привести к протесту, раздражительности, активному желанию освободиться и в конечном итоге к конфликтам, что обычно типично для подростков и юношества. И поскольку, как правило, родительская любовь и ответственность защищают ребенка и тот не может стать непосредственным объектом родительской агрессии, недовольство легко перекладывается на партнера. Раздражительность, ощущение, что тебя используют, сознательные и подсознательные обвинения — все это ухудшает атмосферу супружеской жизни. В этой ситуации отцы оказываются наиболее независимыми и часто реагируют на разочарование отдалением от семьи, и к огорчениям матери прибавляется еще и чувство покинутости мужем именно в то время, когда ей больше всего необходима его помощь. Подобные разочарования супругов (любимый муж, который оказался эгоистом, невнимательным, изменником или любимая жена, постоянно ругающая, критикующая мужа, раздраженная и, вероятно, потерявшая свое тепло и радость жизни) не способствуют залечиванию вполне излечимых ран в супружеских отношениях и разрыв этих отношений — теперь только вопрос времени.

Такие обстоятельства не проходят бесследно для ребенка. Я уже упомянул о том, что обычно ребенок защищен любовью и совестью родителей от непосредственного проявления их гнева и ярости. Но это действительно только для сознательных агрессий. Психоанализу известно множество способов удовлетворения агрессивности без необходимости в том признаться себе. Это касается также и матери (или отца) в отношении новорожденного. Чрезмерная подсознательная агрессивность к младенцу может проявляться как неловкое с ним обращение, ошибочные действия, непонимание или же как "педагогические" теории. Идет ли речь о том, что за ребенком не так ухаживают, как это необходимо

Экскурс

РАННИЕ ОБЪЕКТООТНОШЕНИЯ И ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

В последние тридцать—сорок лет психоанализ все в большей степени занимается самыми ранними объекто-отношениями (первых трех лет жизни). Поскольку "классический" (взрослый) пациент психоанализа на основе удавшихся, вызванных к жизни воспоминаний может тем не менее немного рассказать об этом отрезке своей жизни, исследователи-психоаналитики стали искать другие источники: в наблюдениях за маленькими детьми, в типичных интеракциональных способах общения между детьми и взрослыми, в рассказах анализируемых персон о собственных детях и о своих чувствах по отношению к ним, в познаниях из психотерапии и, наконец, в психоаналитической работе с психотическими пациентами, чьи актуальные переживания в некоторых случаях очень похожи на переживания самых маленьких детей. Мне хочется обрисовать важную для понимания предложенного вниманию читателя текста линию развития от обследованного Маргарет Малер (1968, 1975) так называемого процесса индивидуализации от "симбиоза матери и ребенка" до "константы объекта".

Все, что мы можем узнать о ребенке, обязательно содержит часть информации о его объектах. Это особенно касается новорожденного, существование которого полностью зависит от его первичного объекта, от матери. Новорожденные, собственно, еще не имеют представления о собственном "Я", которое отличается от "Не-Я", т.е. "Ты": Младенец не знает, где он "начинается" и где "кончается". Трехнедельному ребенку грудь матери намного ближе собственным ног и, если ему повезло, то она ; всегда здесь, как и руки, которые его держат, голос, который успокаивает, и кожа, которая пахнет так, как она должна пахнуть для того, чтобы все было в порядке. Таким образом, к первому "Я" младенца относится не только тело матери, но весь мир, который кажется соответствующим его потребностям и настроениям и в зависимости от них изменяется и исчезает. Это галлюцинационное двуединство создает нечто, что психоанализ обозначает как ранний симбиоз матери и ребенка. Он охватывает период от трех до четырех месяцев. Матери приходится и дальше "принимать участие в игре" — в иллюзии ребенка о своей божественной роли во вселенной. Это переживание, названное Эриксоном "изначальным доверием", образует ядро (продолжающегося всю жизнь) чувства ребенка, что он живет в добром, невраждебном и изменяющемся в зависимости от его запросов мире. Для того, чтобы исполнить это полное значения задание развития при нормальных обстоятельствах, матери не надо делать ничего особенного, это происходит «само собой»: ребенок почти все время спит, так что, когда он бодрствует, ей действительно ничего не стоит постоянно находиться "здесь"; потребности ребенка пока еще не слишком дифференцированы, поэтому их не так-то сложно распознать и удовлетворить. Но прежде всего мать в высокой степени "идентифицирована" (ср. с. 57) с ребенком, воспринимает его (сознательно или подсознательно) как часть самой себя и собственными (симбиотическими) чувствами и фантазиями "подтверждает" симбиотические чувства малыша. Этот далеко идущий симбиоз между матерью и ребенком постепенно растворяется и переходит в напряженный, конфликтный процесс освобождения, который через

несколько этапов в трехлетнем возрасте достигает своей (преходящей) высшей точки. К этому времени, по Малер, происходит "психическое рождение" ребенка, т.е. он начинает воспринимать себя в качестве субъекта, существующего независимо от матери. Этот процесс освобождения или процесс индивидуализации начинается с того, что младенец различает границы собственного тела и собственной власти. Он начинает различать, что относится к нему и что не к нему, какие ощущения находятся "внутри" и какие "снаружи", что мир по мере того как повышаются его запросы, а он дольше бодрствует и ему нравится двигаться (отдаляться), более не таков, как ему хотелось бы, что существует еще что-то, "объекты", которые имеют собственную волю, но в которых он тем не менее нуждается для того, чтобы получить удовлетворение, и он учится отношениям с ними.

Эти первые объекты так называемой фазы дифференцирования не являются пока еще целыми персонами, а только "парциальными объектами", т.е. тактовыми, визуальными и акустическими впечатлениями, которые имеют исключительно то общее, что все они "Не-Я". Между шестым и восьмым месяцами грудь матери, ее лицо, ее голос, ее запах и определенное поведение вырастают в образ одной персоны, матери, первого (любовного) объекта. По отношению к окружающим этот значительный шаг развития выражается так называемым отчуждением*. Данный период является идеальным моментом для отлучения ребенка от груди. Радость по поводу нового (полного) объекта и захватывающего покорения мира, которая объединяется с прыжком в развитии моторики, может легко возместить такое изменение, если оно совершается осмотрительно. (Позднее кормление грудью становится составной частью любовных отношений и поэтому отлучение от груди переживается как потеря материнской любви.) Между годом и полутора, в так называемой

*К "отчуждению" ср. с. 115 и далее; к параллельному развитию объектоотношения к отцу ср. гл. 5.

фазе упражнений, ребенок учится ходить и говорить первые слова и таким образом постигает новое измерение самостоятельности: вещи не должны больше служить, они могут быть завоеваны, окружение влечет быть обследованным и "экспериментально" проверенным, и то, что невозможно получить самому, можно назвать (словами), представить «потребовать (у взрослых)». Если ребенок смог развить изначально довольно доверительные отношения с обоими родителями (ср. гл. 5.1), то он ничего не боится, едва ли испытывает боль, когда падает или на что-то натывается, и он все больше предпочитает новые приключения привычному физическому контакту с матерью. Тем не менее за этим опьянением кажущейся безграничностью собственных возможностей вскоре следует протрезвление. И в той мере, собственно, в которой молниеносно растущие моторные возможности помогают преодолеть старые ограничения, окружение начинает устанавливать (новые) запрещающие таблички: перед открытыми окнами, перед горячей плитой, перед улицей, перед стереоустановкой, перед супом на ковре, перед цветными карандашами на обоях, перед любимыми сандалиями зимой, перед грязью на полу, перед бодрствованием вечером

и т.д. Это все равно, как если бы мы выиграла автомобиль, но не имели права на нем ездить. Это приводит к тому, что ребенок усиливает свое стремление к автономии, пытается оказывать сопротивление любому "нет" и порой начинает бороться с родителями за власть. Но ребенок наталкивается и на другой вид ограничений — на свои собственные переоцененные возможности. Ботинки не зашнуровываются, дверь не открывается, игрушечные часы не заводятся, и когда он убегает, то не может найти дорогу назад. Полторагодовалый ребенок понимает собственную зависимость, ему ясно, что он проявил чрезмерную смелость, отказавшись от объекта (прежде всего от матери), и снова усиленно ищет его близости.

Следующая за этим (приблизительно после 18-го месяца) и продолжающаяся до полутора лет фаза нового приближения характеризуется усилением новой зависимости, которая, проявляясь чаще всего в непрерывной форме, но иногда и в приступах, длящихся дни или недели, сменяется стремлением к самостоятельности. Это, как если бы ребенок говорил матери: "Пока я был с тобой одно целое, я мог все. Сейчас я замечаю, что я оторвался и без тебя беспомощен. Но я не хочу также терять мою драгоценную, таким трудом завоеванную автономию и менять ее на старый симбиоз, делающий меня абсолютно зависимым. Однако ты должна оставаться рядом и следить за мной, быть здесь, когда ты мне понадобишься, помогать мне, давать силу и делить со мной мои переживания..."

То, что это легче сказать, чем сделать, объясняется пред-амбивалентным и амбивалентотенденциозным восприятием объекта ребенком этого возраста. Хотя ребенок и знает мать как определенную персону, но тем не менее зависит по-прежнему от иллюзии, что она может/должна исполнять все его ожидания и желания, и в изменившихся условиях его автономии точно так же удовлетворяющие, как и в "симбиозном раю". Если она этого не делает, то теряет свою материнскую суть или, иначе говоря, превращается из совсем "доброй" в совсем "злую" мать. В это время подобное происходит довольно часто: всегда, когда ребенок наталкивается на ограничения собственных возможностей, на запреты, установленные средой (матерью), и, наконец, что нередко случается, когда в ребенке временно сталкиваются автономные и регрессивные потребности. Проекция и расслоение, которые мы знаем у взрослых (и старших детей) как механизмы обороны (экс- курс на с. 43 и далее), для двухлетнего ребенка являются нормальным повседневным модусом объектоотношений: собственное разочарование приписывается объекту, тот в свою очередь кажется (совсем) злым и чем больше гнев и злость у ребенка, тем злее кажется ему объект. Это снова активизирует агрессии и отчаянное стремление ребенка получить обратно свою "добрую", все исполняющую маму и т.д. В это время мир ребенка соответствует восприятию мира психотиками. Границы между ними и объектом размываются (кто же зол — я или мать?), и объекты, которые в настоящий момент не содержат ничего хорошего, превращаются в опасных врагов и чудовищ. Но со временем ребенок начинает понимать, что он не будет поглощен или уничтожен "злой матерью", что она, даже если все еще и выглядит угрожающе, но может быть одновременно любящей, доброй и утешающей, что существует разница между собственными аффектами и аффектами или поведением объекта. Если все хорошо, то ребенок примерно к трем годам приобретает такую способность к переживаниям, которую

психоанализ называет эмоциональной константой объекта: знание о (константном) разделении себя и объекта; это значит, что ребенку стало ясно, что при всей продолжающейся зависимости он и мать являются самостоятельными существами; он способен различать, что в его чувствах и аффектах относится к нему и что воспринимается от объекта; и, наконец, он приобрел уверенность, что мать остается любящей и оберегающей матерью даже тогда, когда она что-то запрещает или отчитывает его и что она по причине своей "принципиальной доброты" снова вернется, если даже в настоящее время отсутствует. С этого момента ребенок приобретает способность к амбивалентным объектно-отношениям, как говорится, он способен распознавать, что один и тот же объект обладает и удовлетворяющими, и разочаровывающими сторонами, что он сам любит объект и (иногда) ненавидит, и это не означает, что он должен сразу же из-за собственного разочарования или гнева испытывать страх перед потерей объекта (или считать, что уже его потерял). Константа объекта относится таким образом к завоеваниям, необходимым для здорового психического развития. Но нельзя между тем не отметить помехи, которые могут привести к изломам и задержкам в развитии константы объекта. Трагическая ошибка, совершаемая родителями в фазе нового приближения, заключается в том, что они воспринимают колебания между потребностью в автономии и зависимостью в качестве "настроения", а отчаянно агрессивную борьбу за власть, за удовлетворение пустячных потребностей и отвечают на них борьбой ("мы еще посмотрим, кто из нас сильнее!"). Каждая массивная агрессивная ссора активирует механизмы проекции и расщепления, и они задерживают и нарушают психическое разделение между собой и объектом и срастание амбивалентнотенденциозных представлений и амбивалентной объекторепрезентации. О некоторых дальнейших трудностях последнего этапа процесса индивидуализации я буду говорить в главе пятой.

для его хорошего самочувствия, или мать не в состоянии создать той спокойной, расслабленной атмосферы, которая требуется новорожденному, чтобы с радостью насладиться в основе своей довольно щекотливым, высокоэротическим актом сосания, или родители неправильно понимают крик ребенка, думая, что он голоден, в то время как он просто неудобно лежит, или же они приходят к "теоретическому" заключению, что младенцу надо дать покричать, чтобы он не думал, что может своих родителей терроризировать, а то и из "педагогических" соображений отнять у него пустышку

и т.д. Конечно, проявления агрессивности в отношениях матери и ребенка, отца и ребенка можно найти в любой жизненной ситуации и поэтому подобное непонимание и ошибочные действия можно расценивать как вполне нормальные жизненные явления. Если же подсознательная агрессивность перерастает известные пределы только потому, что родители не могут выносить вынужденных лишений (в отношении независимости, общественной жизни, профессиональной карьеры или просто покоя и свободного времени), то обычные, единичные конфликты между запросами ребенка и действиями родителей становятся как бы сутью их отношений, что может очень сильно повлиять на последующее развитие представления ребенка о матери и о самом себе, зародить в нем "неверие" в доброту и приемлемость мира.

Такие кризисы, вызванные рождением младенца, переживают, конечно, не только молодые родители и касаются они не только "внешних" обстоятельств ухода за малышом. Рождение ребенка сопровождается у каждой женщины и каждого мужчины подсознательными фантазиями, которые определяют их последующее отношение к нему. Некоторые, столь нередко встречающиеся душевные реакции, которые находятся в тесной связи с собственной сексуальностью и собственным детством, также в состоянии обременить супружество и родительские чувства. Есть матери, которые настолько "переполнены" своим младенцем, что в это время для них весь остальной мир, в том числе и супруг, не представляют никакого эмоционального значения. Есть матери, которые рассматривают ребенка как часть самой себя и считают, что он принадлежит только ей и это никого не должно касаться, даже отца ребенка. В обоих случаях дело доходит до исключения отца из интимных отношений "мать—ребенок", а если отец с этим исключением не согласен, то и до борьбы за ребенка. Но бывают и обратные феномены: для отца существует теперь только ребенок, и мать чувствует себя ограбленной как личность, как супруга, как женщина. Опасность для отношений в случае подобных "исключений" партнеров тем больше, чем более они ранимы переживаниями разрыва и исключения. Для многих отцов уход жены за младенцем представляет собой подсознательное травматическое повторение потери любви, если они сами пережили это в детстве по поводу рождения брата или сестры. Жена путем "перенесения" (ср. экскурс с. 197) становится матерью, которая отнимает у него привычную любовь и отдает ее новому пришельцу. Эти фантазии "перенесения" могут провоцироваться дополнительно тем обстоятельством, что многие женщины непосредственно после рождения ребенка не испытывают прежних сексуальных потребностей. Или забота жены о младенце обостряет все еще подсознательно ненасыщенную потребность в безграничной материнской любви к ребенку, которым был когда-то сам отец. В подобных случаях может случиться, что любовное отношение отца к ребенку омрачается массивной подсознательной ревностью, и жена становится объектом той агрессивности, которая когда-то была направлена на мать.

Рождением ребенка актуализируются также вытесненные конфликты в области сексуальности. Отцы чувствуют себя ограбленными в своей мужественности не только по причине отказа от сексуальности жены и собственного исключения из идиллии "мать—ребенок". Сам младенец, который успокаивается только на груди у матери, заставляет отца испытывать чувство никчемности, безвластия и беспомощности. Подобные переживания "импотенции" вызывают ярость или подавленность и приводят многих мужчин к Тому, что они отдаляются и эту потенциально разочаровывающую часть супружеской жизни — уход за ребенком — целиком уступают матери. Таким образом, реальная ситуация еще больше ухудшается: отец теряет интимный контакт с ребенком, не знакомится с его привычками и особенностями, но и ребенок не сближается с отцом. В результате отношения ребенка с матерью, которая является "экспертом" во всех областях, становятся еще теснее.

Подобные чувства отцов, умаляющие их способность, власть, мужественность, нередко дополняются подсознательными желаниями кастрации со стороны матерей, для которых их женственность на протяжении всей жизни была связана с чувствами обделенности и

неполноценности. Как дающая жизнь, как (любимая больше всех младенцем) мать, теперь она привилегирована и эта привилегия не должна быть потеряна. Несмотря на то что многие из этих женщин сознательно страдают оттого, что вся нагрузка по уходу за ребенком лежит на них, все же подсознательно наслаждаются тем, что отец чувствует себя беспомощным, что младенец дает себя успокоить только ей одной и они делают — незаметно для себя и других — все для того, чтобы это так и осталось. Часто младенец приобретает значение (наконец-то выросшего) пениса*. Это делает мужа, с одной стороны, ненужным, с другой — угрожающим усладительной иллюзии, что нередко служит дополнительной причиной того, что женщина в первые недели или месяцы после рождения ребенка испытывает так мало желания спать с мужем. Эта ситуация меняется, когда младенец начинает отдаляться от матери. Иначе такая нагрузка, как и сами роды, которые демонстрируют женственность больше, чем любое другое событие, переживалась бы в качестве дальнейшей обделенности женщины. И может случиться, что связанная с этим ярость окажется направленной на отца, который ре-презентует привилегированное мужское общество. Подобные подсознательные стечения переживаний ведут

**К теме женского желания пениса и мужского страха кастрации ср. экскурс на с. 150.*

к дальнейшему осложнению в отношениях родителей. Для отца младенец становится мужчиной — соперником или еще кем-то, кто не в полной мере отвечает на его любовь и как бы говорит ему: "Ты недостаточно хорош для меня". Для матери сложившаяся ситуация становится символом ненавистной женственности и (или) кризиса брака, ("виною") отхода мужа от нее. И младенец не вознаграждает мать за принесенные жертвы, он кричит и требует все больше и больше внимания. И почти неизбежным следствием супружеского кризиса, в ходе которого отец отдаляется от диады "мать-ребенок", является далеко идущая, компенсационная концентрация матери на ребенке. А это значит, что ребенок должен бы исполнять желания и запросы матери, которые, собственно, могут быть удовлетворены только взрослым окружением: желание признания, высокой оценки, благодарности, свободы или эротические запросы. В качестве заменителя партнера младенец, конечно же, не годится и это влечет за собой разочарование матери, которое в свою очередь ведет к обострению агрессивности в (и без того довольно амбивалентных) отношениях "мать—ребенок".

Наконец, назовем еще одно обстоятельство: мы тем больше способны проникнуться заботами других людей и тем больше мы живем для других, чем более уравновешено наше собственное душевное состояние. Таким образом, отцы, как и матери, находящиеся в напряжении и кризисе, менее способны быть хорошими родителями. Мы уже ознакомились с довольно показательным примером: далеко идущим влиянием психосоциальных нагрузок на мать в первые недели и месяцы после развода, также точно тревоги и боль, связанные с кризисом супружества, влияют на отношения матери (и отца) к ребенку в его первый год жизни. Речь идет о том этапе развития ребенка, который для родителей, даже в оптимальных обстоятельствах, является самым

напряженным. Это говорит о наивности, когда люди, вступив в супружество, оказываются застигнутыми врасплох теми психическими нагрузками, которые приносит с собой рождение ребенка. Общество предоставляет родителям так много возможностей, чтобы физически подготовиться к родительской роли и обеспечить здоровье матери и ребенка после родов, но в то же время кажется, что из общественного сознания исключено то обстоятельство, что в здоровом развитии ребенка в большой степени принимает участие и душа, и не только душа ребенка, но и душа родителей. Скольких человеческих страданий, скольких психических травм (а вместе с этим и народнохозяйственных расходов) можно было бы избежать, если общество придавало большее значение психогигиенической профилактике в подготовке семьи к рождению ребенка. Во многих из обследованных случаев, вероятно, достаточно было бы, чтобы будущая мать и будущий отец были лучше подготовлены и вообще подготовлены к возможным ранящим обстоятельствам, неизбежным в партнерстве.

Можно предположить, что опасность кризиса брака, которую приносит с собой рождение ребенка (что в свою очередь ведет к нарушению развития младенца), свойственна рождению только первого ребенка. Если отношения мужа и жены уже однажды были в состоянии интегрировать одного ребенка, то и при рождении последующих детей это окажется возможным. Но изложенные выше феномены выявлены не только при перворожденных. Рождение второго, третьего, а то и четвертого ребенка также может нанести браку непоправимый ущерб и привести со временем к разводу и в ходе кризиса брака к нарушению раннего объектоотношения у детей. Почти во всех таких случаях было обнаружено, что именно перед рождением этого ребенка и начинались серьезные осложнения в отношениях родителей. Сознательно или подсознательно предполагалось, (что младенец должен скрепить (часто лишь поверхностное) их примирение. Роль спасителя отношений родителей на продолжительное время, однако, не по силам ни одному ребенку. Для этого он должен был бы доставлять родителям так много радостей, что они в благодарность забыли бы свои собственные проблемы. Но если мы видим, что вполне функциональный брак может разрушиться из-за обременения проблемами, принесенными вполне желанным младенцем, как же можно тогда ожидать, что ребенок, зачатый практически против желания, не принесет с собой дополнительной критической нагрузки и в без того нарушенный брак, не говоря уже о том, чтобы он был в состоянии этот брак вновь восстановить*.

Конечно, ранний жизненный опыт ребенка не только предрешает его будущую жизнь, но и образует, как уже говорилось, фундамент для его дальнейшего развития. Он, во-первых, вырабатывает по отношению к жизни позицию определенных ожиданий, для которой опыт младенца с матерью является репрезентативным, и, во-вторых, дает определенное количество примеров переживаний и реакций, на основе которых будет "ассимилироваться" (ср. Пиаже) его позднейший опыт, на который он будет опираться в будущем в кризисных ситуациях. Дети, чей первый опыт объектоотношения был обременен множеством конфликтов, чье "изначальное доверие" уже подорвано, склонны в дальнейшем к чувству страха перед потерей любви, к опасениям за проступки или "злые" фантазии подвергнуться преследованию и наказанию, к депрессивному отступлению перед внешними или внутренними конфликтами; в сложных

.ситуациях им не хватает прежде всего уверенности и вообще любопытства к новому, как говорится, жажды неизвестных

**Нет необходимости говорить о том, насколько ребенок обременителен для брака, если речь идет о нежеланном ребенке.*

открытий. Стоит таким детям приобрести горький опыт развода родителей, как оказывается, что они слишком плохо вооружены для преодоления связанных с ним переживаний, К типичным душевным реакциям детей при разводе родителей относятся в любом случае, как мы уже видели (гл. 1), страх перед потерей объекта, страх перед наказанием, обида и гнев. Эти чувства особенно интенсивно развиваются у детей с ранними нарушениями отношения к объекту, так как ранние травматические переживания активируются актуальным переживанием. Этим детям не хватает также уверенности и мужества при вступлении в новое будущее и в ожидании от него чего-то хорошего, что могло бы сделать пережитые потери более сносными.

Трагедия в том, что большинство детей, родители которых развелись в первые пять—шесть лет их жизни, относится к той группе детей, которая хуже всего подготовлена к подобному кризису. К тому же это диспозициональное невыгодное положение объясняется не только конфликтами первого года жизни. Дело в том, что кризисы и неразрешенные объективные конфликты каждого этапа развития "берутся" в известной мере с собой в следующий этап и усиливают конфликты, характерные для этого этапа. Итак, можно сказать, что общее развитие этих детей уже омрачено будущим разводом родителей.

Этот результат, подобно другим результатам обследований, которые будут изложены в следующей главе, по-новому рассматривает как "реакции развода", так и психогигиеническую оценку значения развода для детей. Кажется, что драматическая душевная предыстория детей, которую продолжает разрыв родителей, частично идет не только на "счет" развода, но также взаимосвязана с высококонфликтной ситуацией в семье (до развода), которая, как можно предположить, также повлияла на психическое развитие ребенка, особенно в важный и чувствительный период его жизни, хотя, может быть, это и осталось незамеченным окружающими. Так же, как и другие "большие события" в жизни (работа, потеря партнера, рождение ребенка и т.п.), развод и "последствия развода" в какой-то мере являются только поводом, позволяющим проверить душевную стабильность детей и связанное с нею их душевное прошлое, из чего следует, что в "симптомах развода" становятся в большей степени видимыми ранние нарушения развития.

Еще рано начинать дискуссию по поводу вопроса родителей: "Должны ли мы из-за детей оставаться вместе или все же нам следует развестись?" Простое заключение, что "развод тем обременительнее для детей, чем они моложе, и надо, как минимум, дождаться достижения ими школьного возраста", так часто слышимое и даже читаемое в специальной литературе, сомнительно и чересчур упрощенно. Между тем может оказаться, что ожидание принесет с собой

только новые проблемы, которые таким образом рассчитывали избежать. В дальнейшем изложении мы сможем лучше понять взаимосвязь между реакциями на развод и предразводной историей детей, которая почти всегда является историей, отмеченной супружескими конфликтами родителей.

5. РАННЕЕ ТРИАНГУЛИРОВАНИЕ И ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

5.1. Значение раннего триангулирования

Вспомним еще раз об "отчуждении" Миши (с. 114 и далее), которое говорило о том, что он совокупность приятных, но в то же время порою и неприятных переживаний интегрировал в представление об одной персоне, персоне матери. Через несколько дней или недель эти же реакции можно обнаружить и при появлении отца. (Время первого отчуждения зависит в большой степени от интенсивности отношений отца к младенцу.)*. Тот факт, что младенец улыбается отцу, Абелин (1971, цит. по Ротманну, 1978) характеризует как знак, указывающий на то, что тот научился уже отличать отца от матери. Но это в сущности означает, что мать, вернее переживания (и соответствующие ожидания), связанные с представлением о матери (первое объектоотношение), получили "второе лицо", "вторую фигуру". Или иначе, младенец признает мать и отца как одно целое, внешне различные персоны тем не менее объединяют общие качества. Вначале отец является не чем иным, как "другой матерью", и наоборот, в переживаниях, связанных с матерью, содержится нечто, связанное с отцом, а также и с другими персонами.

Другая характерная черта этого периода: ребенок в этом возрасте способен в одно и то же время вступать в отношения только с одной персоной. Сколько бабушек, тетя и отцов чувствовали себя ранеными по той причине, что маленький ангел, который минуту назад лучезарно им улыбался, не хочет больше смотреть в их сторону, потому что мама опять появилась в комнате. С этим феноменом связано и то, что младенцу так трудно дается вдруг перейти от матери к другой персоне. Даже, если эта персона "хорошо ему знакома", в этот момент он не испытывает к ней никакого внутреннего отношения и не ощущает ничего, кроме горечи ухода от матери. Но разлука может и наоборот произойти беспроблемно, если бабушка покровительственно перенимает в данный момент роль матери в интеракции "мать-ребенок" так, что непрерывность (материнского) отношения к объекту остается ненарушенной. Если это происходит, то мать может спокойно удалиться и совсем не обязательно делать это тайком и бесшумно.

Во всяком случае дети начинают дифференцировать свое отношение к объекту. Поскольку младенец умеет опознавать мать и отца как целую персону и все же внешне их различать, он начинает каждому из них приписывать "объективную" разницу в том, как они с ним обращаются: отец разговаривает с ним иначе, чем мать, по-иному реагирует, играет в другие игры и ребенок начинает в свою очередь предъявлять к матери и к отцу разные требования и связывать с ними различные ожидания, благодаря чему отец — чаще всего к концу первого года жизни — превращается в самостоятельный, отличающийся от матери объект. Таким образом, отец остается

существовать и тогда, когда младенец занят с матерью. Или он приветствует пришедшего домой папу, не забывая в этот момент о существовании матери. И он начинает учиться одновременному общению с двумя персонами.

Но триангулирование не просто привнесение "второго отношения к объекту". (В основе своей следовало бы говорить о трех объектоотношениях — отношении к матери, отношении к отцу и отношении к обоим родителям вместе.) Это соотношение создает новое равновесие, внутриспсихическую систему или "структуру", по выражению Ротманна (1981), нечто, что всегда влияет на создание или изменение объектоотношения к одному из родителей**. Функция освобождения от обязанностей третьего объекта, которую мы наблюдали выше на примере Кристиана (с. 94), является одним из следствий триангулярной системы объектоотношения. И мы видели, насколько удаление этого третьего

** Разумеется, эти последствия относятся к шагам развития репрезентации объекта в раннем детстве в семьях с (статично) определенным распределением ролей между матерью и отцом и другими персонами.*

*** Концепт триангулирования показывает, что психоаналитическое и "систематическое" мышления не являются взаимоисключающими. Что же касается представителей системно-семейно-терапевтической школы, то с психоаналитической стороны, конечно, возможности понимания распространяются только на тех ее представителей, которые готовы воспринимать "внутриспсихическую систему", а не ограничиваются лишь внешними образцами отношений и поведения.*

объекта, отца (вместе с другими обстоятельствами), способствует возрастанию вытекающих из развода страхов разлуки и расплаты, так что приобретенная система обороны не в состоянии их преодолеть.

Обобщая работы Малера, Гринакр, Винникота и др., Ротманн (1978) указывает на следующую, имеющую большое значение функцию раннего триангулирования: роль отца в прохождении и успехе процесса индивидуализации во время "фазы нового приближения". Для нашей темы этот аспект тройственности необыкновенно важен по двум причинам. Во-первых, после опыта первого года жизни наступает "фаза нового приближения", которая ведет к достижению константы объекта — центральному показателю в развитии той основной структуры, удачное развитие которой, по нашему мнению, лучше всего защищает от деструктивных срывов системы обороны, которые приносит с собой после-разводный кризис. Во-вторых, речь идет о той фазе, в которую (в случае таких срывов) маленькие дети (приблизительно в шесть-семь лет) регрессируют после развода. Это "оживление" прошлого происходит тем не менее без отца, который когда-то был так важен для этого процесса.

Годовалый ребенок видит себя, хотя более и не физически, но духовно и душевно симбиотически связанным с матерью. Однако, когда отец, реализованный как отдельный субъект, вступает в отношения с матерью, это симбиотическое единство с матерью оказывается потрясенным, поскольку ребенок вдруг видит себя в качестве объекта, отличного от матери,

исключенным из этой коммуникации (Rotmann, 1978, 1981). Но ребенок одновременно знакомится таким образом и с чем-то иным: быть другим или быть отлученным вовсе не означает оказаться потерянным. Отец подает малышу пример модели отношений между автономными субъектами.* Путем идентификации с отцом ребенок открывает для себя возможность нового, несимбиозного отношения к матери. С этим новым чувством независимости своего существования или возможности своего существования отдельно от матери вступает он в критическую фазу нового приближения, которая отмечена конфликтом между стремлением ребенка к все большей автономии и самоутверждению, с одной стороны, и его (регрессивными) желаниями безграничной заботы матери о нем и симбиотического воссоединения с нею, с другой стороны. Этот конфликт протекает в соседстве с разнонаправленными страхами: страхом перед новым воссоединением, который ребенок может переживать как вероятность оказаться поглощенным и который усиливает его стремление к автономии, и страхом перед разлукой с матерью, перед неизвестностью, перед опасностью оказаться "вне", к чему тем не менее ребенок все же стремится. Эти ожидания, неопределенность которых частично исходит от самого ребенка, скрывает в себе значительный конфликтный потенциал в отношении к объекту, в данном случае — к матери. Противоречие и потребность в новом приближении ведут к тому, что ребенок вновь и вновь воспринимает мать с разочарованием. В результате этого он в возрасте от полутора до двух с половиной лет создает два совершенно противоположных представления о матери, одно из которых соответствует абсолютно доброму, защищающему, дающему удовлетворение объекту, но в следующий момент она может восприниматься как объект абсолютно злой, отказывающийся в удовольствии, преследующий и угрожающий. В отличие от парциального отношения к объекту в середине первого года жизни ребенок хотя и знает, что у него только одна мать, но ему кажется, что существуют два

**Смысловой (расширенный) перевод может звучать так: «Должен существовать (совсем независимо от мамы) "Я", который, как папа, любит маму (и любим ею)».*

противоположных существа, которые стремятся взять над нею власть. Это объясняет также и то, почему дети в это время (в так называемой фазе сопротивления) иногда столь отчаянно борются за, казалось бы, пустяковые удовлетворения или реагируют на их исчезновение как на катастрофу. И здесь дело касается не столько изначальной потребности, сколько "доказательства", что мама (все еще) остается "хорошей мамой" или возможности путем ожесточенной борьбы со "злой матерью" вновь вызвать к жизни "добрую".

В такое тяжелое для матери и ребенка время на отца возлагаются две необыкновенно важные функции. Во-первых, он предлагает себя ребенку в качестве менее "контаминированного" (заряженного) (Крис), т.е. менее конфликтного объекта, способного освободить ребенка в его конфликте желаний воссоединения и освобождения в отношении матери. Во-вторых, он выступает как представитель материнских свойств (см. выше), так и "внешнего мира", "мира

иного, чем мать". Это свойство, которое уже в фазе упражнений играло столь большую роль, сейчас получает новое значение. Отец представляет собой, так сказать, надежный остров, к которому можно отважиться пристать, бежав от "материка матери". В этом случае освобождение от матери является не фактом "ухода вон", а "уходом куда-то", а именно: к (несущему в себе часть матери) отцу. Таким образом, тройственная структура отношений на втором и третьем году жизни создает для ребенка такие же важные условия для завершения процесса индивидуализации в области психики, как когда-то размещение объектов, которое дало ребенку возможность принять решение отважиться сделать первые самостоятельные шаги: от одного доверенного лица — в объятия другого. Абелин характеризует отца как катализатор для развития зрелого отношения к объекту матери, в котором на месте разделения (однажды) очень хорошего и (однажды) очень злого "образа матери" вступает интегрированная материнская объекторепрезентация, которую ребенок способен отличить от собственного представления о себе, от своих мыслей и чувств и для которой свойственны одновременно как злые, так и добрые свойства, — то, что психоанализ характеризует как константу объекта. Поскольку ребенок пришел к уверенности, что мать любит его и защищает даже в те моменты, когда она на него сердится или отказывает ему в удовольствии, то тем не менее исходящая от нее угроза удерживается в рамках. Исходя из этого, Ротманн считает триангулярную структуру отношений к объекту также условием для "созревания", что называется, требующим окончательного развития, эдиповым конфликтом. Конфликт между ревностью и любовью к однополему родителю создает, во-первых, условие для того, чтобы ребенок способен был поддерживать (не симбиозные) любовные отношения с двумя объектами, и, во-вторых, чтобы эдипов соперник был не только ненавидимым и поэтому устрашающим, но и оставался достижимым в качестве "доброе объекта". Там же, где раннее триангулирование не имело возможности развиваться, на место ревности вступает, по утверждению Ротманна, конфликт лояльности: любые отношения кажутся предательством и одновременно уничтожением других отношений. От обманутого объекта, однако, можно ожидать только мщения. Это делает предэдипально структурированные конфликты лояльности весьма угрожающими.

Если мы еще раз окинем взглядом трудности процесса развития в первые три года жизни, то увидим, что успех процесса индивидуализации зависит в известной степени от следующих важных условий:

* Во-первых, от достаточно доброго первого объектоотношения, которое ребенок строит на первом году жизни, Если же оно не удалось, то он теряет большую часть уверенности, которая ему так необходима, чтобы постепенно освободить себя от связи с матерью и обратиться к "внешнему миру". Также появляется опасность, что ребенок прибегнет к борьбе, чтобы сохранить удовлетворение, в котором ему было отказано и придет к хотя и агрессивно окрашенной, но еще большей зависимости, в то время как "насыщенный" ребенок в высшем ощущении своих вновь приобретенных способностей (ползать, ходить) завоевывает мир в увеличивающемся отдалении от матери ("фаза упражнений")*.

* Независимо от доброты первого объектоотношения к матери очень важно, чтобы в

процессе конфликтов индивидуализации на втором и третьем году жизни ребенка мать могла отпустить ребенка, строя свои отношения с ним не слишком амбивалентно, т.е. без (подсознательной) агрессивной окраски; она не должна быть раздражительной, а, наоборот, постоянно проявлять терпение и источать благодущие. Необходимо, чтобы мать оставалась постоянно доступной для ребенка, также и по прошествии первого года жизни, чтобы сохранить непрерывность (еще не закрепленных) отношений в той мере, чтобы ребенок в своих попытках индивидуализации не боялся потерять ее. Даже мы, взрослые, только тогда в состоянии безболезненно расставаться, уезжать, если уверены, что у тех, кого мы любим, все в порядке и мы их не потеряем. Для уверенности в этом чувстве мы можем использовать почту или телефон. Ребенку же нужно частое,

**Нередко дети отвечают на ранние разочарования сдвигом развития. Они бегут в определенной степени из (неверного) симбиоза в модус объекте-отношении большей автономии и дистанции от материнского объекта. Клинически это означает, что особенно впечатляющие успехи детей между 10-м и 24-м месяцами жизни прежде всего в области, служащей автономии функции "Я" (речь, моторика, контроль за выделениями), могут быть как результатом удовлетворяющего, так и разочаровывающего опыта объектоотношений. Зависимость (или иначе говоря, потеря автономии) и самоконтроль могут оказаться для таких детей (людей) постоянным источником массивных страхов (перед новым воссоединением с матерью, страхом оказаться ею "поглощенным").*

с недолгими интервалами, возвращение к матери, прежде чем он снова "отправится в путешествие".

* В-третьих, ребенку нужен отец, уже в первый год жизни младенца необходимо его присутствие, он должен заниматься с младенцем для того, чтобы первое объекто-отношение у того могло расширяться от матери к отцу, как это уже было отмечено в качестве важного условия раннего триангулирования.

* Физическая и эмоциональная доступность отца приобретает совсем особенное значение во время "фазы упражнений" (примерно от 8 до 18 месяцев) и "фазы нового приближения" (примерно от 18 до 30 месяцев). Слишком большая неравномерность в интенсивности отношений между ребенком и отцом или долгое отсутствие последнего подвергают опасности тройственность отношений. Таким образом у ребенка создаются трудности в использовании отца в качестве объекта разрядки напряжения и идентификации в конфликтах освобождения от связи с матерью.

* Наконец, исследования Малера, Абелина, Ротманна и других убедительно указывают на то, какое огромное значение имеют позитивные либидинозные отношения родителей между собой для развития раннего триангулирования и как от этого зависит облегчение процесса индивидуализации. Если таких отношений нет, то у ребенка отсутствует модель и вместе с этим и представление о возможности несимбиозных любовных отношений. Итак, при определенных обстоятельствах преимущественно агрессивные отношения между родителями сигнализируют ребенку опасность, что отказ от симбиозной связи с матерью означает одновременно потерю

матери как любящего объекта.

Исходя из изложенного выше, легко понять, что второй и третий годы жизни относятся к особенно критическим этапам развития каждого ребенка. Как часто отношения матери и ребенка переживают резкое нарушение непрерывности только потому, что декретный отпуск подошел к концу и мать вынуждена снова идти работать! Как часто весь груз по уходу за ребенком и воспитанию лежит на плечах матери и отцы не имеют понятия о том, какое огромное значение имеют они для развития ребенка! Второй год жизни по причине ускоренного моторного развития детей предъявляет к родителям завышенные требования со стороны внимания и терпения. Особенно к матерям, которые измотаны нагрузками первого года и подвергаются еще большим нагрузкам в связи с возвращением к профессиональной деятельности и испытывают (сознательно или подсознательно) большую потребность наверстать упущенное, желание получить возможность подумать о себе и находятся столь далеко от "состояния благодущия", о котором мы уже говорили. Чаще всего воспитание чистоплотности дополнительно обременяет уже и без того тяжелые конфликты "фазы нового приближения". Многие дети начинают в двухлетнем возрасте посещать детский сад и вынуждены переживать разлуку с матерью именно в то время, когда на основе регрессивных потребностей "фазы нового приближения" они особенно беспокойны. Также рождение нового ребенка в "фазе нового приближения" переживается как особенно угрожающее событие, отнимает у ребенка значительную "часть" матери (время, регрессивную нежность, терпение, проникновенность). Но именно второй год является, как правило, излюбленным для рождения нового ребенка.

В семьях с общественно-средними жизненными условиями у детей не соблюдены или, в лучшем случае, лишь частично соблюдены единичные из названных условий для нормального развития в первые три года жизни ребенка. Если к обычным нагрузкам добавляется супружеский кризис, то от этих условий в большинстве случаев почти ничего не остается. Нарушения в первом объектоотношении к матери как следствие и катализатор супружеского конфликта, отсутствующий или отстраняющийся отец, перетруженная и несчастная мать и отсутствие модели зрелых любовных отношений между родителями приводят непременно к ответным ударам в борьбе ребенка за его автономию. Чем больше ребенок привязан к матери, тем драматичнее конфликты объектоотношения, тем больше разочарование, которое переживает дитя. Разочарование, которое переживается как агрессия против самого себя, и эта агрессия путем проекции и идентификации обоюдно усиливают агрессию против (злой) матери и осложняют таким образом интеграцию разделенной на позитивную и негативную личности материнской репрезентации объекта, как и дифференцирование репрезентации самого себя и объекта, что означало бы достижение способности различать, относятся ли аффекты и фантазии к собственной персоне (в качестве желаний и чувств) или к объекту (как его особенности).

Читательница или читатель, должно быть, уже отметили, какую схожесть эти описания конфликтов индивидуализации прежде всего в поздней "фазе упражнений" и в "фазе нового приближения" имеют с характеристикой конфликтов объектоотношения в послеразводной фазе. Поскольку из психоаналитического опыта мы знаем, что особенно обремененные конфликтами

фазы развития образуют притягивающие точки (фиксации) для регрессий в ходе поздних психических конфликтов, то эта похожесть, собственно, не должна нас удивлять. Послеразводный кризис может активировать такие ранние конфликты отношения к объекту не только у ребенка, но и у матери. Во-первых, потому что — во всяком случае у маленьких детей — этот отрезок жизни был отмечен, как мы могли видеть, в большинстве случаев значительными конфликтами и, во-вторых, потому что внутренние и внешние условия, в которых находятся дети и родители в послеразводной фазе, очень похожи на ранние этапы развития. Теперь мы можем создать себе теоретическое представление, почему особенная "драматургия" послеразводного кризиса варьируется от ребенка к ребенку, независимо от внешних обстоятельств, и почему дети так по-разному реагируют; почему так отличаются по величине и доминирующему содержанию страхи, фантазии, желания и агрессии; почему травматический срыв обороны — с заключительной новой ("посттравматической") обороной — наступает у одних детей раньше, у других позже и так далее. Наконец, мы видим, как убедительно подтверждается сформулированное в изложенном выше материале предположение о том, что конфликтные отношения родителей перед разводом занимают значительное место в реакциях на развод.

5.2. Незавершенная индивидуализация

Симона (после развода ей было пять лет) одна из тех детей, чья индивидуализация была приостановлена из-за массивных конфликтов с матерью. У Симоны в первый год жизни сложились необыкновенно нежные отношения с отцом. Мать чувствовала себя обязанной помочь в работе своей больной матери в ее магазине, поэтому пригласила к Симоне няню, но большую часть забот по уходу за ребенком взял на себя отец. Он позволил себе ограничить свою профессиональную деятельность, чтобы постоянно быть в распоряжении дочери. Ничто не мешает заявить, что отец занял при дочери место матери. Однако к концу первого года отношения изменились довольно резко. Помощь матери в родительском предприятии больше не требовалась и она теперь заботилась только о дочери. Отец, который постоянно упрекал жену, что, дескать, той ее мать дороже своей собственной семьи и собственного ребенка, воспринял материнские старания своей жены лишь как конкуренцию, стал опасаться за любовь дочери и, наконец, почувствовал себя использованным и выброшенным. Но ему хотелось уйти от конфликтов. Поэтому не удивительно, что он занялся делами своей собственной фирмы, поставил перед собой задачи, требующие больших затрат времени и энергии, а также недельных, а порой, и месячных заграничных поездок. Можно сказать, что он уступил родительское и воспитательное поле деятельности своей жене. Но Симона вместе с отцом потеряла свою психологическую мать и вынуждена была довольствоваться вторичным объектом. (Биологическая) мать едва ли могла, однако, удовлетворить первичные и регрессивные запросы Симоны, ей не доставало важного опыта отношений, и между матерью и дочерью образовалось некоторое отчуждение. Все попытки матери отдать дочь в детский сад или так называемой дневной матери кончались неистовством ребенка, который в одинаковой мере цеплялся за мать или кидался на нее с криками и кулаками.

Чувство отчужденности по отношению к Симоне, беспомощность, разочарование по поводу брака и, вероятно, мысли о том, что отец имел с дочерью меньше проблем, развили и без того обремененные конфликтами отношения с дополнительными агрессиями матери против дочери. Процесс индивидуализации Симоны не только задержался, но, более того, "фаза нового приближения" с борьбой за автономию вообще не нашла завершения. Симоне не удалось развить стадии константы объекта и раздвоенная репрезентация объекта с возрастающей силой стала встраиваться в садо-мазохистский образец отношений матери и дочери таким образом, что до сих пор дня не проходило без борьбы, крика и слез. Мы уже проследили на примере послеразводного кризиса, что такие отношения не могли помочь преодолеть массивные страхи ребенка, которые проектировали собственные разрушительные импульсы на "злую" мать и питались агрессиями, исходящими от "реальной" матери. Симона так никогда и не стала чисто плотной, мочилась и пачкалась почти каждый день, что следует понимать как регрессивные и агрессивные симптомы. Симона относится к тем детям, на которых развод родителей, состоявшийся перед ее шестилетием, почти не произвел впечатления (ср. с. 112), хотя она и демонстрировала типично аффектные реакции и ее агрессивная симптоматика временно усилилась. Структурного срыва, однако, который мы наблюдали у большинства детей в послеразводной фазе, у нее не произошло. Для страхов, вступающих в силу в этой фазе, Симона, собственно, нашла невротическое решение уже перед разводом. Ключом к феномену большой стойкости детей, которые до развода уже построили в большой степени агрессивно окрашенные отношения с матерью, является тот факт, что во всех этих случаях обнаруживается созданный на протяжении долгого времени симптом (энурез, энкопрез, фобии, симптомы истерии страха и конверсации, принудительно-невротические образования), который связывал часть тех страхов, которые не давали другим детям возможности выдерживать усилившиеся агрессивные отношения с матерью и приводили их к регрессиям и (посттравматическим) мероприятиям обороны.

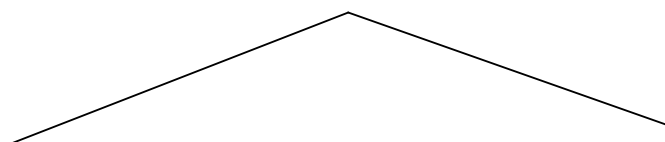
5.3. Асинхронное развитие объектоотношений при неполном триангулировании

Как мы установили, существование доступного отца во многих отношениях облегчает тяжелый и богатый конфликтами процесс индивидуализации ребенка на втором и третьем году жизни. Он открывает ребенку возможность альтернативного опыта отношений; благодаря этому и своим отношениям с матерью ребенок может (и должен) начать воспринимать себя отдельно от матери; отношения родителей в то же время преподносят ему модель, утешающее в какой-то степени доказательство фундаментальной возможности существования независимо от матери и тем не менее сохранения с нею тесных отношений; наконец, отец помогает ребенку быть более гибким в его автономно-регрессивных конфликтах в отношении близости и отдаленности от матери, помогает ему так выражать свои сиюминутные желания и потребности, чтобы оставаться способным двигаться в пространстве между матерью и "также, однако, не только материнским" отцом и таким образом легко принимаются решения, и отношение к матери освобождается от

ненужных дополнительных нагрузок. Если процесс индивидуализации состоялся, ребенок освобождается от симбиозного единства с матерью и константа объекта построена, это означает, что приобретена способность построения и сохранения в одно и то же время многих зрелых и потому особенных объектоотношений.

Психическое отсутствие отца из-за смерти, развода, одиночества матери или, как в случае Симоны, из-за отхода отца от семьи или же из-за отсутствия отца по причине его профессиональной занятости представляет собой одну, но экстремальную вероятность того, как сильно может пострадать этот процесс взаимовнедрения индивидуализации и триангулирования. Но иногда все же бывает так, что этот, так называемый третий объект существует — и это не обязательно отец, — который так или иначе, если и не полностью, но все же исполняет функции триангулирования. Большое значение в проблемах детей развода имеет столь часто встречающаяся форма подобного "неполного триангулирования" семейной констелляции, в которой отец живет дома, поддерживает интенсивные отношения со своим двух-трехлетним ребенком, но живые либидинозные отношения с матерью отсутствуют. Это означает, что в треугольнике трояственности детского отношения к объекту:

Ребенок

Мать

Отец

отсутствует нижнее соединение. Такой отец остается тем не менее очень важным для развития объектоотношения у ребенка. Ребенок может отличать материнский объект от отцовского, находит в отце также защиту, в которой он так нуждается для освобождения от матери и в случае угрожающе-агрессивных конфликтов с матерью отец остается в его распоряжении. Что отсутствует, так это, во-первых, прогрессивно воздействующий опыт собственного исключения, когда мать и отец заняты друг другом. Во-вторых, отсутствует утешающая и дающая уверенность модель несимбиозного любовного отношения к матери и, наоборот, освобождение от симбиоза, который репрезентует отец, становится синонимом освобождения от отношений. Поскольку ребенок в основном общается или с отцом, или с матерью, то одновременные отношения с двумя объектами не только трудны для него, но два отношения становятся взаимоисключающими. Отсутствующее соединение между родителями заставляет ребенка постоянно опасаться за отношения с одним из них и приводит к тяжелопереносимым конфликтам лояльности. Такие дети, если и способны построить зрелые несимбиозные отношения с отцом, но не в состоянии, однако, довести до конца процесс индивидуализации в объектоотношении к матери. Итак, развитие объектоотношений протекает асинхронно. Эти дети в определенной степени постоянно колеблются между неодинаково

зрелыми формами объектоотношения к отцу и к матери со всеми относящимися к этому различными запросами, ожиданиями и аффектами. Остается отец физически и эмоционально достигаемым, ребенок способен при условии других благоприятных обстоятельств обрести определенное душевное равновесие. Прежде всего колебание между отцом и матерью помогает ему все же регулировать расстояние между собой и матерью так, чтобы связанные с недостаточно индивидуализированным отношением к объекту страхи и агрессии по силе, частоте и протяженности не переходили определенных границ. Если же родители все-таки расходятся и ребенок остается с матерью, выпадает освобождающая и удерживающая ребенка на зрелом уровне объектоотношения функция "третьего объекта". Ребенок чувствует себя предоставленным в полное распоряжение во власть матери и пытается всеми силами обороняться или, вернее, бороться с опасностью оказаться ею поглощенным, чтобы не потерять своей индивидуальности и (завоеванной при помощи отца) автономии.

Эта асинхронность развития отношений является одной из чаще всего встречающихся причин того, почему после-разводный кризис у многих детей протекает столь драматично. Она выдает себя тем, что за кризисом особенно быстро следует показательная регрессия. У Александра (с. 105) после ухода отца едва ли прошло две недели, а агрессивно-растерянные ссоры с матерью приняли уже полную силу. Наоборот, у Стефании послеразводный кризис нарастал очень постепенно и растянулся на несколько месяцев. Объяснение этих различий не является для нас более загадкой. Собственно, в случае Александра речь идет не о регрессии его объектоотношения к матери, а о внезапном исчезновении отца, которое вызвало к жизни глубокие, удерживаемые латентно конфликты, застрявшие в определенной степени в "фазе нового приближения" и манифестирующие сейчас объектоотношение к матери.

Экскурс

ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

В предыдущих выкладках речь шла о детских "потребностях", о преимущественно хорошем первом объекте-отношении, об изначальном доверии как наследии "удовлетворительного" опыта с объектом, о неотклонности "влечений" и "стремлений", из-за чего стеснение их может вести к устрашающим психическим конфликтам. Это означает необходимость поближе рассмотреть психологическую натуру этих побуждений.

Уже в 1874 году детский врач Линднер обратил внимание на бросающуюся в глаза похожесть аффектов между сосанием младенца и определенным сексуальным актом. Фрейд (напр., 1905*) ставил феномен "наслаждения сосанием" в один ряд с другими действиями или ситуациями, которые характеризуются возбуждениями в определенных регионах тела, так называемых эрогенных зонах, и направлены на получение физических наслаждений. Вскоре после рождения сосание утоляет не только голод младенца, но также обеспечивает ему получение наслаждения в

области слизистой оболочки рта, в котором он вскоре развивает самостоятельную потребность. Это заходит так далеко, что удовлетворение данной потребности становится необходимым условием для его расслабления, позволяющего малышу после кормления сладко заснуть. В этом удовольствии принимают участие и другие ощущения: тепло материнского тела, аромат, исходящий от ее кожи, ощущение ее пульса, знакомый младенцу еще из предродового состояния и внушающий ему чувство: "все в порядке". К этому прибавляются чувства, связанные с положением тела или с его изменениями, которые могут вести как к большим страхам, так и к высшему наслаждению.

Если не обращать внимания на данное измерение "эротических" переживаний, то это может привести к непониманию и "воспитательным ошибкам". Родители, которые обращают внимание только на физические потребности (голод, тепло, сон) и не признают значения сенсаций удовольствия-неудовольствия, как правило, при каждом проявлении неудовольствия кормят ребенка, вместо того чтобы "прислушаться" к тому, чего он хочет в настоящий момент; они продолжают кормить грудью даже тогда, когда речь уже идет только о наслаждении сосанием и пустышки было бы вполне достаточно; они оставляют младенца лежать, когда тому хочется, чтобы его поносили на руках и т.д. В итоге дети не успокаиваются, а обильное кормление становится причиной коликов у трехмесячных, они в таких случаях отказываются от еды и многое другое. Некоторые матери после того, как ребенок выплюнул пустышку, говорят, что он "отказался от соски". Это также результат непонимания, что при сосании речь идет не просто о том — "нравится" или "не нравится", а о чувственном акте, который — как и при наших чувственных потребностях — имеет свое время, младенец, который только что выплюнул соску, через минуту снова будет с наслаждением ее сосать. О чем надо заботиться в эти первые недели и месяцы, это о понимании "языка" младенца и учиться чувствовать, на что именно направлены его желания в настоящий момент.

В последующие месяцы возрастает значение оральных сенсаций. Прежде всего соска по причине непосредственно плотских возбуждений (а также палец или пеленка..) превращается в символ всего позитивного, что исходит от матери. Поэтому пустышка или ее суррогаты, вплоть до позднего детства, становятся неременным провожатым при засыпании, которое, собственно, является разлукой с любимой персоной или вообще принимает на себя — скажем, как замена матери — функцию утешения или так называемого переходного объекта (Winnicott, 1979)*. Особенная чувствительность зоны рта делает в конце концов рот важным органом, при помощи которого ребенок старается "постигнуть" мир. "Оральные" свойства это — первые свойства, посредством которых младенец знакомится с предметами своего окружения. Исходящие из этого (приятные) возбуждения являются важным двигателем его радости открытий. Итак, радость открытия мира ребенком, проявляющаяся прежде всего в "фазе упражнений", имеет сильный чувственный или "сексуальный" компонент. Можно также сказать, что любопытство ребенка представляет собой своего рода перенос либидинозной энергии с матери, или материнского партиального объекта, и с собственного тела на вещи окружающего мира. Но при условии, что эротические потребности в узком смысле этого слова будут в достаточной степени удовлетворены

и душевная энергия — также и агрессивная — не будет ввязана в борьбу за удовлетворение, в котором было отказано**. При удовлетворении оральных и приграничных стремлений на втором году жизни они теряют свое психическое значение и таким образом процесс освобождения значительно облегчается.

Во всяком случае на втором году жизни другая, в большой степени чувствительная зона тела делается источником ощущений наслаждения: слизистая анальной области. Приятное возбуждение из-за тепла стула и подмывания, задерживания и выталкивания стула обеспечивает детям

**В качестве "переходных объектов" рассматриваются ни в коем случае не только оральные объекты.*

***Во всяком случае этот перенос так же, как механизм обороны, может быть применен для преодоления страха перед массивными разочарованиями.*

(начиная со второго года жизни) ощущения, непременно доставляющие удовольствия. К тому же возникает интерес и к собственным испражнениям, которые в некоторой степени воспринимаются как часть собственного тела и, с другой стороны, представляют собой первую "продукцию" ребенка. Если принимать во внимание эротический аспект (удовольствия) освобождения от стула, то совершенно очевидно, что воспитание чистоплотности означает значительное вмешательство в до сих пор — как мы надеемся — достаточно удовлетворяющую жизнь влечений ребенка:

* Вместо того чтобы согласовать свои действия с его потребностями, от него требуется освободиться от стула по внешним правилам.

* Что у ребенка вызывает радость и интерес, взрослыми характеризуется как "фу", что означает не больше не меньше, что ребенок в своей радости переживает себя как "фу".

* Впервые родители решительно требуют, чтобы ребенок отказался от чего-то, что для него особенно важно и незаменимо, а также и чувственно радостно.

* И не только это: он должен даже отдать что-то очень дорогое, относящееся к нему или "сделанное" им.

Значение анальной эротики или ее "цивилизации" имеет для развития двойной смысл. Во-первых, родители, приучая к "чистоплотности", не дожидаются, чтобы анальные интересы детей утратили свое значение, а (физический) контроль над закрыванием мышцы беспрепятственно функционировал (с середины третьего года жизни), и тем самым добавляют к и без того трудной "фазе нового приближения" еще один источник разочарования. Но прежде всего может возникнуть опасность, что ребенок перенесет на область чистоплотности (агрессивные) конфликты "фазы нового приближения" с матерью, поскольку здесь его власть почти безгранична. В таком случае анальная область приобретает чрезвычайно повышенную психическую ценность в борьбе за автономию, удовлетворение и за "добрую" мать. Если развиваются массивные страхи и анальные стремления преждевременно вытесняются, то добрая часть анальных влечений и

фантазий остается исключенной из дальнейшего душевного развития и эта душевная область может — путем различных механизмов обороны — оказать отрицательное влияние на всю будущую жизнь. Прежде всего принудительно-невротические симптомы имеют тесную подсознательную связь с инфантильной анальной эротикой.

Самое позднее на третьем году жизни большинство детей начинает интересоваться тайной рождения и различия полов и искать ответы на вопросы, касающиеся собственного появления и собственного тела. В этих попытках дети ведут себя вполне логично, но результаты, естественно, страдают оттого, что они не имеют понятия о некоторых вещах:

* Почти все дети сегодня достаточно рано узнают, что они вначале растут в животе у мамы, но не о том, как они туда "попали", или, когда они становятся большими, как они оттуда выходят.

* Отсутствие информации об отцовской функции зачатия и о (невидимом) отверстии женского тела отвечает незнанию того, что пенис мужчины (мальчика) соответствует (внутреннему) половому органу женщины (девочки) и что соотношение мужчина—женщина заключается не только в имени или неимении (пениса). Такой общий для трех-четырехлетних детей дефицит знаний при некоторых обстоятельствах ведет к гротескным теориям, что дети вырастают в материнском животе от определенной еды или от обильной пищи, что их потом вырезают, наконец, что они рождаются через (единственно известный) задний проход и т.п. "Магический" способ мышления детей, т.е. происходящее из незнания природы представление, что все существующее "сделано", предполагает, что девочкам пенис не достался или вообще был отнят, за что возлагается ответственность на родителей и прежде всего на ответственную за создание детей мать. И тем более что автоматически дети ни в коем случае не переносят разницу между девочкой и мальчиком на отца и мать и многие маленькие дети фантазируют мать с пенисом.

Эти инфантильные "сексуальные теории" должны получить свое щадящее, соответственное детскому пониманию, но реалистическое объяснение. Касается это прежде всего оплодотворения, процесса рождения, эквивалентного мужскому видимому женского невидимого полового органа и, таким образом, "равенства" девочки (напр.: "У девочки вместо пениса гнездышко, где позднее, когда она будет взрослой, будут расти детки..." или что-то в этом роде).

Если такое объяснение не состоится, то из детских теорий может вырасти ряд проблем; нарушения питания (помеха или возникновение беременности), задержка стула (помеха "аборта")*, но прежде всего так называемый комплекс кастрации, заключающийся в том, что девочки завидуют мальчикам, что у тех "больше", и хотя мальчики очень гордятся своим членом, но ужасно боятся его потерять. Комплекс кастрации у девочек может привести к чувству неполноценности, к сознательным или подсознательным упрекам в адрес (ответственной) матери. Мальчики, напротив, настолько горды тем, что они имеют, что не упускают момента показать девочкам свое

*Конечно, здесь надо заметить, что не все нарушения в процессе питания или пищеварения происходят от

фантазий по поводу появления детей! превосходство, но одновременно одержимы страхом в результате каких бы то ни было обстоятельств потерять свою столь высоко ценимую мужественность. Фантазии, вращающиеся вокруг различия полов, получают дополнительное значение таким образом, что дети в это время открывают гениталии как первичные плотские зоны наслаждения.

Заключение процесса индивидуализации (ср. экскурс с. 119 и далее), триангулирование объектоотношений (ср. гл. 5) и развитие генитального примата в инфантильном сексуальном развитии (со всеми имеющими место интересами и фантазиями) создают условия для последующего этапа развития, который психоанализ характеризует как эдипову фазу (с. 168 и далее).

5.4. Агрессивное триангулирование

Пока отец остается достигаемым для ребенка, дети, даже с заметными нарушениями в развитии объектоотношений, способны при определенных обстоятельствах удерживать относительное душевное равновесие без необходимости прибегать к развитию невротических симптомов. Мы относим это 'на счет относительной зрелости объектоотношения к отцу, которая позволяет ребенку автономно регулировать его дистанцию по отношению к матери, так, чтобы можно было освободить высоконфликтное объектоотношение к матери от захватывающих агрессий и страхов.

В сохранении этого равновесия принимает участие еще один процесс, который мы назвали агрессивным триангулированием. Как и "неполное триангулирование" оно основывается на условии, что между отцом и матерью не существует манифестных любовных отношений. В этом случае от ребенка не только ускользает (позитивная) модель несимбиозного отношения (к матери), но, более того, освобождение от связи с матерью, которое репрезентуется через независимого отца, представляется в высокой степени угрожающим, поскольку в переживаниях маленьких детей отсутствие любви соединяется с агрессивностью. Мы можем себе представить, какой страх должно внушить ребенку открытие, что родители не только не любят друг друга, но и манифестно борются друг с другом. Последнее характерно, как показали обследования, также и для старших детей. Однако в определенных условиях, которые еще окончательно не выяснены, дети все же в состоянии использовать агрессивные отношения родителей для борьбы со страхами. Герберту было ровно пять лет, когда мы с ним познакомились. Его родители готовились к разводу и рассказывали, что ребенок проявляет очень хорошие, проникновенные, полные любви отношения как к матери, так и к отцу. Ссоры и крикливые дуэли между родителями, в которых отец порой прибегал к рукоприкладству, очевидно, не производили на Герберта большого впечатления. Чаще всего он оставался в той же комнате и спокойно играл дальше. Это равнодушие казалось нам фасадом, трудно было себе представить, чтобы подобные сцены не вызывали у ребенка большого страха. Родители тоже считали, что у такого предположения

должны быть все основания, но из наших бесед с ними о Герберте мы не смогли сделать заключения о присутствии манифестных страхов или каких-нибудь типичных симптомов, которыми реагируют дети этого возраста на подобные страхи. Он не мочился в постель, не выказывал характерных (фобических) страхов, был живым ребенком, в детском саду не вызывал жалоб ни на неприспособленность, ни на агрессивное поведение и был нормально развитым, не слишком болезненным ребенком. Только проективные обследования путем тестов дали объяснение удивительному психическому равновесию Герберта. Хотя и оказалось верным, что его равнодушие по отношению к агрессивному поведению родителей было только фасадом, но за ним скрывался не страх, а большое удовольствие и удовлетворение. Герберт использовал агрессивность родителей по отношению друг к другу для того, чтобы освободить себя от агрессивности по отношению к ним. Прежде всего объектоотношение к матери, которое носило слишком сильный для возраста Герберта симбиозный характер, оказалось особенно обремененным конфликтами. Как только родители начинали ссориться, Герберт идентифицировал себя с агрессивным отцом, брал сторону отца в его агрессивности против матери и ему удавалось таким образом свое отношение к матери освобождать от агрессивности. Так избавлялся он от страхов, которые непременно сопровождают ссоры ребенка с матерью. Можно сказать, что Герберт "давал ненавидеть".

Идентификация с агрессивной, направленной против матери, частью отца ведет к отщеплению "злой" части материнского объекта и осложняет для ребенка интеграцию хорошей и "злой" частей материнского объекта в одну целую, амбивалентную репрезентацию объекта. Ребенок воспринимает только хорошую мать, в то время как разочарования, связанные с нею, отмщаются отцом, который заодно "берет на себя" агрессивность ребенка и связанные с нею страхи. Конечно, происходит это ценой вытеснения собственных агрессий, которые нашли свой выход в отцовских агрессиях против матери.

Естественно, что многие матери воспринимают весьма болезненно тот факт, что их дети, до того полные любви к ним, после развода развивают массивную агрессивность, очень похожую на агрессивность, которую они вынуждены были терпеть от мужа. Эти дети, казалось бы, занимают при матери (агрессивное) место отца, чем они себя с ним идентифицируют, чтобы таким образом частично снять боль разлуки и в какой-то степени отомстить матери за потерю. Это вступает в силу в некоторых случаях. Но мы думаем, что во многих из этих случаев идентификация с (агрессивной) частью отца произошла уже до развода в результате агрессивного триангулирования, и внезапные чувства гнева и ненависти у детей скорее всего — следствие тех обстоятельств, что делегирующие через отца переживания агрессивности представляют собой для этих детей образец обхождения с собственной яростью, ненавистью и страхами. С выпадением отца или его функции, представителя агрессивности, страхи, направленные на мать, должны все-таки найти свое манифестное выражение. Особенно, если речь идет о младших детях (до шести лет), внезапное возникновение массивной агрессивной симптоматики после развода родителей, асинхронность развития объектоотношений и агрессивное триангулирование можно объяснить тем, что идентификация с отцом вступила в силу только в результате развода и создалась как

стратегия его преодоления. Мы легко можем понять, почему эти реакции на развод в одинаковой мере можно наблюдать как у мальчиков, так и у девочек, и даже у тех детей, которые сами страдали из-за агрессивности отца. Различия не наблюдается по той причине, что в результате агрессивного триангулирования становится ясным, какое огромное влияние имеет (напряженное) время перед разводом на психическое структурирование ребенка и на симптоматику развода. Достигнутое путем агрессивного триангулирования равновесие в рамках асинхронного развития объектоотношений к матери и к отцу является достаточно лабильным и может быть сорвано даже без наличия серьезных изменений в семейных отношениях, каким является развод. Если дело дойдет до обострения родительских конфликтов, которое ребенок уже вынужден будет воспринимать всерьез, до ненависти, грубого насилия со стороны отца по отношению к матери, может случиться, что агрессии, делегирующие через отца, покажутся ребенку такими же угрожающими для доброй матери, как и его собственные (подсознательные) архаические чувства ненависти, сопровождающие чувство любви к матери. Более того, ребенок начнет оттягивать делегирующие через отца агрессии в свое распоряжение, в результате чего ему начнут казаться реальностью частично сознательные и частично подсознательные фантазии (надежды и опасения) всех детей по поводу своих магических сил желаний. Может также случиться, что ребенок начнет опасаться, что мать отомстит ему за его идентификацию с агрессивным отцом. Одной из возможностей преодоления этого нового душевного конфликта является усиление вытеснения агрессивности, направленной против матери, предохранение стоящего под угрозой (и угрожающего) материнского объекта путем идентификации и (или) перекладывания части агрессивности или "злой" части объекта с матери на отца.

Если такие родители расходятся, то эта оборона под давлением послеразводного кризиса может быть сорвана. Эти дети представляют собой кажущуюся парадоксом картину развития агрессии не только против матери, но одновременно и против отца, при определенных обстоятельствах отказываясь от посещений*.

Другой вид агрессивного триангулирования выявляет себя, когда ребенок на втором и третьем году жизни в целях освобождения от связи с матерью берет себе примером отношения матери и отца, несмотря на то что эти отношения имеют очевидно агрессивный характер. В то время как при нормальном триангулировании, в котором отношения матери и отца выступают как пример возможности автономных любовных отношений к матери и таким образом защищают стремление ребенка к автономии, в этом случае именно агрессивность отца становится примером освобождения

* Отказ от отца может иметь также и другие причины (ср. гл. 9.2, 10.1, 10.2).

от связи с матерью. Идентификация с отцом дает этим детям силу направлять свою агрессивность на мать. Это отражает предпочтение стратегии отграничения себя от матери в конфликтах "фазы нового приближения". Таким образом, агрессивность, направленная против

матери, служит «защитой от страхов нового воссоединения с нею и, кроме "того, параллельно ощущение автономии в высокой степени делает возможным нарцисстическое удовлетворение, если агрессивность в психическом репертуаре таких детей занимает значительное место. Конечно, ценой этому является то, что разделение репрезентации себя и объекта, доброго и "злого" лица объекта должно каждый раз создаваться заново путем агрессивных поступков, и возникающее таким образом агрессивирование объектоотношения к матери задерживает или вообще срывает завершение процесса индивидуализации и вместе с тем сепарации и интеграции предамбивалентных (расслоенных) репрезентаций себя и объекта.

Как те дети, чья индивидуализация осталась незавершенной по причине отсутствия третьего объекта, так и эти дети тоже демонстрируют очень агрессивное отношение к матери. Но оно не носит панического характера, как у первых, не направлено оборонительно по отношению к (в настоящий момент) пережитой экзистенциальной угрозе со стороны "злого" объекта, а наоборот, производит наступательное, "зрелое" впечатление, напоминает карикатуру мужского доминантного поведения и часто скрывает заметное удовлетворение, получаемое от умаления матери и власти над нею. Поскольку в этом виде агрессивности речь идет о симптоме в другом смысле, что называется, о подсознательной защите «от страха при одновременном удовлетворении — здесь нарцисстических — потребностей, у этих детей появляется необходимость образования также и других симптомов. К тому же агрессивное поведение, имеющее тенденцию к обобщению, выступает и в других ситуациях, в которых дело касается автономии и власти, и не только против авторитетных персон (объектов перенесения), а также против равнозначных конкурентов. (Но не каждое агрессивное соизмерение себя с другими обязательно должно истекать из агрессивного триангулирования.)

Поскольку агрессивность этих детей по отношению к матери служит защитой от страха, многие из них показывают себя, подобно детям, растущим без отцов, довольно стойкими в критическом послеразводном кризисе. Разлука с отцом и (нормальное) беспокойство, испытываемое детьми, родители которых развелись, ведут, возможно, к усилению идентификации себя с отцом и таким образом к агрессивному поведению. Если давление извне (ср. гл. 2.3, 2.4) не будет слишком большим, то у этих детей не произойдет срыва обороны. Но за это смягчение "травмы развода" им приходится платить довольно высоко: сохранением и между тем укреплением невротической формации обороны в виде незрелой степени развития объектоотношения. Теоретические размышления и результаты обследований заставляют предположить, что при этом виде агрессивного триангулирования речь идет не только о "первичном" виде или видоизменении раннего триангулирования, но чаще оно представляет собой вторичное образование, которое при определенных обстоятельствах в состоянии растворить описанные формы нарушенного раннего триангулирования. Оно может представлять собой возможное невротическое решение, принимаемое ребенком для того, чтобы преодолеть конфликты объектоотношения, которые следуют за неполноценным триангулированием; и оно может заменить — весьма лабильную — форму агрессивного триангулирования, делегацию агрессивности отца.

5.5. Компенсационное триангулирование

Чем больше мы занимаемся предысторией детей, переживших развод родителей, тем больше убеждаемся в том, что "воздействие" развода в виде супружеских конфликтов родителей в большой степени зависит от событий, пережитых за много лет до развода; для маленьких детей это означает, что их раннее развитие уже происходило в тени будущего развода. Поэтому попробуем ответить на вопрос, как влияет особенная констелляция треугольника отношений "мать — отец" — ребенок на психическое развитие ребенка в самом раннем возрасте и как это особенное развитие влияет на душевные процессы, если этот треугольник отношений, опиравшийся до сих пор на отношения "мать—отец", разрушается. Исходя из этого, можно сказать, что существуют констелляции раннего триангулирования, которые не зависят непосредственно от качества родительских отношений, но тем не менее играют огромную роль. Мы имели возможность ознакомиться с этим образцом триангулирования на ряде примеров.

Одна из важнейших функций отца в процессе индивидуализации и прежде всего в "фазе нового приближения" заключается, как мы могли видеть, в том, что дети имеют возможность в момент острых агрессивных конфликтов с матерью, которые в этом возрасте обычно внушают большой страх, добиться через "хороший объект" у отца необходимого утешения и любви. В этом интервале отхода от матери, который ребенок может себе позволить, если он сумел построить объектоотношения с отцом и те остаются в его распоряжении, хорошее представление о матери имеет возможность регенерировать, и чувство любви ребенка, потерянное временно из-за гнева и страха, восстанавливается, благодаря заменяющему мать отцу (субститут матери). Такое "переворачивание" материнской репрезентации объекта, так сказать (преходящее) превращение хорошей матери в совсем "злую" и угрожающую мать, является непостоянным и представляет собой, наконец, следствие противоречивых запросов и ожиданий, которые ребенок направляет на мать в "фазе нового приближения", и как часто мать из личных соображений, своих представлений или психической ситуации не в состоянии (или не готова) удовлетворить желания ребенка, в большинстве случаев вполне удовлетворимые. Колебания между матерью и отцом только тогда облегчат объектоотношение ребенка к матери, если отец со своей стороны готов или проявляет желание предоставить ребенку то, в чем у матери ему было отказано. Одним из таких детей, отец которого проявлял готовность компенсировать часть дефицитной способности матери к удовлетворению потребностей ребенка, был Манфред, о чьих травматических реакциях на развод родителей мы говорили выше (см. с. 59). Мать Манфреда, учительница, воспринимала свои задачи по воспитанию сына очень серьезно. Особенно в первый год его жизни она предоставила свою жизнь целиком в распоряжение потребностей ребенка и предпринимала все, что было необходимо для его развития. С радостью и гордостью она отмечала, что Манфред постоянно делал новые успехи, несмотря на весьма среднее физическое, моторное и интеллектуальное развитие. Но что касается эмоциональных аспектов и развития отношений, то здесь заинтересованность матери была относительно небольшой. В наших беседах выяснилось, что для

нее в отношениях с другими людьми, особенно с мужчинами, заключается нечто, внушающее страх и ей очень трудно входить в физический контакт. К тому же, воспитание самостоятельности было ее педагогическим руководством по отношению к ребенку. Но у Манфреда был очень хорошим первый год жизни. Старания матери в развитии ребенка требовали в большой степени времени, присутствия и внимания к сыну, так что мальчик сумел построить первое объектоотношение весьма позитивно. К этому надо добавить, что дети в первые месяцы жизни включают в образ матери также и свой опыт с другими лицами. И отец Манфреда нежно и преданно любил своего сына, и в то время, которое он с ним проводил, они находились часто в тесном физическом контакте. Отец нередко по ночам, если Манфред не мог заснуть и плакал, часами носил ребенка на руках.

Если в отношениях с матерью ему немного и не хватало близости и тепла, отец восполнял этот недостаток и таким образом комплектовал и защищал образ матери, образ первого любовного объекта. Также следующие полгода прошли бесппроблемно. Мать продлила свой декретный отпуск и радовалась вместе с ребенком его открытию мира, экспериментированию и — благодаря его быстро растущим способностям в развитии речи — поддержанию отношений и коммуникации при все возрастающем расстоянии между ними. Но между 18-м и 20-м месяцами, по окончании "фазы упражнений", начались тем не менее трудности. Мать оказалась не в состоянии воспринимать внезапные потребности "фазы нового приближения". Она не могла понять, "почему он снова виснет на ней, как год назад". Ей не хотелось больше иметь младенца, ей хотелось получить обратно самостоятельного мальчика, каким он уже когда-то был, и она чувствовала себя одураченной этим колебанием между порой вполне автономными, а в другой раз вновь регрессивными желаниями ребенка. Когда между Манфредом и матерью началась борьба, значение его отношений с отцом стало повышаться. Для Манфреда отец имел, очевидно, большее значение, чем возможность обретения в нем субститута матери, пока либидинозные аспекты отношения к матери вновь не восстановятся. Отец постоянно удовлетворял те потребности, в которых мать, точно так же постоянно, отказывала. Если он колебался в сторону отца, то не только потому, что мать в этот момент казалась ему "злой", а он шел к отцу, когда в нем возникали потребности, которые, он знал, мать не удовлетворит. Со временем он научился отказываться от некоторых регрессивных желаний "фазы нового приближения", пока отец не приходил домой. Манфред утешал себя в потенциальных конфликтных ситуациях с матерью мыслями о том, что вечером он будет общаться с отцом и эта мысль сама по себе — даже при отсутствии отца — расслабляла ситуацию и защищала объектоотношение к матери от нарастания агрессивности. Отец был для Манфреда не только (вторичным) объектом, это был подобный матери, но все же отличный от нее, менее обремененный внутренними конфликтами Манфреда объект, который в настоящий момент был ему так необходим. Все более репрезентовал он свойства, которые вначале Манфред приписывал матери и которые та в его глазах потеряла. Прибегая к уже использованному образу, можно сказать, что, казалось, отец играл для Манфреда не столько роль надежного "острова", который облегчал ему освобождение от "материка—матери", сколько роль гавани, о которой ребенок мечтал, как мечтают матросы в штормовом

океане, в надежде, что отец поможет ему выстоять в опасностях океана — днях, проведенных с матерью. Таким образом, у Манфреда произошел обмен объектов или вернее — замена объекта, поскольку взятие на себя материнской репрезентации объекта отцом в переживаниях ребенка было равносильно потере части доброй материнской репрезентации объекта матери, что частично означало разлуку с чудесной матерью, которую он знал в первый год своей жизни.

Реконструкция триангулированной структуры объектоотношений Манфреда дает нам также первое объяснение тому обстоятельству, что психическое равновесие ребенка так резко разрушилось после развода. Манфреду с уходом

отца угрожала не только потеря отца, но и в известном смысле потеря его психологической матери, и к тому же уже во второй раз, так что архаические страхи "фазы нового приближения" активировались и усилили актуальные страхи развода*.

Конечно, тождество: реальный отец = психологическая мать рисует только упрощенную картину структуры объектоотношений Манфреда, но с точки зрения отдельных граней (изначального) материнского объектоотношения она кажется вполне верной. И история Манфреда показывает нам, что триангулированная система отношений очень часто оказывается в состоянии открыть ребенку те условия развития, которых нельзя ожидать от индивидуальной позиции или личности отца и (или) матери, поскольку она компенсирует дефицит в личности каждого из родителей. Компенсационное триангулирование требуется не только в случае эмоционально дистансированного и требующего самостоятельности значения матери. Соответствующее качественное облегчение объектоотношения к матери открывается детям, матери которых их особенно опекают, что не может освободить ребенка, но существует отец, который бесстрашно позволяет автономии; тем детям, чьи матери боятся агрессивных столкновений, но отец воспринимает конфликты легче; познать солидарность и поддержку отца в то время, когда мать (временно) ограничена в возможности проявлять любовь в полной мере по причине рождения нового ребенка; детям, к которым особенно жесткие требования к воспитанию (в отношении чистоплотности, успехов, манер) смягчаются "либеральным" отцом, так что ребенок может освобождаться от чувства вины по поводу недостаточного соответствия требованиям. Во всех этих и

**Вторая причина лежит в значительном осложнении эдипова развития (см. следующую главу) из-за компенсационного триангулирования или нежной "материнской" любви Манфреда к отцу.*

многих других описанных ниже случаях дело сводится к смещению обычного равновесия между (первичным) материнским и (вторичным) отцовским объектоотношением. Большое значение, которое играет отец для душевного развития этих детей, превращает развод наряду с ранящими переживаниями разлуки в катастрофу*.

6. ЭДИПОВО РАЗВИТИЕ

Если в "фазе нового приближения" страхи ребенка удерживаются в рамках и инстинктивные возбуждения, прежде всего агрессивного характера, постоянно не переходят допустимых границ, то ему наверняка удастся разделить свое представление о мире и о свойствах, характерных для себя и (материнского) объекта. И он научится верить в то, что злые свойства объекта не уничтожают его добрых свойств, и что мать обладает как теми, так и другими (амбивалентность), и что любовь превалирует над теми "частями" матери, которые пережиты как агрессивные. Существо, которое кажется мне в настоящий момент злым, но о котором я тем не менее знаю, что оно меня все же любит, теряет свое непосредственно угрожающее значение. Это облегчает также задачу разделения репрезентации себя самого и объекта и т.д. (Для успеха данного процесса внутреннего структурирования присутствие "третьего объекта", как уже говорилось, чрезвычайно важное обстоятельство, а

** Конечно, иногда можно наблюдать, наоборот, облегчение нагрузки отношения к отцу, благодаря личным качествам матери. Но это играет роль несколько позже, в эдиповой фазе, в которой отец приобретает значение самостоятельного объекта (т.е. независимо от борьбы с матерью за самостоятельность). Триангулированная система отношений защищает также и отца от чрезвычайных разочарований (и агрессий) ребенка. В этом может скрываться еще одна причина того, что дети тоскуют и по тем отцам, которые — с точки зрения матери — слишком мало заботились о них и даже порой причиняли им боль.*

может быть, даже необходимое условие. В ходе раннего триангулирования укрепляется объектоотношение к отцу и в зависимости от интенсивности и доверительности общения определяется также особенность этого отношения по сравнению с объектоотношением к матери. Приблизительно к трем годам жизни в распоряжении ребенка — при благоприятных обстоятельствах развития — находятся (минимум) два самостоятельных (константных) объекта, отличающихся друг от друга так же, как и каждый из них отличается от "Себя" ребенка, и он способен одновременно поддерживать эти отдельные специфические отношения. Под влиянием ряда психологических, душевных и общественных факторов на четвертом году жизни начинается сдвиг акцентов в сторону половой специфики триангулированной структуры объектоотношения. Мальчики направляют большую часть нежных, сексуальных, обладательных стремлений на мать, а девочки — на отца. По причине любви родителей друг к другу однополый родитель становится соперником. Соперничество с матерью усиливает (предэдипову) амбивалентность отношения к матери у маленьких девочек, в то время как мальчики часть агрессивного возбуждения против матери передвигают на объектоотношение к отцу. Однополое объектоотношение превращается в поле массивных психических конфликтов, которые создают опасность для нарцисстических и самосохранительных запросов ребенка. При благоприятных обстоятельствах мальчикам в процессе возрастающей идентификации себя с отцом удастся в конце концов избежать амбивалентных конфликтов и большей части эдиповых страхов. Таким же образом, т.е. путем идентификации себя с матерью, и девочки разрешают свой эди-пов комплекс. Идентификация с

эдиповым соперником делает возможным для ребенка предохранение отношения к эдипову объекту любви, конечно, ценой большего или меньшего вытеснения любовного возбуждения, сопровождающего

в это эдипово время сексуальные желания и фантазии*. В это время между четвертым и шестым или седьмым годами жизни формируется решающая гибкость представлений для будущей душевной жизни. Как в ходе раннего триангулирования идентификация с отцом прокладывает путь для нового вида отношений, эдипова идентификация с однополым родителем ведет к новому качеству любовных отношений. Если раньше речь шла об отказе от симбиозных иллюзий, то сейчас речь идет об отказе от не принятых в социальном и культурном устройстве общества сексуальных отношений девочки с отцом или мальчика с матерью (инцест). Идентификация помогает им компенсировать нарцисстическое переживание по поводу собственной эротической неполноценности, так как благодаря идентификации с однополым родителем исполнение желаний если и переносится на будущее, однако — в противоположность эдиповым разочарованиям — представляется возможным. Преодолев эдипов комплекс, дети приобретают способность акцептировать разницу поколений. Они получают возможность использовать для себя прежде доставлявшее столько страхов и обид превосходство родителей в том, что они в состоянии наслаждаться уверенностью и защищенностью, которые исходят от родительской силы. Обретенное спокойствие в первичных объектоотношениях позволяет теперь ребенку вновь обратить свое внимание на "внешний мир". Как на втором году жизни существовал

**Эдипов комплекс — чрезвычайно сложный психический процесс, из которого я извлек только основное направление. Вместе с тем обычно существует слабо развитый "негативный эдипов комплекс", который заключается в том, что ребенок рассматривает разнополого родителя также в качестве соперника по отношению к его исключительной любви к однополуму. В заключение эдиповы желания детей находят завершение в (подсознательных) эдиповых фантазиях родителей. Эротические перенесения родителей на детей имеют особенно большое значение, если партнер в качестве любовного и сексуального объекта исчезает (о чем мы еще не раз будем говорить).*

"мир, иной чем мать", который репрезентовал собой отец, так сейчас существует мир "иной, чем родители", который представлен новым качеством объектоотношений, таких, как, например, к учителям или к сверстникам. Если же эдипов конфликт не разрешается, то покорение внесемейной области жизни становится трудным. Стечение обстоятельств в конфликтах первичных объектоотношений связывает душевную энергию и внимание ребенка и (или) заставляет его переживать новые отношения к взрослым и к детям путем перенесения на новые конфликты искажений адекватных реальности, что создает ему дальнейшие проблемы. (Немалая часть ранних школьных трудностей имеет свою глубокую основу в перенесении недостаточно преодоленных эдиповых конфликтов на учителей, одноклассников или на систему.)

На период эдипова комплекса приходится также зарождение основных структурных и динамических отличительных черт, которые оставляют отпечаток на душевном состоянии

человека на протяжении всей жизни. Наконец, наступает момент, когда ребенок переживает свои психические конфликты действительно как внутренние конфликты между различными возбуждениями и направляет оборону, которая должна служить предотвращению страха, против "частей" самого себя, как до сих пор он направлял ее против объекта. Перемещение событий конфликта из "вне" во "внутри" с возникновением "Сверх-Я" достигает своего высшего пункта как результат эдиповой идентификации (ср. экскурс с. 197), благодаря чему укрепляется половая идентификация ребенка. Далее, направленная против влечений, представлений и аффектов "Себя" оборона образует новое психическое "помещение" — "динамическое подсознание". Поскольку изгнанное (в подсознание) психическое содержание остается полностью изолированным от дальнейшего познавательного и эмоционального развития и в своем инфантильном состоянии динамически оформляет душевную жизнь и в зрелом возрасте, конкретное протекание эдиповых конфликтов имеет необыкновенное значение для будущего психики ребенка. Как переживает ребенок себя и свои объекты? От каких влечений зависят его объектоотношения? Насколько угрожающе переживает он свои внутренние конфликты и с какими конкретными фантазиями и устрашающими представлениями они связаны? Какие возбуждения, представления и грани объектоотношений должен он отразить и какие механизмы обороны использует ребенок для того, чтобы взять власть над конфликтами? Итак далее. У каждого человека свой собственный, совершенно индивидуальный эдипов опыт. И он создает образцы, по которым в будущем будет строить свои триангулированные отношения (т.е. отношения более чем двух персон). Или, иначе говоря, напрашивается вопрос — в состоянии ли он будет и каким способом интегрировать "третий" объект в свои объектоотношения (двоих): отношения к братьям и сестрам в свои отношения к родителям; отношения к родителям в отношения к друзьям или в любовные отношения; дружественные и рабочие отношения в отношения с партнером; отношения к детям в супружеские отношения (ср. для примера трудности отцов с рождением ребенка в гл. 4); отношение к системе в личные отношения и т.д.

6.1. "Искажения" эдипова развития

В свете изложенной роли эдиповой фазы развития можно предположить, что как для переживаний развода, так и для долгосрочного психического развития ребенка огромная разница, приходится ли момент разрыва родителей на данную фазу или ребенок все же имел возможность завершить этот важный этап развития еще в полной семье. В начале обследования мы предполагали, что дети, родители которых разошлись, когда им было шесть—семь лет, если и должны непосредственно сильнее реагировать на утрату одного из родителей, прежде всего если речь идет об отце, однако по сравнению с маленькими детьми у них больше шансов выдержать развод без заметных долгосрочных нарушений в их развитии. Это предположение основывалось на следующем. Хотя утрата отца тем болезненнее переживается, чем дети старше, а, значит, отношение к отцу более интенсивно и значительно, но тем не менее фундаментальные (триангулированные) структуры объектоотношений уже настолько укреплены и "вжиты", что

(частичная) потеря "внешнего" объекта угрожает им незначительно и они могут быть легче компенсированы: то ли благодаря отношениям с отцом после развода или же с несколькими отцовскими эрзацобъектами (отчимом, дедушкой, друзьями, носящими отцовский характер и т.п.). Эта гипотеза, казалось, также хорошо подтверждена работой Бургнер (1985), которая на основе психоанализа детей, растущих вообще без отцов, а также взрослых, которые выросли без отцов, утверждает, что эти дети остаются в плену предэдипова образца объектоотношений, а потому, как и по другим причинам, переживают конфликты эдиповой фазы более болезненно и в борьбе с этими конфликтами должны мобилизовать усиленные механизмы обороны (что является началом долгосрочных невротических симптомов и искажения формирования характера). Несмотря на то что наши исследования подтверждали данные, изложенные в работе Бургнер, но тем не менее мы не смогли в этой форме сохранить нашу гипотезу, которая среди прочего приближалась бы к тому, чтобы считать целесообразным для родителей, желающих развестись, подождать с разводом до завершения эдиповой фазы. И это прежде всего по двум причинам.

Во-первых, как мы убедились, предположение о том, что дети до развода проходят "нормальное" эдипово развитие, в большинстве случаев — иллюзия. Наоборот, тень будущего развода часто простирается уже до первого года жизни ребенка. Как правило, это действительно и для поздней эдиповой фазы. Более или менее явные конфликты между родителями создают такую констелляцию, которая в некоторых отношениях приближается к образцу семей, живущих без отцов. Отсутствие любовной связи между родителями приводит к тому, что вместо тройственной системы отношений соседствуют две двойственные — между ребенком и отцом и между ребенком и матерью. (В семьях, живущих без отцов, часто существуют внесемейные отношения с ним или же отец продолжает существовать как фантастический "внутренний объект".) Если это и помогает ребенку избежать конфликта соперничества с однополым родителем, но тем не менее является обманной эдиповой идиллией. Даже если отцы относятся к дочерям, а матери к сыновьям в какой-то степени как к полноценным партнерам, много внимания и любви отдают детям, беседуют с ними на семейные темы, однако от маленьких девочек и мальчиков не скроешь, что дочка не является полноценной папиной женой, а сын — полноценным маминым мужем. Если в "нормальной" эдиповой констелляции кажется, что главной помехой для исполнения любовных вожелений является один из родителей, то теперь этой помехой является собственная эротическая неполноценность, из чего рождается страх разочаровать любовный объект и по этой причине потерять его. Если отец или мать, которые только что обращались с ребенком как с полноправным партнером, вдруг начинают его бранить или указывают ему его место, т.е. дают ему почувствовать, то он все же "только ребенок", то это обидно и унижительно и усиливает страх потери любви эдипова объекта. Но эти дети страдают также и из-за соперничества, конечно, с противоположными опасениями, если родители — что случается очень часто — борются друг с другом за любовь ребенка. Конечно, все родители ревнуют детей друг к другу. Но если речь идет о любимом партнере, то такую "неверность" можно легко пережить. Ревность остается подсознательной и (или) родитель идентифицирует себя с ребенком. Другое дело, если супруг, которому ребенок дарит свою любовь, более не любим или более того — ненавидим и

воспринимается угрожающим. Тогда кажущаяся потеря любви ребенка становится невыносимой и ревность (зачастую уже сознательная) возрастает. Это приводит детей вместо эдиповых конфликтов ревности к тяжелым конфликтам лояльности (на что уже указывал Ротманн). Если ребенок поддается чувству любви к одному из родителей, то он таким образом ставит в опасность отношения с другим. Как и дети из семей, живущих без отцов, эти дети также не учатся использованию тройственной системы отношений. Дети, чьи ранние объектоотношения были обременены конфликтами лояльности, взрослея, вынуждены постоянно жить с чувством необходимости выбора между двумя (или несколькими) персонами, отношениями, ангажементами. Они, буквально, обуреваемы страхом ранить отсутствующий "третий" объект или потерять его симпатию. Но в отличие от семей, живущих без отцов, в конфликтных семьях кажется все же возможным шанс разрешить конфликт путем идентификации себя с однополюм родителем. Во всяком случае — как и у детей без отцов, которых обследовала Бургнер, — только идентификации с однополюм родителем недостаточно для преодоления конфликтов "нормального" эдипова развития. Так или иначе, возникают невротические симптомы или формируются соответствующие черты характера. Нередко бывает и так. Несмотря на то что родители живут все еще вместе, но девочка идентифицирует себя с отцом, а мальчик — с матерью. Конфликт лояльности, возникший из-за агрессивных отношений родителей, противопоставляет себя мотиву подражания однополюму родителю. Быть как мать для девочки может означать ненависть к отцу, а для мальчика быть как отец — отказ от матери. Идентификация (хотя бы частичная) с разнополюм родителем представляет собой способ удержать эдипов объект любви так, что он будет носим "в себе" или возможности и дальше любить его "на себе" и ведет вместе с и без того обострившейся проблематикой самооценки (см. выше) к негативному влиянию на развитие половой идентификации этих детей.

Если ребенок все же идентифицирует себя с однополюм родителем, возникает опасность, что он в ходе этой идентификации вживется в ненависть к другому, в результате чего разрушатся или пострадают эдиповы любовные отношения, а вместе с ними способность к дальнейшей гетеросексуальной жизни. Для маленькой девочки это, конечно, достаточно опасно поддаться ненависти и совсем отвернуться от отца, но еще опаснее такое для отношения мальчика к матери: слишком сильны еще страхи перед потерей любви и объекта, которые питаются архаическими страхами перед разрывом, страхами перед наказанием и все еще возникающими либидинозными желаниями. К тому же эта ненависть чаще всего вытесняется и вытеснение предохраняется "делегацией агрессивности", т.е. тем, что мы назвали агрессивным триангулированием, или другими механизмами обороны. Не отраженной или недостаточно отраженной во всех этих случаях является сексуальная часть любовных отношений, что часто приводит к бездушному сплаву влечений и фантазий, который эти дети сохраняют в будущем и используют для садистских или мазохистских любовных отношений. Похожесть условий эдипова развития между "предразводными семьями" и "одинокими семьями" больше там, где один из родителей — чаще всего отец — исключает себя из семейной жизни. Я имею в виду не реальный разезд родителей перед разводом, а тех отцов, которые приходят, если вообще приходят, домой поздно вечером,

когда дети уже спят или находятся в другой комнате, которые в выходные дни также работают и проводят свое свободное время вне семьи, так что для реальных отношений отца и ребенка едва ли остается время и место. Такие конstellации уже похожи на развод. Даже если эти дети и не переживают (пока еще) боль внезапно оборванных отношений, у них есть еще "немного отца", хотя бы формально, и в их фантазиях он все еще является частью семьи, но на протяжении длительного времени воспринимают они отход отца от семьи как его незаинтересованность в их персоне и потерю любви. При определенных обстоятельствах это может причинить больше боли, чем внезапный развод, за которым следуют непрерывные и интенсивные послеразводные отношения, которые во всяком случае дают ребенку уверенность в том, что развод родителей в действительности не является его виной, и возможность и далее чувствовать себя любимым.

Независимо от долгосрочного влияния на развитие супружеские конфликты родителей в эдиповой фазе едва ли не оказывают воздействия на актуальное психическое здоровье* ребенка. Прежде всего дети, которые научились поддерживать свои объектоотношения путем "агрессивного триангулирования" в состоянии — хотя бы краткосрочно — сохранять свое психическое равновесие без необходимости прибегать к массивным мерам обороны. Чаще все же специфическое обострение психических конфликтов выражается развитием невротических симптомов, таких, как прежде всего недержание мочи, истерические приступы страха и фобии, характерные изменения в поведении, например, сильно выраженная общая готовность к реагированию, боязливость и робость, покорность, склонность к депрессивным настроениям, недостаточная способность к аффектам и

**К пониманию психического здоровья в психоаналитическом смысле см. экскурс на с. 197.*

фантазированию. Наконец, психические конфликты могут быть перенесены на внесемейные отношения, например, у ребенка пропадает интерес к таким отношениям (например, к школе). Во всяком случае эти внешние изменения если и понимаются некоторыми родителями как признаки душевных конфликтов, но вначале они никак не связывают их с супружескими конфликтами. Большинство же родителей объясняет это только "плохим поведением" и бросает детям упреки: "Не будь истеричной!", "Что за безобразие!", "Прекрати заниматься глупостями!" (при приступах страха); "Не будь трусом!" или "Думаешь, я позволю тебя терроризировать?" (при фобиях, т.е. при константном иррациональном страхе перед определенными животными, людьми, растениями, местами, в темноте перед сном и т.д.); "Веди себя прилично!", "Нельзя давать сдачи!", "Ганс ничего тебе не сделал", "Ты должен быть повнимательнее" и др. (при агрессивных изменениях характера)*, "Не делай такое лицо!", "Чего ты скучаешь?", "Не будь ленивым" (при депрессивных настроениях); "Не безобразничай", "Ты должен стараться", "Ты должен больше заниматься", "У тебя недостаточно развито чувство долга", "Напрягись!" (при школьных проблемах) и т.д. Соответственно этому такие родители пытаются проблемы в поведении детей решить воспитательными мерами, а именно: похвалой, уговорами, объяснениями, угрозами и наказанием,

что, конечно, безнадежно. Разговорные категории — "истеричный", "глупый", "валять дурака", "трусливый" и так далее служат для того, чтобы придать симптомам или поведению безобидный характер и увидеть в них "персональные признаки", "кризис развития" или "социальную незрелость" — особенно любимые профессиональными педагогами "диагностические" категории. При

*Агрессивное поведение не всегда является результатом невротических изменений характера.

этом невротические изменения личности порой явно приветствуются. Так, одна мать почитала свою депрессивную дочь как "серьезную и вдумчивую", которая "не проявляет интереса" к "глупым удовольствиям" своих товарищей. Отец другого явно невротичного, обедненного фантазиями мальчика был необыкновенно горд, что его шестилетний сын вместо того чтобы играть, часами погружается в чтение энциклопедии и специальных книг и занимается систематизацией картинок с животными и поездами. Стеснительность и пугливость шестилетней девочки приветствуются ее родителями как "женственная застенчивость" и воспринимается ее отцом как очаровательное кокетство. Некоторые родители радуются также агрессивным изменениям в характере своих детей. Почти во всех этих случаях речь идет об отцах по отношению к воспитанию мальчиков. Такие отцы гордятся "мужественностью" своих сыновей. Один отец выказывал нескрываемое удовольствие по поводу того, что его сын с помощью агрессии (приступами ярости, физическими и словесными атаками по минимальному поводу) "приводил баб к благоразумию", имея в виду мать и воспитательницу в детском саду. (Здесь мы имеем дело опять же с агрессивным триангулированием, которое посредством ярости и пренебрежения к женскому полу делегируется от отца к сыну, который со своей стороны таким поведением идентифицирует себя с отцом.)

Заметные изменения в поведении детей чаще всего только тогда обращают на себя внимание родителей, когда в результате их возникают трудности в школе или когда речь идет о таких явных симптомах, как, например, недержание мочи. В большинстве случаев нарушения в развитии ребенка в той или иной степени используются матерью и (или) отцом, в их ссорах, и душевные страдания детей вменяются ими в вину друг другу. При определенных обстоятельствах это имеет фатальные последствия для направления таких страданий. Фрау С., например, нежелание ее семилетнего сына Антона учиться приписывала в вину своему мужу, который, по ее словам, совсем не заботился о семье и даже, когда жил в семье, вел себя грубо и агрессивно как по отношению к матери, так и по отношению к ребенку. Поведение Антона, который полностью стоит на стороне матери и не желает общаться с отцом, помогло ей принять решение об окончательном разрыве с мужем. Для Антона, который в высокой степени идентифицировал себя с матерью, было очень важно построить "новые", освобожденные от конфликтов супружества отношения с отцом. Такие отношения могли бы облегчить все еще амбивалентные отношения его с матерью и вернуть ему часть его мужской идентификации. Мать же, которая не видела

глубинных причин антоновых проблем и своего в них "участия", напротив, была убеждена в том, что "отец вредит ребенку" и добивалась как раз обратного: она пыталась всеми средствами помешать контакту отца с сыном.

Вернемся к нашей первоначальной гипотезе о том, что дети, чьи родители разводятся после (предусмотренного) завершения эдиповой фазы, менее подвержены будущим нарушениям душевного развития, чем те, для которых развод родителей состоялся до шестилетнего возраста. В предыдущих главах я излагал мысль о том, что развод родителей, даже если детям в тот момент было шесть—семь лет, отбросил тем не менее свою тень вплоть до их первого года жизни. Это характерно и для относительно поздней фазы эдипова развития. Редко развод, образно говоря, подобен грому среди ясного неба, т.е. не имеет своей кризисной предыстории. И супружеский кризис очень редко остается скрытым от детей, т.е. не оказывает влияния на переживания ребенка и на его душевное развитие. Агрессивные разногласия между родителями, их ревнивая борьба за ребенка, его любовь и вытекающая из этого подмена эдипова конфликта у детей конфликтом лояльности, частичная "эдипова иллюзия" с ее сексуальными и нарцисстическими конфликтами, осложненные условия преодоления эдипова комплекса из-за разнополюсной идентификации — и это только некоторые из важнейших факторов — отнимают у многих детей (гипотетичный) шанс вооружения против травмы развода, тем самым обостряются или искажаются характерные эдиповы конфликты и детям предоставляется минимальная возможность преодолеть конфликты без больших потерь. К тому же многие из этих детей вступают в период эдипова развития уже обремененные проблемами первого года жизни. Неразрешенные предэдиповы конфликты подготавливают путь для чрезвычайного развития страхов вовремя эдиповой фазы.

Обобщая эти результаты обследований, мы приходим к важному теоретическому и практическому убеждению, что большинство детей к моменту развода уже прошло часть пути невротического развития и (или) проявляет нарушения в объектоотношении и в развитии "Я" — и это независимо от того, заметны ли эти нарушения окружающим и прежде всего их родителям, или дети производят впечатление незамутненного душевного здоровья. Это убеждение как бы продолжение нашего понимания — явно видимых — "симптомов развода", но оно также по-новому освещает принципиальный (педагогический) вопрос: "Развод. Да или нет?" Кажется, что значительная часть драматических реакций детей на разрыв родителей — и вместе с тем добрая часть средних и продолжительных нарушений — основывается в психологическом аспекте на их развитии до развода. Или скажем по-другому: не образовалась ли эта диспозиция средних и продолжительных нарушений развития, о которых мы знаем из обследований разводов, уже до развода? Или еще по-другому: не лучше ли для некоторых детей, чтобы такая конфликтная семья распалась уже раньше? Последнее предположение связано с одним важным условием, а именно — эти родители в дальнейшем после развода должны обеспечить ребенку необходимые условия для развития. Это касается как недель и месяцев в процессе развода и непосредственно после него (о чем говорилось в первой части настоящей книги), так и дальнейшего будущего**.

6.2. "Отмененное" эдипово развитие

Как, однако, обстоит дело с детьми, которые действительно имели счастье в первые пять — шесть лет жизни насладиться "нормальным" развитием, не обремененным супружескими конфликтами родителей?

Одним из таких детей, для которых разрыв отца и матери в известной степени произошел совершенно неожиданно, был Себастьян, чьи родители были в общем счастливы в браке. Когда Себастьяну исполнилось семь лет, отец его вдруг во время семинара по повышению квалификации безумно влюбился в одну привлекательную разведенную деловую женщину, которая работала в той же отрасли, что и он, и принимала участие в том же семинаре. С нею, по его признанию, пережил он в течение недели свою "новую весну". Эта женщина казалась ему осуществлением его жизненной мечты.

**Наше исследование, посвященное решающему воздействию супружеских конфликтов на психическое развитие детей, может иметь важное значение в области (психоаналитической) психологии развития. Осветим вопрос, почему как ранний, так и эдипов опыт объектоотношений по-разному раскрывается от ребенка к ребенку, несмотря на то что ни жизненные обстоятельства, ни характеры родителей не проявляются особым (патологическим) образом. Для объяснения различных судеб развития конфликт "отец—мать" может потребовать особой территории, которую еще и сегодня занимают "конституциональные факторы". Исходя из этого, он образует своего рода внутренние зажимы между ранним опытом объектоотношения, в центре которого казалось бы мать стоит одна, и психическими конфликтами эдиповой констелляции: чрезвычайное развитие страхов в ходе эдиповых конфликтов кажется поэтому не только (внутрипсихическим) следствием нарушений ранних объектоотношений, но и следствием также далекоидущей контаминации ("внешними") обстоятельствами, которые осложняют ранний процесс индивидуализации.*

Все было здесь — страстное сексуальное притяжение с обеих сторон, одинаковые профессиональные и духовные интересы и (обоюдное) признание профессиональных успехов. Какой контраст представляли эти отношения с супружеской (повседневностью и прежде всего со ставшими с годами несколько вялыми сексуальными отношениями с холодноватой женой! Было и еще нечто, что новая подруга обещала осуществить: с молодости он мечтал о том, чтобы его спутница жизни делила с ним интересы профессиональной жизни. ;Жену его, в отличие от новой подруги, не интересовало, чем занимается ее муж, порой она проявляла прямое пренебрежение к его профессиональным интересам и бросала ему упреки, что он слишком мало времени проводит в семье. Только теперь ему стало ясно, что незаинтересованность своей жены и ее критику он всегда воспринимал как недооценку его персоны и его мужественности. И вот она была здесь, женщина, сама добившаяся успеха, ценившая его и восхищавшаяся им, как никакая другая до сих пор, которая дала ему почувствовать себя желанным мужчиной. Но это не изменило в общем его привязанности к семье, особенно к сыну, да и к жене, которую он, по его признанию, "если и по-другому, но все же любил". Сексуальная и нарцисстическая привлекательность новых отношений была, однако, слишком велика, чтобы остаться просто приключением. Через несколько недель

жене стала известна новая связь и она сразу же подала на развод. Все попытки примирения со стороны мужа, его обещания прекратить связь не имели успеха — слишком велика была обида, которую он ей нанес.

Себастьян к этому времени был хорошо развитым, уверенным в себе, здоровым мальчиком, который восхищался своим отцом, тот был для него примером для подражания и другом, любил его, и нежно чтит свою мать. Можно сказать, что субъективные условия для преодоления боли развода были довольно удачными. Но в этом случае родители, и прежде всего мать по причине собственного ранения, были совершенно не в состоянии создать объективные условия для такого преодоления, оказать "первую помощь", которая имеет необыкновенно важное значение (ср. гл. 2). Для матери Себастьяна столь спонтанный разрыв с мужем явился единственным путем сохранения самоуважения. Но она, конечно, продолжала его любить или продолжала любить то, что когда-то было между ними. И она чувствовала, что должна защитить себя от этой любви и от страхов, которые вызывало неизвестное будущее. Большая опасность в том, чтобы уступить своим желаниям, исходила от соблазнительных попыток мужа к примирению. Поэтому она прервала отношения, избегала всякого контакта и пыталась таким образом завоевать дистанцию. Если бы все было только так, то для Себастьяна это было бы еще не столь плохо. Есть много разведенных родителей, которые предпочитают не встречаться с бывшими супругами, но детям предоставляют право поддерживать отношения с отцом или с матерью и таким образом избегают опасности сделать свои собственные отношения с ребенком угрожающими*. На это мать Себастьяна была, по крайней мере, в то время неспособна. Для того чтобы не поддаться штурмам мужа, уговорам друзей, своему собственному желанию любви и чувству вины по отношению к ребенку, отнимая у того отца, она должна была постоянно внутренне оживлять картину его предательства и своего унижения и в известной степени, конечно, подсознательно, ее культивировать. Чем ужаснее была картина, которую она рисовала, тем увереннее чувствовала она себя перед своей "слабостью": такому (только злему) человеку нельзя больше доверять и уж, конечно, ни в коем случае невозможно его любить. И к тому же, чтобы отнять у

**Акцент лежит на свободе, которую мать или отец в состоянии предоставить ребенку в его отношениях с другим родителем, поскольку они сами не испытывают страха к этим отношениям (ср. к этому гл. 9).*

ребенка такого отца, нет необходимости испытывать укоры совести. Это "разделение", которое не оставляет когда-то любимому человеку "ни одного хорошего волоска на голове", таит в себе большую опасность для продолжения отношения ребенка с этим ненавидимым и достойным ненависти отцом. От такого исключительно злого человека исходит опасность, перед лицом которой надо всегда быть начеку. Как же может мать, столь далеко зашедшая в своей психической обороне, доверить своего ребенка "этому человеку"? Такой страх образует задний фон многих конфликтов права посещения, при которых (с точки зрения отца) "злая мать" отравляет контакт между ребенком и отцом. Эта "злость" часто является непосредственным

выражением материнства: мать защищает своего ребенка от чудовища, в которое она превратила отца, чтобы самой преодолеть разрыв с ним и освободить себя от собственного чувства вины.

В случае Себастьяна это означало, что мать не только в своих интересах, но и в интересах ребенка мешала его контакту с отцом. И таким образом создалась новая угроза ее лабильному равновесию: тоска Себастьяна по отцу и гнев против матери, которые чередовались с чувством печали по доводу потери отца. Эти нормальные и здоровые реакции мальчика были все же непереносимы для матери. Они активировали чувство вины, повторяли обиду, которую она пережила от отца и заставляли ее опасаться потери еще и ребенка или его любви. Никто не нужен был в тот момент этой женщине более чем ребенок, выказывающий ей преданную любовь. Она боролась за лояльность Себастьяна тем, что пыталась защищать себя, объясняя истинное положение дел, что называется "открывала мальчику глаза на отца", как она выразилась, сама не понимая того, что разрушает центральную часть идентификации Себастьяна: ту часть его самочувствия и его видения себя, которая сформировалась на протяжении лет в ходе идентификации с любимым и обожаемым объектом. Себастьян попал в неразрешимый конфликт лояльности между чувствами к отцу и к матери. Если он боролся за отношения с отцом и побеждал мать, то чувствовал себя хорошо и оставался "живым". Но это была "жизненность" за счет матери и он подсознательно задавал себе вопросы, а переживет ли ее любовь эту борьбу? Ранимость матери, которая становилась зримой в себастьяновых приступах гнева и растерянности, зародила в нем невыразимый страх перед властью собственной страсти. Но также и попытки предохранения отношений с матерью кончались провалом. Не стоит говорить о том, что успехи Себастьяна в школе резко снизились и мать, наряду с регрессивными потребностями ребенка в контроле и его зависимостью, воспринимала это как агрессивный акт, направленный лично против нее и отвечала на него беспомощностью и гневом. Агрессивность была, однако, только одной стороной объектоконфликта Себастьяна с матерью. К этому добавилось соблазнительное приглашение матери быть счастливым с нею одной, так как она была теперь готова всю свою любовь дарить только ему. Активирование старых эдиповых стремлений, которые были уже успешно преодолены путем идентификации с отцом, придали разводу впоследствии (дополнительное) значение устранения отца, с чем связаны все страхи и нарцисстические проблемы, которые приносит с собой "эдипова идиллия" (ср. с. 173).

Я думаю, этого повествования о послеразводной фазе Себастьяна и его матери достаточно, чтобы понять: Себастьян попал в эдипов кризис, который характеризуется не только как простая регрессия в собственный уже преодоленный эдипов отрезок времени развития, но который также демонстрирует отличительные качества, свойственные для эдипова развития детей в семьях без отцов или в конфликтных семьях. Срыв себастьяновой ("здоровой" постэдиповой) обороны (ср. гл. 2.5) привел не просто к оживлению прошлого, но также к конфликтно-обостренным и искаженным "новым наслоениям" в центральной части душевного развития. "Посттравматическая оборона" (ср. гл. 3), при помощи которой Себастьян в итоге преодолел страхи послеразводного кризиса, состояла в далеко идущей идентификации с матерью, в ходе которой он вместе с нею отказался от отца. За этим отказом, однако, прослеживается пассивно-боязливая, гомосексуально-

окрашенная тоска по мужскому любовному объекту. Самое позднее здесь в обратности преодоления эдипова комплекса становится особенно ясным патогенный характер таких "новых наслоений". Судьба Себастьяна весьма репрезентативна для многих детей, находящихся в латентном периоде, родители которых "внезапно" разошлись, и болезненно опровергает нашу изначальную гипотезу о том, что дети старше шести лет имеют больше шансов на преодоление послеразводного кризиса. Поскольку очевидно, что переживания развода, включая послеразводный кризис при условии неблагоприятных внешних отношений — с позиции ребенка внутренние отношения родителей относятся к внешним отношениям, — могут уничтожить успешно совершенные шаги развития. Итак, мы видим, что развод затрагивает такой важный для будущей жизни отрезок развития как эдипов комплекс с двух сторон: во-первых, напряжение в семейной жизни, исходящее от развода, в период эдипова и предэдипова развития заметно осложняет ("нормальные") психические конфликты детей и, во-вторых, переживания развода угрожают стереть уже сделанные шаги развития. Эти опасения реальны при условии, что, с одной стороны, объектоотношения ребенка будут втянуты в конфликтные отношения родителей и, с другой — если разведенные родители не в состоянии будут оказать ребенку необходимую помощь в преодолении его переживаний развода. Оба обстоятельства, к сожалению, встречаются в большинстве случаев.

6.3. Существует ли "оптимальный возраст для развода"?

Создается впечатление, что для развития ребенка абсолютно безразлично, развелись ли его родители, когда тому было четыре года или семь лет, был ли брак родителей гармоничным или сопровождался конфликтами, потому что эдиповы конфликты, ретроспективно или перспективно, в любом случае в следующих за разводом процессах деструктуризации переживают патогенное обострение. Но это, конечно, не так, во всяком случае не в такой упрощенной форме. Во-первых, искажения эдипова развития — будь то в семьях с одним родителем, в конфликтных семьях или как деструктуризация в ходе послеразводного кризиса — обусловлены определенными психическими и внешними условиями и, если не вызывают, то оставляют открытыми множество вариаций между "патогенным" и "нормальным". Во-вторых, деструктивные регрессии затрагивают не только постэдипово состояние развития. Трех-четырехлетний ребенок при неблагоприятных обстоятельствах тоже может потерять свои достижения (например, константу объекта, триангулирование в объекторепрезентации, автономное самообладание над функциями тела). Но чем раньше происходят нарушения, тем больше опасность, что будущее развитие подвергнется болезненным изменениям*. В-третьих, в ходе процессов деструктурирования не все достижения предыдущего развития оказываются потерянными. Хотя система обороны и подвергается срыву, на поверхность вновь всплывают уже было удачно отраженные сексуальные желания и фантазии и вызывают к жизни старые страхи, и ребенок (а также и родители) попадает обратно в уже преодоленный образец объектоотношений. Но большая часть так называемых функций "Я" — среди них познавательные способности (думать, говорить) и прежде всего способность к (подсознательному) отражению конфликтов при помощи дифференцированных механизмов обороны — остается в распоряжении ребенка, так что регрессивно активированные

конфликты никогда не представляют собой просто нового наслоения первичных конфликтов. К этому прибавляется еще и (идеальное) представление ребенка о себе, т.е. представление о том, каков он есть или каким хочет быть, а в этом семилетний ребенок очень сильно отличается от четырехлетнего. Мы уже раньше отметили (Александр, с. 105), что зрелый самоконцепт** ребенка противопоставляет себя регрессиям, инициированным срывом обороны в том, что он давит на (возможно, прежнюю) невротическую оборону против травматически активированных конфликтов (страхов), для чего на основе сравнительно более развитых частей "Я" используется большее количество психических механизмов. Такая "посттравматическая оборона" делает ребенка хотя и более "невротичным", чем он был перед травматическим срывом (разводом, послеразводным кризисом), но, безусловно, меньше влияет на жизненные области по сравнению с четырехлетним с теми же конфликтами влечений и объектоотношений.

Таким образом, часть нашей исходной гипотезы все же позволяет себя "спасти": удачное эдипово развитие, включая успешные индивидуализацию и триангулирование в первые три года жизни, несомненно, является важным условием, чтобы ребенок смог вновь обрести свое психическое равновесие на том уровне, который лежит не слишком глубоко

**Это имелось в виду не только количественно, в смысле повышенной невротической диспозиции: по Малеру, Кембергу и др., массивное обременение ранним опытом объектоотношений влияет на психическое развитие и является причиной развития "борделин".*

***Под "самоконцептом" здесь имеется в виду то, что на языке психоанализа называется "Я-идеалом". Кажется, что "Я-идеал" проявляет себя устойчивее по отношению к процессам деструктуризации в послеразводном кризисе, чем репрессивные части "Сверх-Я".*

под уже достигнутым состоянием развития или, иначе говоря, чтобы он вдруг потерял не слишком много из своих достижений. Особенно это видно на тех детях, которые за короткое время с уровня шести-семилетних попадают в мир ощущений и переживаний совсем маленьких детей. Но мы уже убедились в том, что такое "падение" следует понимать лишь как частичную регрессию, а скорее оно представляет собой внешнее проявление искаженных, незавершенных или несостоявшихся процессов развития. Но также ясно, что возраст сам по себе еще не позволяет сделать каких бы то ни было специфических прогнозов, что переменная "завершенное эдипово развитие" является лишь одной из переменных, которые определяют тяжесть, протекание и специфические последствия развода и послеразводной травмы: способность родителей правильно реагировать на непосредственные и опосредованные душевные реакции ребенка на развод; длительность и интенсивность супружеских конфликтов перед разводом, и в какой мере объектоотношения и (нормальные) душевные конфликты ребенка были втянуты в разногласия родителей; душевную "ступень развития", которая зависит не столько от возраста, сколько от условий развития ребенка перед разводом; способы, которыми ребенок преодолевал прежние душевные конфликты и состояние его психического равновесия; способность родителей общаться друг с другом также после развода, при этом большую роль играет обстоятельство — в состоянии

ли каждый из них признавать другого партнера как отца или как мать (это не столько моральная, сколько психическая способность, которая была не по силам матери Себастьяна); и в заключение все то, что в дальнейшем следует за разводом, а именно, будущая судьба отношений родителей и отношений каждого из них с ребенком и др. (о чем подробнее пойдет речь в третьей части книги). Все эти факторы образуют комплекс психологических условий, которые влияют друг на друга, могут друг друга усиливать или, наоборот, устранять. Чего стоили душевная зрелость и здоровье Себастьяна перед растерянностью его матери, которая сделала ее неспособной найти в своих собственных отношениях с ребенком место для любви Себастьяна к отцу и для страданий ребенка? Чем помогла опять же Манфреду (с. 58) готовность родителей придти ему на помощь, если он сам по причине специфической констелляции объектоотношений, уводящих к его первому году жизни, был не в состоянии представить себе жизнь в разлуке? Когда бы мы ни прибегали к отдельному фактору, пытаясь определить его вес и значение для будущего развития, мы должны начать с ограничивающего: "При условии, что..."

Это наводит на мысль о том, что вряд ли возможно в общем ответить на вопросы, связанные с проблемами родителей по поводу развода. Пример тому, вопрос, который постоянно встречался на протяжении второй части этой книги: существует ли оптимальный возраст для развода? Или поставим его по-иному: когда негативные последствия для развития детей являются наименьшими — когда ребенок находится еще в младенческом возрасте или в возрасте трех лет? А может быть надо подождать, пока он пойдет в школу? Или до переходного возраста? Несколько дней назад ко мне в кабинет пришла очень молодая женщина, чьей дочери три с половиной года. Она рассказала мне, как разочарована в своем браке. Недавно она познакомилась с мужчиной, в которого влюбилась, и это, как она выразилась, "опять вернуло ей радость жизни". Она решила расстаться со своим мужем, но боялась, что разлука с отцом повредит Ирме (так зовут ребенка), так как мать знает, как сильно дочка привязана к отцу. От меня она хотела узнать, следует ли ей уже сейчас готовиться к разводу или надо подождать до школьного возраста. Если же это требуется для нормального развития ребенка, то она готова была принести в жертву свои отношения с любимым человеком. Если не считать того, что это вообще не входит в задачи консультанта принимать жизненно важные решения для своих клиентов, мог ли я вообще — хотя бы себе самому — ответить на этот вопрос?

Но ответ должен был бы звучать: нет, или нет в свете предоставленной в течение этого часа в мое распоряжение информации. Потому что, как уже говорилось, это зависит от того... Это зависит, например, от того, как будут выглядеть отношения матери, отца и Ирмы, если родители еще несколько лет будут оставаться вместе? Смогут ли они показать ребенку позитивные отношения между матерью и отцом? Сможет ли мать простить своей дочери то, что ради нее она отказалась от счастливого союза? В таких случаях следует ожидать, что родители будут постепенно отдаляться друг от друга и отношения станут агрессивно-напряженными, что мать подсознательно возложит на дочь вину за свой отказ от счастья и, кажется, что было бы лучше ей тут же расстаться с мужем. Но все это было бы верно, если бы были соблюдены определенные условия. Следовало бы спросить, в каком психическом состоянии находится в настоящий момент

Ирма, завершила ли она свой процесс индивидуализации в первые три года жизни? Пришла ли она к удовлетворительному триангулированию первичных объектоотношений? В ином случае образование объектоконстанты будет подвержено опасности. Но даже если Ирма уже совершила эти шаги развития, надо было бы спросить, в состоянии ли родители дать продолжение ее отношениям с любимым отцом и поддержать ее в ожидаемых реакциях на развод и в послеразводной травме? Потому что, как мы уже видели, даже совершенные достижения не защищены от (регрессивной) деструктуризации. И, наконец, это зависит от того, сможет ли мать после развода вместе со своим новым партнером создать надлежащие условия для прогрессивного эдипова развития маленькой девочки. Это зависит также от того, как будут развиваться отношения между новым супругом матери и Ирмой, сможет ли отец сохранить любовь к своей дочери, несмотря на то что у нее возникли нежные отношения с мужчиной, который отнял у него жену, и смогут ли мать и ее новый муж акцептировать тот факт, что отец — по причине любви дочери к нему, — несмотря на развод и "новое начало", — и дальше останется частью (новой) семьи.

Между тем на поставленный выше вопрос все же можно четко ответить: нет, оптимального "возраста для развода" не существует, как не существует и более или менее подходящего для этого возраста. Что существует, так это более или менее удачные конstellации, которые следует понимать в качестве комплекса общего необходимого состояния развития и психического состояния ребенка, присутствия экономических и (прежде всего подсознательных) душевных факторов у родителей и у других важных персон, специфических образцов отношений и т.п.

Случай Ирмы ставит в центр внимания еще одно обстоятельство: необыкновенное значение профессиональной помощи родителям в соответствующих кризисных ситуациях, где они в свете комплекса всего того, что требуется ребенку, сами просто не в силах справиться с обстоятельствами.

7. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ: ПОПЫТКА ДИНАМИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РЕАКЦИЙ НА РАЗВОД

В этой главе попытаемся сделать общий обзор всего множества и комплексности процессов переживаний детьми развода.

Реакции детей на развод можно классифицировать различными способами. Выстроить различные внешние проявления (ср. перечисления нас. 16 и далее); разбить эти проявления по группам, исходя из различных критериев (по тяжести, по манифестности проявлений в семье или среди окружающих, по аффектам, поведению или физическим симптомам и т.д.); во введении можно было бы взять за основу психиатрические классификации; исходить из длительности очевидных реакций (среди которых различаются спонтанные реакции и реакции в той или иной степени замедленные). Эти и другие характеристики все же (с точки зрения психодинамических процессов, скрывающихся за манифестными реакциями) лишены не только теоретической

основы, но и практической ценности. Начинает ли ребенок мочиться в постель или испытывает гнев на отца, производит ли его поведение впечатление истерии или деп-рессивности, проявляет ли он страх перед необходимостью оставаться одному уже через три недели после развода или через шесть месяцев — все это само по себе не говорит ни о значении, ни о динамической структуре наблюдаемых реакций. Недержание мочи, например, может выражать спонтанную регрессию, которая должна помочь ребенку вернуть душевное равновесие. (Итак, это то, что мы называем реакциями переживаний, см. ниже.) Но недержание мочи может также отражать невротический симптом, который возник в ходе посттравматической обороны или глубокого падения в предэдиповы конфликты объектоотношений, что свидетельствует о массивном процессе деструктуризации. Это действительно и для "истерического", "депрессивного" или другого, подобным образом этикетуемого поведения. Яростное нежелание общаться с отцом может также быть выражением пережитой обиды ребенка или перенесением агрессивности с матери на отца; оно может отражать мучительное эдипово чувство вины, что является результатом идентификации с матерью или же только симуляцией с целью исполнения (реальных или фантазируемых) желаний матери. В конце концов нам известно, что если "симптом" исчезает, это еще не значит, что ребенок преодолел свой кризис, что он не только не вытеснил свои фобические страхи, свои агрессии (или что там еще), а не заменил их другими образованиями обороны.

Эти вопросы ни в коем случае не являются вопросами только теоретического значения. Лишь в случае, если я понимаю значение определенного поведения или позиции, особенного аффекта, чувства и так далее, если мне ясен сознательный и подсознательный смысл и функции наблюдаемого феномена, только тогда я могу определить, какая помощь нужна ребенку. Именно поэтому я придаю такое большое значение динамической классификации. Конечно, как всякая классификация, это только обобщение. Но знание типичных психических "конструкционных образцов" реакций на развод и связанных с ними переживаний может оказать большую помощь, когда речь идет о том, чтобы понять каждого отдельного ребенка с его особенными проблемами. Исходя из сказанного выше, данный обзор должен служить нашему пониманию различных "душевных исходных условий", с которыми ребенок вступает в послеразводное будущее (это тема третьей части настоящей книги).

7.1. Реакции переживаний и защитные мероприятия

В. Шпиль называет реакциями переживаний "психические реакции, которые вступают в момент, когда личность в ее развитии конфронтирует с раздражающими обстоятельствами. Это в свою очередь происходит, когда к психическим структурам предъявляются чрезмерные требования, т.е. когда личность не обладает достаточными силами, чтобы преодолеть влияние обстоятельств или эти обстоятельства отмечены экстремально отступающими от нормы условиями" (1967, 3). Реакции переживаний могут манифестироваться различными проявлениями в поведении, искажением восприятия, состоянием страха, нарушением сна, соматическими

симптомами и другими явлениями. При всей внешней схожести с невротическими симптомами они отличаются друг от друга тем, что, во-первых, послужившее причиной и внушившее страх событие было пережито сознательно и остается в сознании и, во-вторых, пострадавший индивидуум нуждается во времени и поддержке внешними обстоятельствами, чтобы вновь вернуть себе душевное равновесие. Время и необходимые условия дают возможность сознательно переработать событие без необходимости прибегать к "раскрывающей", т.е. делающей сознательными отраженные психические конфликты, психотерапии (7.4).

Такое определение реакций переживаний в качестве предположительно преходящего патологического явления совершенно точно совпадает с той ирритацией, которую мы видели в качестве ("нормальных") душевных реакций на переживания развода (ср. гл. 1.2, 1.3, 2.1 и 2.2). Событие, которое вызывает у детей чувства гнева, вины и страха, воспринимается сознательно. Аффектации могут выражаться в многочисленных осложнениях поведения, соматических реакциях, но могут оставаться и незамеченными. Тем не менее какими бы сильными ни были душевные реакции, душевная "структура" в этот момент, если и перегружена, однако не изменена. И ребенок принципиально в состоянии самостоятельно восстановить свое равновесие, не прибегая к той или иной реакции на развод (ср. гл. 2.2), а лишь при помощи внешних обстоятельств, т.е. благодаря тому, что мы назвали "первой помощью".

Конечно, обозначение "Восприятие и переработка пугающего события" не исключает, что в реакции переживаний и в их переработке принимают участие*

Экскурс

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ИНФАНТИЛЬНЫМ НЕВРОЗОМ И "ПСИХИЧЕСКИМ ЗДОРОВЬЕМ/БОЛЕЗНЬЮ" В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Выше я говорил об огромном значении эдипова отрезка развития для будущей жизни детей. На этот период приходится важнейший поворот в развитии половой идентичности, обращении с "тройственными отношениями", и вытеснения этого периода оформляют то подсознательное "помещение", из которого маленький ребенок со всеми своими конфликтами и страхами "соруководит" будущей жизнью растущего и в конце концов взрослого субъекта (ср. с. 170 и далее). Почему, однако, происходит это "выживание" раннего детства? Одно только вытеснение не может дать фундаментального психоаналитического познания. Но можно себе представить, что постепенное изменение детских объектоотношений, в которых дети приобретают все больше автономии по отношению к родителям, уменьшает также давление обороны: если я стал независимым от моих родителей, то ослабляется также иницируемая страхами оборона! Итак, почему взрослый "невротик" боится своих инфантильных влечений и фантазий так, как если бы он все еще был маленьким, зависящим от любви и благосклонности родителей ребенком?

Для того, чтобы это понять, следует осветить два душевных феномена, которые психоанализ характеризует как "Сверх-Я" и перенесение. "Сверх-Я" является своего рода психической инстанцией или же наследством эдипова комплекса: при помощи эдиповой идентификации (см. с. 168 или по поводу идентификации в целом с. 57 и далее) ребенок разрешает не только комплекс соперничества, но также в известной степени принимает в себя объект эдиповой идентификации, делает этот объект частью своей персоны. Это касается определенных свойств характера, сексуальной идентичности, но также и ряда тех (реальных или фантазируемых) нормативных манер — ожиданий, наказов и запретов, угроз, — ответственных за упомянутые выше конфликты. Иначе говоря, ребенок усвоил часть своих родителей (вернее, их родительской репрезентации). Поскольку процессы обороны являются подсознательными, то добрая часть "Сверх-Я" — а именно, его появление — является тоже подсознательной. Это значит, что индивидуум знает или чувствует, что он должен и чего нет, что он имеет представление о том, что хорошо и что плохо, о том, что разрешено и что запрещено, испытывает страх (чувство вины, "нечистую совесть"), когда нарушает моральные нормы, но он не знает, откуда все это берется, не знает, что он в себе (в своем "Сверх-Я") подсознательно оживляет родителей раннего детства.

С перенесением Фрейд впервые познакомился как с феноменом психоаналитической ситуации. Он убедился, что пациенты развивали по отношению к нему потребности, тоску, фантазии, чувства и опасения, которые происходили из их детских объектоотношений (как когда-то по отношению к родителям, братьям и сестрам). Пациенты подсознательно переносили эти возбуждения или образцы объектоотношений на актуальное отношение к психоаналитику или, иначе говоря, в перенесении пациент подсознательно делает аналитика отцом, матерью и т.д.*

**Позднее этот, регулярно возникающий феномен, стал центральным аффектором терапии: перенесение возвращает вытесненное детство пациента в настоящее, в кабинет врача.*

Вскоре Фрейду стало ясно, что перенесение хотя и является довольно сильным в психоаналитической ситуации, но здесь тем не менее речь идет о подсознательном процессе, который принимает участие почти во всех социальных отношениях. "Сверх-Я" и ход перенесения дают объяснение тому факту, что для взрослых различные жизненные ситуации и конstellляции отношений подсознательно становятся новыми "отложениями" переживаний и опыта раннего детства. Это могут быть также и чрезвычайно радостные "сцены" (Лоренцер), поскольку заметная часть нашего благополучия в настоящее время затрагивает новое переживание счастливого момента детства. Но перенесение в состоянии активировать и запретные побуждения, оценка и осуждение которых воспринимаются единственно посредством родительских объектов (а именно, посредством "Сверх-Я"), так что упомянутому индивидууму не остается ничего более, как отразить активированный конфликт, что становится в один ряд с развитием невротических действий и поведения.

Но здесь вновь возникает один вопрос. Разве мы не сказали, что перенесение является

повсеместно распространенным феноменом? Также все дети проходят через конфликтные эдиповы ситуации, разрешают их (минимум частично) путем сексуальных вытеснений и идентификаций и создают свое "Сверх-Я". Таким образом, каждый ребенок, даже при достаточно нерепрессивных и благоприятных обстоятельствах, в силу своих фантазий и проекций часто не в состоянии сознательно разрешить конфликты и вынужден их отражать. Да, известная мера обороны/побеждения влечений даже является условием для развития способности к работе и несексуальным социальным отношениям. Но если это и так, что механизмы обороны действуют патогенно, должны ли мы все стать от этого "невротиками"? Ответ должен звучать так: в известном смысле да! Модель конфликта (ср. экскурс с. 43 и далее) описывает, собственно, происхождение не только исключительно "классических" симптомов, а может быть, действительной вообще как общая модель психической динамики. Вся наша душевная жизнь развивается на напряженном поле различно направленных стремлений и сил, причем, большая или меньшая часть возникающих конфликтов разрешается путем (подсознательных) механизмов обороны. Но можно сказать и наоборот, что в каждом душевном побуждении, — будь то принуждающий импульс в "сотый" раз помыть руки, радость по поводу выдержанного экзамена или просто предложение, высказанное во время беседы, — также записаны подсознательные мотивы и, таким образом, все, что мы делаем или думаем, вплоть до выражения сознательных воли и мнения, является также симптомами: т.е. содержит функцию (искаженного) удовлетворения предосудительных стремлений. Граница между психической "болезнью" и "здоровьем", между "невротическим" и "не невротическим" строится таким образом не на принципиально различных динамических соотношениях, а рассматривается прежде всего количественно (количественно): совершенно очевидно, что это зависит от того, в какой мере подсознательные детерминанты наших действий, мышления и ощущений оставляют открытыми, являются препятствием или делают вообще невозможной удовлетворительную реализацию жизненных целей и сознательное достижение душевного благополучия.

Итак, вопрос "душевного благополучия" или "невротического страдания" зависит не только от психического развития, т.е. достигнутого психодинамического соотношения, но также и от актуальных жизненных условий.

Между тем некоторым людям удается так организовать свою жизнь, что они в состоянии удовлетворительно "совладать" даже с массивными (и актуально действующими) душевными конфликтами. Естественно, ценой ограничения подвижности своих жизненных условий, о чем данные персоны могут и не знать. Фрау Эдит Д., например, была удачливой ассистенткой в университете, которая свою ненасыщенную эдипову тоску по рано умершему и идеализируемому отцу перенесла на уважаемого профессора, у которого работала. Она была счастливо замужем и ее жизнь проходила вполне удовлетворительно. В 35 лет по настоянию мужа (в основном, но не только) она решила родить ребенка. С тех пор все изменилось. Как показало аналитическое лечение, уход из университета и прежде всего разлуку с профессором пережила она, — естественно, подсознательно — как новую инсценировку смерти отца. В результате ухудшились ее отношения не только с матерью, которой она в детстве приписывала вину за потерю отца, но

она также начала переносить на мужа аспекты своих конфликтных отношений с отчимом. Она не могла спать, постоянно упрекала мужа по любому поводу (подсознательно: он хотел занять место отца/профессора) и пренебрегала им. Ровно через год, после того как жена в третий раз покинула супружескую квартиру (как она еще ребенком не раз убегала из дому), муж, который не в состоянии был все это терпеть, развелся с нею. К тому же собственная дочь стала олицетворением ненавидимой (в детстве) младшей сестры (по матери), что женщина отражала чересчур заботливым отношением и постоянным страхом за ребенка.

Все люди переносят, итак, реинсценируют часть детства в своей настоящей жизни. Но перенесения Эдит Д. доминировали над ее настоящими отношениями. Рабочие отношения с профессором в той мере, в которой они позволяли себя для этого использовать, бесппроблемно могли еще выдержать идеализированное отцовское перенесение. Отношения с мужем и отчимом, напротив, исключали друг друга.

Если возникает желание оценки психического развития человека или его актуального статуса по психогигиеническим этапам его жизни, то недостаточно обращения только к "актуальному душевному благополучию". Во-первых, на что следует обратить внимание, так это на вероятность, с которой данный субъект переносит грозные и поэтому отраженные конфликты объектоотношений (из детства) на (важные) жизненные ситуации и, во-вторых, на вероятность того, что эти перенесения (итак, их подсознательная часть) будут настолько сильны, что тяжело нарушат реальные переживания и действия.

По психоаналитическому опыту, эта вероятность, однако тем больше, чем массивнее были, во-первых, страхи, развитые в ходе инфантильных конфликтов, во-вторых, она возрастает с количеством сфер жизни и переживаний, которые будут затронуты конфликтами следующих за ними мероприятий обороны. Оба варианта зависят от той помощи, которую могут оказать ребенку окружающие, и — совершенно особенно — от возраста (развития) ребенка. Это является также основанием того, что регрессии, образованные обороной, следующей за особенно устрашающим послеразводным кризисом, должны рассматриваться как психогигиенически невыгодные по сравнению с частично более "зрелыми" и образованными в более выгодных, т.е. благоприятных внешних условиях формациями обороны, которые сформировались к моменту развода. Это можно сформулировать так: мера и драматизм психических конфликтов детства, в которых первые шесть лет жизни играют особенную роль, определяют меру и диспозицию будущих невротических страданий*.

**Невротическое страдание, естественно, не означает понятия болезни. Люди, страдающие от невротических конфликтов, очень часто подводят свои симптомы под новообразовывающуюся, чаще всего нарциссически мотивированную оборону, чтобы не чувствовать себя больными или "виновными" в своем несчастье: симптоматические действия, чувства, желания, соматические страдания и т.п. рационализируются, т.е., на первый взгляд, имеют кажущееся благоразумное и "безобидное" обоснование; идеализируются и таким образом представляются ценными и целесообразными; просто отрицаются; проецируют вероятные причины на других персон и на другие отношения и т.д.*

также подсознательные процессы. Поскольку любой психический акт включается в душевную динамику конфликтов пострадавшего индивидуума, то реакция переживаний является результатом обороны по поводу отвергнутых желаний и фантазий, т.е. образованием компромисса, а не видом "автоматического рефлекса на свершившееся событие. При всей "нормальности" спонтанных реакций развода невозможно найти двоих детей, которые с одинаковой тоской, одинаковой яростью и т.д. реагировали бы на (реальную или предполагаемую) потерю одного из родителей. Это заключается в том, что один ребенок, например, размером своего гнева отражает свою большую тоску и связанную с этим нарцисстическую обиду и в своей агрессивности, пусть даже, с "негативным обозначением", но удерживает отношения, которые грозят потерей. А у другого ребенка особенно большое чувство вины может как раз скрыть гнев по отношению к одному или обоим родителям и т.д. Вместе с тем существует теоретическая близость между "реакциями переживаний" и той симптоматической ирритацией, которую Анна Фрейд описывает как преходящие нарушения развития (1962/1964, 1965). Здесь речь идет о новых или модифицированных образованиях компромисса, частично о результатах преходящих регрессий, которые выражаются путем актуализации конфликтов в ходе решительных изменений условий развития. В качестве таких типичных

*Совершенно очевидно, "что при этом событии приходят в действие все те механизмы, которые также наблюдаются при реакциях и нарушениях развития личности" (Spiel, 1967,4). изменений А. Фрейд называет отделение от матери, рождение нового ребенка в семье, болезни или операции, начало посещения детского сада или школы, переход от (эдиповой) семьи в общество сверстников, шаг от игры к работе. новые или усилившиеся генитальные стремления перед и во время пубертата, внесемейные любовные отношения и др. (1962, 1956 и др.).

В свете изложенного выше момент сознательно воспринятого события, испугавшего ребенка, ставится на первый план в концепте "реакции переживания". Эта сознательная презентация события является, среди прочего, главным фактором, ответственным за феномен, поэтому симптомы, появившиеся в рамках реакций переживаний (или преходящих нарушений развития), могут оказаться преходящими, не заменяются другими и не оставляют каких бы то ни было патологических следов (или диспозиций), хотя эти симптомы (или аффекты, сопровождающие реакции переживания) сами по себе также подсознательно детерминированы. Они в первую очередь не понимаются как подсознательные попытки преодоления (отражения) актуального, возникшего в результате ирритирующего события конфликта, в качестве (частично модифицированной) манифестации старого конфликта, активированного событием. Они являются составными частями все еще острого конфликта, но не его решением. Или точнее: конфликт, вернее история обороны индивидуума, предлагает не только большую часть тех значений, которыми определяется совершившееся событие, но и репертуар аффектных реакции и стратегий преодоления. Однако, когда вступают эти аффекты и стратегия преодоления — итак, "симптомы" реакций переживания — актуальная ситуация остается конфликтной и беспокойной. Если окружающим удастся благодаря помощи и поддержке смягчить актуальную ситуацию в ее угрожающей опасности, и это будет означать для пострадавшего, т.е. для ребенка, пережившего развод, что его попытки разрешить конфликт оказались удачными, то большая часть детерминированных прежними конфликтами реакций ("симптомов") потеряет свое актуальное значение и исчезнет.

Наконец, надо обратить внимание на то, что часть симптоматики реакций переживания и (или) преходящих нарушений развития зависит от того, что Зигмунд Фрейд описал как актуальный невроз, чье происхождение в первую очередь надо искать не в инфантильных конфликтах, а в прямом перенесении актуально сдерживаемых либидинозных, но и агрессивных порывов на неврозные и соматические сенсации (страхи, раздражение, нарушения сна, снижение концентрации и т.д.). Но актуально невротические симптомы могут исчезнуть так же быстро, как появились, если жизненная ситуация в известной степени предложит удовлетворение. Тем не менее можно проанализировать ряд "актуально невротических" заболеваний, которые

строятся при помощи новых моделей (структуромоделей, объектоотношений) на подсознательных конфликтах, описанных в ранней психоаналитической литературе. Во всяком случае основная возможность непосредственного перенесения неотведенного напряжения влечений в физические симптомы не является неоспоримо доказуемой.

Необходимые условия, призванные помочь детям, пострадавшим в результате развода, должны быть созданы прежде всего родителями. И это важно не в последнюю очередь потому, что именно на них (родителей) направлены аффекты, чувства и угрожающие фантазии детей, в основе которых лежит их поведение или восприятие детьми этого поведения, и очень важно, окажутся ли конкретные опасения детей (реально или видимо) обоснованными. Это зависит от того, смогут ли родители довести до создания ребенка, что при всех внешних изменениях жизненных обстоятельств "мир в своей основе" не перевернулся, а эту основу составляют: уверенность в том, что любимые объекты остаются достигаемыми, что ребенок и дальше может любить и быть любимым, чувствовать себя уверенным и защищенным, может дальше жить с чувством, что он все еще такой, каким был, и может рассчитывать на радость и удовлетворение даже в изменившихся обстоятельствах. К этому присоединяется помощь как со стороны родителей, так и других персон, которым ребенок доверяет (членов семьи, педагогов, психотерапевта), а именно, предоставление возможностей и "помещений", которые позволяют ребенку выражать его внутреннее напряжение, помогают ему высказывать то, что его мучает или создает возможность символически выражать это также в игре. Это та помощь, которая поддерживает ребенка, утешает, открывает перед ним новые перспективы и предоставляет в его распоряжение своего рода "переходное помещение" (ср. Винникотт, Шефер), где ребенок может сталкиваться как с опасностями, так и с собственными деструктивными импульсами, но без опасения, что действительно что-то произойдет или ему будет нанесен ущерб. Наконец, надо постараться в это время как можно меньше отказывать ребенку, особенно в отношении постоянно активируемых, регрессивных желаний, таких, как: физическая близость, желание не оставаться одному, возможность контролировать мать, ненасытность, желание пачкаться, "эгоистическое" преследование своих собственных потребностей и т.п. Конечно, обычно получается так, что удовлетворение всех этих желаний по причине недостатка времени, "помещения" или из финансовых соображений не всегда возможно. Но в этом случае необходимый отказ должен затрагивать удовлетворение, но не само желание. То, что я при этом имею в виду, лучше всего проиллюстрировать таким примером. Одна мать жаловалась, что ее девятилетний сын Лукас вскоре после развода перестал убирать свои вещи и ежедневно настойчиво требовал новых игрушек, комиксов, моделей и т.д. Такое поведение постоянно вызывало гнев матери: "Он прекрасно знает, что мне нелегко, что я должна много работать и что нам необходимо экономить. Но ему это, видимо, все равно. А вечером я должна сидеть у его кровати, пока он не заснет. Вечно только я должна проявлять внимание. А если я этого не делаю, он раздражается и начинает меня ругать!" Неисполнение желаний Лукаса подобным образом приводило к агрессивным сценам, в которых мать постоянно настаивала на своем "нет", упрекала его, на что мальчик отвечал руганью и слезами. Эта мать отказывает ребенку не просто в удовлетворении его постоянных запросов, она

не может ему простить, что он предъявляет к ней эти запросы. Может быть подсознательно она и замечает, что поведение Лукаса не только регрессивно, но вместе с тем и агрессивно, а он чувствует, что так может задеть мать и (или) требует — в виде материальных и социальных запросов — своего рода замены пережитой потери, а именно — отца. Если же мать была бы в состоянии понять душевную ситуацию сына, что называется, могла бы идентифицировать себя с его желаниями, она сумела бы по-иному реагировать и по-иному также сказать "нет"; она сожалела бы о невозможности удовлетворить его желания, она искала бы способ отвлечь ребенка и утешить его и была бы рада 'любой возможности исполнить желания ребенка, вместо того чтобы упрекать его при каждом удобном случае в эгоизме и отказывать ему в удовлетворении даже там, где нет в этом необходимости.

Если врач-консультант поможет матери проявить способ-юность в восприятии агрессивных чувств ребенка как прехо-Эдящих регрессий, она сумеет так обращаться с Лукасом, что он снова обретет душевное равновесие. Иначе отношения "мать—ребенок" придут к такому агрессивному обогащению отношений (в аспекте "послеразводного кризиса"), что его психическая система окажется перегруженной. Затем возможно обострение душевных конфликтов, на которое уже нельзя будет не обратить внимания и тем более преодолеть его сознательными методами, а провоцируемые страхи начнут изгоняться различными механизмами обороны. Таким образом, при стечении неблагоприятных внешних обстоятельств реакции переживания могут стать исходным пунктом и ядром (в узком смысле) невротического развития.

7.2. Усиление "старых" симптомов

В дополненных теоретических замечаниях к реакциям переживаний (см. с. 195 и далее) я указывал на то, что элементы реакций переживаний, т.е. видимые симптомы, состояния аффекта, изменения поведения сами по себе являются подсознательными образованиями компромисса, которые дедуцируются из ранних, уже преодоленных, но по причине развода вновь активированных конфликтов. Они исчезают, если актуальная ситуация теряет свою угрожаемость. Но может оказаться и по-другому, когда есть единственная возможность эти "старые", накопленные до развода конфликты живущих внутри страхов отразить только при помощи образования невротических симптомов и формирования определенных черт характера. Мы часто наблюдали, что эти дети на известие о том, что родители разводятся, реагируют "просто" усилением (уже имеющейся) симптоматики*; агрессивные дети становятся еще агрессивнее, подверженные фобиям выказывают еще больше страха и усиливают или развивают свои стратегии избегания, недержание мочи проявляется еще чаще и т.д. Интересно, что родители этих детей часто рассказывают, что развод на их дочь или сына, кажется, не произвел большого впечатления. Но мы уже говорили подробно, что отсутствие признаков проявления разочарования, тоски, гнева, чувства вины и страха еще не говорит о том, что ребенок, действительно, не испытывает всех этих чувств (ср. гл. 1.2). При обследовании одной из групп детей, казалось бы не реагирующих на развод, создалось впечатление, что здесь имеет место

скрывание реакций переживаний — исходит ли это от родителей или от самих детей, — т.е. на место обычных реакций переживаний выступает усиление обычной старой симптоматики. И это происходит особенно в тех случаях, когда между разводом и внедрившимися перед разводом конфликтами — прежде всего эдиповой фазы развития — наблюдается большая схожесть в отношении переживаний. Развод в данном случае является не столь новым самостоятельным пугающим событием, сколь в известной степени повторением уже пережитой и продолжающейся в подсознательном ситуации опасности. И дети реагируют тем, что усиливают свои привычные и "проверенные" механизмы борьбы со страхом.

Если это получается, то симптоматика усиливается или развеивается. Страхи, дополнительно вызванные разводом, будут пойманы или связаны, чем ребенку — во всяком случае на определенное время — удастся удержать свое (пусть даже невротическое) равновесие и избежать таким образом реактивно переживательных изменений своих чувств.

Здесь имеется в виду та группа детей, которая выдерживает развод, действительно, без большой душевной ирритации. У окружающих, которые, можно сказать, уже привыкли к симптоматике детей, и она, возможно, не производила на них особенного впечатления (ср. с. 178 и далее), создается мнение, что развод не повлиял на ребенка каким-нибудь особенным образом. Описанное повышение симптоматики, о котором говорилось ранее, указывает на усиление отражения страха. Чем массивнее оборона, тем меньше вероятность, что ранний травматический опыт может "коммуницировать" с позднейшими переживаниями, т.е. положительный опыт зрелого "Я" ребенка может смягчить кошмар прежних переживаний (минимум частично). Итак, развод в определенной степени приводит к "фиксации" ранне-инфантильных конфликтов или к их невротическому разрешению. С психологически-педагогической или с психогигиенической точки зрения речь здесь идет в группе "усиление старых симптомов" о классе феноменов развода, которые оцениваются как далеко невыгодные, но вместе с тем как очень живучие реакции переживаний. Для того, чтобы повлиять на долгосрочное воздействие развода у этих детей, недостаточно при помощи консультации или без оной создать для ребенка благоприятные условия. Фиксация старых невротических конфликтов может быть разрушена** только

**Я не дифференцирую в дальнейшем замененные симптомы и невротические образования характера. К чаще всего встречающимся инфантильным невротическим образованиям ср., напр., с. 176 и далее.*

***Это действительно, как минимум, для детей старше семи лет. У маленьких детей между тем тоже можно достигнуть психотерапевтических эффектов (В психоаналитическом смысле), но путем психоаналитической работы с родителями.*

при помощи психоаналитической терапии. Несмотря на то что в основном в тех случаях, когда психотерапия необходима, рекомендуется начать лечение как можно скорее, для этой же группы детей было бы правильным, наоборот, подождать от двух месяцев до года из соображений, о которых мы еще будем говорить (ср. с. 221).

Как уже упоминалось, здесь речь идет об общих направлениях для всех "классов" реакций на развод. Невозможно провести четкую границу между "реакциями переживаний" и "усилением симптоматики". На практике это выглядит так: не все реакции переживаний, создающие или сопровождающие симптомы, порождаемые среди прочего частично "старыми" конфликтами, могут быть уничтожены выгодным, освобождающим от страха стечением обстоятельств, напротив, определенный "остаток" фиксированных старых конфликтов остается. Вместе с тем ожидается, что вызванные разводом чувства и аффекты тех детей, которые реагируют "усилением симптоматики", окажутся втянутыми в усилившуюся невротическую оборону не полностью, а так, что можно будет наблюдать "остатки" реакций переживаний. Наконец, напомним, что граница между невротическим и неневротическим разрешением конфликтов также нечеткая, поэтому нелегко сразу решить, идет ли речь в реакциях ребенка на развод о "новом" симптоме или об "усилении" старого, имеем ли мы дело с преходящим отражением (реактивно переживательно) активированных "преодоленных" прошлых конфликтов и с простым обострением продолжения все еще невротического отражения старых конфликтов. Различение имеет, однако, не только теоретическое, но и практическое значение: ответ на вопрос, где именно на координате "реакции переживаний — усиление симптоматики" лежат реакции переживаний определенного ребенка — ближе к реакциям переживаний или ближе к усилению симптоматики, — ведет к совершенно различным решениям относительно мер, к которым следует прибегнуть, чтобы помочь ребенку преодолеть переживание развода и предотвратить развитие больших долгосрочных нарушающих развитие последствий.

7.3. Спонтанная травматизация

На примере Манфреда и Катарины (гл. 1.4) мы подробно рассмотрели симптоматику спонтанной травматизации. На первый взгляд, эти дети не очень отличаются от детей с особенно острыми реакциями переживаний. И все же мы здесь имеем дело с другим психическим событием. Страхи, которыми дети обычно реагируют на развод, это всегда страхи перед чем-то, а именно, перед совершенно конкретной опасностью: это страх, что они никогда больше не увидят папу, что они могут ранить или потерять маму, страх перед расплатой и так далее. Речь идет, таким образом, о страхах, которые сигнализируют опасность, на которую ребенок может ориентироваться и которую ребенок может еще предотвратить, и если сознательных стратегий оказывается недостаточно, он реагирует вытеснением влечений, образованием реакций или внедрением механизмов обороны. И напротив, когда развод воспринимается ребенком как опасность, которая уже произошла, и эта опасность соединяется с его представлением о полной потере и собственной незащитности, в этом случае речь идет уже о травматическом срыве. В таких условиях приобретенная (невротическая или неневротическая) система обороны может прийти к основательному срыву. Можно сказать, реакции переживаний и подсознательные процессы обороны заняли место пред-травматических и травматических срывов после катастрофы. Травматические срывы также выражаются в страхе. Но это панический страх, страх

перед своего рода затоплением возбуждением, которому "Я" ничего больше не может противопоставить, экзистенциальный страх перед концом, которому ребенок, в своей беспомощности, не может больше противостоять. По нашему опыту, вероятность столь драматического переживания развода родителей особенно велика, когда ребенок верит, что он может потерять или уже потерял свой первичный любовный объект. У маленьких детей это чаще всего мать. Но, как мы уже знаем, в силу компенсационного процесса триангулирования (ср. гл. 5.5) эта функция принадлежит также и отцу или системе "мать + отец", что вселяет в ребенка надежду на возможность жить увереннее и чувствовать себя защищенным.

Спонтанно травмированные дети разводов временно живут в ирреальном, чудовищном мире. При этом сопровождающие симптомы не являются, как при реакциях переживаний, (частично модифицированными) образованиями компромиссов старых конфликтов. Аффекты, чувства и поведение больше соответствуют психотическим картинам состояния, т.е. являются реакциями на "внутренний мир", который в ходе срыва "Я" (и его' способности обороны) потерял контакт с "реальным" миром". И все же помощь, которая так необходима детям, чтобы выйти из своего кошмарного мира, существенно отличается от той помощи, в которой нуждается каждый "нормально" реагирующий ребенок после развода: пострадавшему ребенку реальность должна быть в известной степени "доказана", ему должны быть предъявлены доказательства в том, что он ошибся, что мир все еще стоит на месте, хорошая мать и хороший отец продолжают существовать, плохая мать и плохой отец их не поглотили, что собственное тело невредимо, что радость и удовольствие все еще возможны. Это, может быть, и удастся при благоприятных обстоятельствах, прежде всего, если родители в состоянии освободить ребенка от появившихся архаичных "разделенных" представлений и даже после развода, предоставить в его распоряжение (пусть уже измененную) триангулированную систему отношений*.

Часто встречающуюся форму непосредственных реакций на развод образует промежуточная позиция между реакциями переживаний и травматизацией. В известной степени эти дети колеблются между чувством предстоящей опасности и чувством, что катастрофа уже произошла. В отношении этой "межгруппы" создается впечатление, что бросающийся в глаза характер поведения хотя и не следует из активированных конфликтов, как: большинство реактивно

**Исходя из того, что психическая диспозиция не полностью уничтожается ранней травматизацией.*

переживательных симптомов, но и не является результатом травматического срыва. Скорее, кажется, что это поведение как раз служит отражению такого срыва, поскольку такие дети прибегают к мерам, имеющим первичной функцией доказывать самим себе, что мир все еще стоит на месте. Впечатляющий пример тому — "убегание" восьмилетней Ирис, которое так поразительно напоминает игру маленьких детей в прятки, но смысл которой не в том, чтобы хорошо спрятаться, а в том, чтобы тебя (как можно скорее) вновь нашли. Это убегание-игра в прятки, которая приводила семью в смятение, девочка повторяла каждый раз в новых вариантах.

Однажды она не пришла домой после школы, в другой раз она собрала свои вещи и сказала, что переезжает к отцу, который живет за двести километров от города, потом как-то после обеда она закрылась в своей комнате и не подавала никаких признаков присутствия. Конечно, такое поведение имеет сильные агрессивные компоненты. Но удовлетворение, с которым Ирис после всех волнений и тревог, прежде всего со стороны матери, позволяла себя найти, говорит о том, что при этом симптоме речь идет о чем-то другом, а именно, каждый раз о новой инсценировке (и одновременно об отрицании) травматического представления о потере мастера. Если Ирис повезет всегда оказываться найденной, только потому что ее мать не потеряет терпения и дальше будет ее "искать", то девочка сможет со временем получить уверенность в том, что она "не потеряна", и тогда для нее ' станет возможным отказ от симптома. Но часто такие образцы поведения приобретают хронический характер, особенно если так называемая вторичная победа болезни, т.е. полный удовольствия симптом сам по себе, очень велика: удовольствие быть в центре забот и внимания окружающих или удовлетворение агрессивных импульсов, что случается особенно часто именно тогда, когда мать в критическое время после развода не в состоянии воспринимать гнев и упреки ребенка, как и его регрессивные потребности, без агрессии со своей стороны. Если подобный образец отношений станет привычным, несмотря на то что это при благоприятных обстоятельствах смягчит кризисное обострение послеразводных отношений матери и ребенка и позволит избежать последующего срыва обороны, но тем не менее без вмешательства профессиональной психотерапевтической помощи, он едва ли будет разрешим. Если же подобные нарушения отношений останутся неизлечимыми, то они составят основу будущего долгосрочного развития невротического характера. Есть люди, которые свою личную и общественную жизнь строят подобно "игре в прятки". И поскольку будущий супруг ставшего взрослым ребенка развода редко бывает в состоянии проявлять способности и терпение матери и рано или поздно, разочаруясь, прекратит "поиск", то подобные диспозиции характера в последующей жизни приведут к неудовлетворенности и (психическим) заболеваниям. Такая "межпозиция" между реактивно переживательным и травматическим страхом у многих спонтанно травмированных детей развода образует переходный пункт восстановления. Но хотя окружающим и удалось установить новый контакт детей с реальностью настолько, что они убедились в том, что жизненно необходимые отношения все еще сохраняются, что они сами все еще живут и остаются жизнеспособными, что они могут защищаться от опасностей и т.д., но чего не смогли сделать взрослые, так это внушить ребенку уверенность, что катастрофы все же не произойдет. Вспомним, например, о Манфреде, который первое время после развода бросался как "ненормальный" на всех окружающих, даже на своих соучеников. Это поведение, сформированное растерянностью и страхом, со временем стало исправляться. Но у Манфреда все еще осталось большое желание провоцировать агрессивные конфликты, в которых он мог бы доказывать свое превосходство. Как и "игра в прятки" Ирис, это поведение напоминало инсценировку, в данном случае инсценировку (пока еще) не состоявшейся кастрации.

7.4. Симптомы как следствие психического процесса деструктуризации; опасности и шансы

Вопрос, сумеют ли родители создать благоприятные внешние условия по отношению к реакциям переживаний или спонтанным срывам ребенка, которые сделали бы возможным его полное душевное восстановление, менее всего является проблемой желания или воспитательных способностей. Специфические "педагогические" трудности в ходе или после развода родителей находятся в одном ряду с тем обстоятельством, что развод (и следующие за ним проявления) — проблема не только для ребенка, но и для матери, и для отца. И это прежде всего собственная психическая беда родителей, их (сознательные и подсознательные) чувства, страхи и фантазии, которые создают трудности в том, чтобы делать для детей рационально правильное и важное. Это, а не моральная или педагогическая несостоятельность, и есть основа того, что только в редких случаях удается освободить ребенка от возникших опасностей так, что он снова способен обрести свое, потрясенное, равновесие, и его реакции переживаний могут исчезнуть. Наоборот, в большинстве случаев страхи детей в процессе так называемого послеразводного кризиса возрастают и приводят к тому психическому событию, которое мы характеризуем как "срыв обороны" (ср. гл. 2 и 3). При ближайшем рассмотрении оказалось, что мы имеем дело не с внезапным сломом психической структуры, как это кажется внешне, а с постепенным процессом деструктуризации, в начале которого стоят "нормальные" реакции переживаний и который кончается (травматической) потерей достигнутых механизмов разрешения конфликтов и обороны в том пункте, в котором прямым путем, без "обхода", минуя послеразводный кризис, оказываются также спонтанно травмированные дети. Большинство детей во всяком случае проделывает этот путь не до конца, а прерывает процесс деструктуризации невротическим ("посттравматическим") сдвигом обороны.

Первые шаги процесса деструктуризации отмечены усилением регрессивных потребностей, которые потом восходят к реакциям переживаний, но постепенно, если они недостаточно удовлетворяются, теряют свой преходящий характер. Тогда регрессия продвигается вперед и вновь проявляются потребности, уже преодоленные на ранних этапах развития отношений с объектом, к достигаемому объекту любви. С этой "регрессией потребностей" часто совмещается заметное возрастание агрессивного потенциала детей, что почти всегда в первую очередь воздействует на отношение к воспитывающему родителю. Такое возрастание питается из нескольких источников: иногда это "реактивно переживательный" гнев на мать, который не может быть пережит и переработан и "ждет только подходящего момента", чтобы себя выразить. Такие "первичные реакции развода" часто усиливаются перемещением агрессивности, относящейся к отцу, и проекцией своего собственного чувства вины на мать. К этому присоединяются агрессии, которые ребенок развивает, если мать на основе собственных социальных, душевных потрясений или отсутствия времени не в состоянии в достаточной мере удовлетворить его возрастающие после развода запросы и прежде всего регрессивные потребности в зависимости; желание, чтобы его понежили и т.д. В силу этого возрастают не только разочарование и гнев ребенка, но и формы его агрессивности приобретают все более регрессивный характер: толерантность фрустрации

становится все меньше, ребенок реагирует оскорбленно, тотчас проявляет сопротивление и в конце концов — приступами гнева. Другой источник возрастающего потенциала агрессивности питается, с одной стороны, за счет выпадения отца, — как освобождающей функции триангулирования, — он в качестве "обходного объекта" в случаях напряжения с матерью (ср. с. 95) теперь либо совсем недостижим, либо достижим в слишком малой доле, и, с другой стороны, — в случаях агрессивного триангулирования объектоотношений перед разводом (ср. гл. 5.4) — за счет того, что агрессивность, возникающая между матерью и ребенком, не может быть более связана персоной отца. Фрустрированные регрессивные потребности и постепенное возрастание агрессивности объектоотношения к матери ведут между тем к все более драматическому возрастанию — изначально реактивно переживательных — страхов, тем самым ускоряется регрессия уже начатого процесса падения достигнутых заслонов обороны и активируются угрожающие конфликты ранних этапов развития (включая относящиеся к ним агрессии). Можно сказать, что во время послеразводного кризиса дневник психического развития ребенка перелистывается в обратном направлении. Что же касается видимого поведения, то, вероятно, реградирующий восьмилетний ребенок ни в коем случае не напоминает своим родителям четырехлетнего, каким он был когда-то. Но только по той причине, что его словарный запас, моторику и поведение, при помощи которых ребенок выражает свои чувства и конфликты, он между тем развил или был в состоянии часть своих конфликтов, благодаря процессам триангулирования, удерживать латентно. Что же касается внутренней стороны этих чувств и конфликтов, то в послеразводном кризисе отражаются, — пусть даже перемещенные путем изменившихся обстоятельств, — проблемы развития ребенка до развода. Итак, с некоторым основанием можно утверждать, что в большинстве случаев при симптомах послеразводного кризиса речь идет не столько о симптомах развода, сколько о последствиях конфликтных отношений родителей, которые, как нам известно, играют огромную роль в обострении нормальных душевных конфликтов. (Конечно, дети с относительно бесконфликтным, более выгодным развитием до развода в ходе послеразводного кризиса в известной мере также подвержены деструктуризации своих душевных достижений, как мы это уже видели на примере эдипова развития. Но их регрессия минимум при "средне невыгодных" условиях* является менее глубокой и освобождающиеся страхи могут быть изгнаны путем невротических усилий обороны на менее драматичном уровне.)

Итак, с точки зрения психодинамики при симптомах деструктуризации послеразводного кризиса мы имеем дело не с невротическими симптомами (в психоаналитическом смысле), а с обратным явлением: растворением структуры обороны и прорывом вытесненных влечений и страхов. И именно в этом заключается, может быть, удивляющий шанс развития этого тяжелого периода. По той причине, что "деструктуризация" направлена не только на "здоровые", т.е. положительные стороны развития обороны прежних конфликтов, но и при определенных обстоятельствах также на невротические симптомы и образования характера. Например, через несколько недель после развода восьмилетний Роланд, который в течение четырех лет страдал недержанием мочи, перестал мочиться в постель. А девятилетняя Нина перестала стесняться и

своих, и чужих. Что в нормальных условиях может быть достигнуто только при помощи психотерапии, а именно, смягчение укрепленных

**В любом случае внешние обстоятельства послеразводного кризиса являются невыгодными, иначе и речи не было бы о деструктурирующих регрессиях*

структур обороны, создание возможности увидеть отраженные конфликты и вместе с тем доступность "более зрелого" и менее ограниченного решения развития, в этом случае осуществляет послеразводный кризис! Как и в психотерапии, здесь становится видимой симптоматика имеющихся устремлений, влечений. Роланд начал (опять) мастурбировать и агрессивно держаться по отношению к окружающим. Нина же развернула свой (изначальный) симптом в обратном направлении, стала властолюбивой и тщеславной, стремилась быть в центре внимания.

К сожалению, этот (теоретический) шанс остается в большинстве случаев неиспользованным. Во-первых, родители не распознают взаимосвязи между исчезновением старых симптомов и появлением новых и пугаются актуальных изменений в своих детях. Во-вторых, они не видят освобождающегося путем растворения невротической обороны страха и не способны адекватно на него реагировать, а потому прорвавшийся наружу конфликт вновь оказывается отраженным, но чаще всего на более высоком уровне страха, так что эти дети выходят из деструктурирующего послеразводного кризиса еще более невротичными. И если им не повезет, то их новая симптоматика будет еще и приветствоваться окружающими и в результате ничего не будет предпринято для помощи им. Когда мы познакомились с Роландом (через два года после развода), то перед нами был депрессивный мальчик, боявшийся аффектов. Очевидно, он "избавился" от ставшего невыносимым и усилившегося в ходе послеразводного кризиса конфликта посредством далеко идущего вытеснения всех имеющих свой смысл возбуждений, но он обратил все свои агрессивные импульсы против себя самого. Однако его мать пришла в консультацию совсем по другой причине: она не могла решить с отцом вопрос посещения сына. Роланда же она описала как спокойного, довольно серьезного ребенка, который хорошо перенес развод. Может быть, он несколько "флегматичен", но это у него, вероятно, от отца. Предстояла тяжелая работа — заставить мать увидеть, что ее ребенок сильно болен. Большая опасность в этом отношении заключалась в собственном представлении матери о себе, поскольку именно она активно добивалась развода с мужем*.

В отличие от матери Роланда мать Нины пришла к нам вовремя: конфликты, вызванные пугливым характером ребенка, стали очевидными, но дальнейший процесс регрессии зашел еще не очень далеко. Мы смогли помочь матери понять сознательные и подсознательные проблемы ее дочери. А ей удалось придать Нине мужество, бесстрашно выражать тоску, желания и опасения, а также разочарование, обиду и гнев, и при поддержке отца внушить девочке, что опасения, волнующие ее, не имеют реальной силы. Перед Ниной открылась возможность удовлетворить

свои эксгибиционистские наклонности в социальной и адекватной возрасту форме — она стала посещать ритмическую гимнастику. Кроме того, семья акцептировала ее потребности в признании и похвале, которые через несколько месяцев значительно уменьшились, и ей было позволено в некоторых жизненных вопросах проявлять больше свободы в решениях, благодаря чему девочка заметно редуцировала свое стремление к доминированию. Нинины симптомы деструктуризации постепенно исчезли, но не путем, как это чаще всего случается, невротического подсознательного

**В этом случае совершенно очевидно, как важно рефлексировать на родителей психодинамическое влияние позиции диагноза. Как и при пояснении (в рамках терапевтического процесса), надо обратить внимание на то, чтобы клинические результаты обследования не вели к сопротивлению, которое подвергает опасности дальнейшую (консультативную) работу. (Это одна из точек зрения, которая не принимается во внимание судебными экспертами, чьи заключения предъявляются родителям.)*

процесса обороны, а путем распутывания узла и истинного решения изначальных устрашающих психических констелляций конфликтов. Нина относится, таким образом, к (к сожалению, немногим) детям, которые не только преодолели развод, но и извлекли из него для себя пользу**. Удавшаяся помощь, которую оказали Нине ее мать и отец, во время послеразводного кризиса, едва ли была возможна без профессиональной психоаналитически-педагогической поддержки: речь идет о том, чтобы распознать также подсознательные потребности ребенка и найти соответствующие возможности их удовлетворения и развития. Вместе с тем — и это, пожалуй, важнейшее — родителям необходимо помочь вытерпеть и акцептировать потребности и импульсы ребенка, даже если они агрессивны.

7.5. Посттравматические невротические симптомы и развитие характера

Посттравматическое образование невротических симптомов и (или) свойств характера образует (преходящую) конечную точку переживаний развода у большинства детей, что позволяет обобщающе охарактеризовать его как процесс продвигающегося (психического) обострения конфликтов, проходящий "межстанцию" реакций переживаний и регрессий/деструктуризации. Таким образом, освобождающийся и аккумулирующийся страх заставляет ребенка встречать угрозы***, становящиеся все более жизненными по

***То обстоятельство, что старые невротические образования в ходе послеразводного кризиса могут раствориться, является основанием для моих рекомендаций (с. 210) о том, почему после развода необходимо немного подождать с психотерапевтической помощью.*

****Например, страх перед потерей любви — перед расплатой (к этому прибавляется страх перед кастрацией), перед (магическим) разрушением или потерей объекта — перед (симбиозным) воссоединением, перед вероятностью быть съеденным — перед смертью...*

причине регрессии, путем вытеснения части своих влечений и (или) сопровождающими этот процесс аффектами и фантазиями. Может быть, ребенок страдает от образовавшихся таким образом симптомов, но это страдание еще ничто по сравнению со страхами, отраженными при их помощи (что также является основой того, что невротические образования, направленные против сознательного стремления их изменить или от них избавиться, показывают столь большое сопротивление). Итак, посттравматическая оборона приносит с собой добрую часть успокоения. Хотя ребенок после развода и более невротичен, но он вновь достигает своего равновесия. К какому времени достигают дети разводов этого "посттравматического равновесия?" Это очень индивидуально и зависит, с одной стороны, от скорости процесса деструктуризации и, с другой — от того, на каком уровне деструктуризации следует посттравматическая оборона. Соответствующим этому является временной пункт, на котором дети находят свое новое равновесие, а именно, по времени ожидания, примерно между полугодом и полутора годами после психологического момента развода (ср. гл. 1.1). Чем менее резко растворение достигнутой структуры обороны и чем раньше ребенок вновь отразит освободившиеся страхи, тем предположительно минимальнее будет вредное воздействие переживаний развода. В какой степени это получится, зависит прежде всего от двух факторов: в состоянии ли родители, как минимум, держать в рамках драматизм послеразводного кризиса и, во-вторых, от психической истории развития ребенка, которая так тесно связана с супружеской историей конфликтов. Чем сильнее были эти конфликты и чем дольше они длились, тем больше нарушений и вреда должно было познать развитие ребенка и тем невыгоднее будущие шансы его развития — и это независимо от развода. Позитивная оценка послеразводного кризиса, укороченного путем скорейшего отражения, верна только в одном — конечно, обычном — случае, когда родители не прибегают к профессиональной помощи для преодоления своего и своих детей кризиса развода. Сделают это родители (или, как минимум, один из них) в нужное время, тогда речь пойдет, в отличие, о том, чтобы помешать преждевременному отражению возникших страхов для того, чтобы открыть для ребенка возможности разрешения создавшихся или активированных конфликтов (ср. Нина, с. 222 и далее). К сожалению, шанс этот используется слишком редко. Из-за незнания специфической психодинамики детских переживаний развода не используется он также и консультантами по разводу. Они путают, как и многие родители, относительное успокоение, которое следует за посттравматической обороной, с действительным успокоением, которое в свою очередь приходит после спонтанных реакций переживаний на основе поддерживающих и удовлетворяющих условий. Они советуют родителям просто подождать, пока шторм успокоится сам собой*.

Посттравматически образованные симптомы и черты характера остаются на долгое время шрамами переживаний развода**. И как это бывает на зарубцованных ранах, они не кровоточат и их нелегко заметить. Если не считать некоторых симптомов, таких, как недержание мочи или фобии, то невротические образования или не замечаются окружающими,

*Такие рекомендации хотя и не вредят, потому что они освобождают родителей от страхов и, вероятно,

совершают (выгодное) раннее отражение послеразводных страхов, но таким образом можно лишиться большого шанса не только ограничения урона, нанесенного разводом, но и, исходя из этого, использования ситуации для долгосрочной значительной корректировки уже состоявшихся нарушений развития.

***К этому добавляются те "усилившиеся (старые) симптомы" (ср. гл. 7.2), которые не могут быть растворены путем (возможно и вовсе не состоявшегося) послеразводного кризиса.*

или они не ставятся ими в зависимость от развода (как, например, разнообразные школьные проблемы), а порой даже приветствуются: депрессивные настроения, которые воспринимаются как серьезность, внутренние принуждения — как "любовь к порядку", "точность" и "дисциплина", или переходят в духовную область и импонируют как "раносозревшее систематическое мышление"; также чрезмерная социальная приспособляемость, которая проявляется как "дружественность" и "готовность в любой момент прийти на помощь", может являться своего рода невротическим проявлением, возникшим в результате массивного вытеснения своих собственных (оппозиционных) потребностей и агрессивных импульсов и т.д. Все эти симптомы или черты характера представляют собой опасность для психического развития*. Они могут повлиять на школьную и образовательную карьеру, могут обострить проблему отделения или интеграции в период пубертата и adolescence, могут мешать социальным отношениям и способности к любви, нанести вред представлению о себе и способности развития удовлетворительных любовных перспектив и многое другое (ср. также гл. 11).

Посттравматическая оборона усиливает невротические диспозиции детей. Она повышает вероятность позднейших психических заболеваний и жизненных кризисов или уменьшает шансы построения удовлетворяющей, счастливой жизни. Но, конечно, было бы неправильным думать, что жизнь этих детей в известной степени "уже (более или менее) расстроена". Несмотря на то что помещения для развития и сузились, но они существуют. И если дети еще малы, то далее в более широком масштабе. Поэтому нельзя пройти мимо книги о воздействии развода на психическое развитие детей в последующие годы, т.е. об организации жизни после развода.

**Это еще, конечно, не значит, что любая школьная трудность должна вызывать размышления в этом направлении, что любой интеллигентный и готовый к помощи ребенок подвергается опасностям развития. Речь идет о психодинамике, стоящей за видимыми манифестациями. Заставляют размышлять такие характеры поведения тогда, когда они служат отражению раннеинфантильных, массивных страхов, так как в этом случае они затрагивают не просто "особенности", а неподвижные условия чувства психической уверенности.*

Часть третья

К ПСИХИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕБЕНКА ПОСЛЕ РАЗВОДА

В заголовках трех основных частей настоящей книги — переживание развода, развитие

ребенка до и после развода — подчеркивается, что такое деление осуществляется по хронологии. Тем не менее анализ показал, что развод и пред-разводное состояние невозможно разделить. Для многих детей "развод" уже с рождения начинает "психический сценарий" переживаний развода в самом узком смысле слова и определяет его развитие уже задолго до окончательного развода родителей, включая нарушения, конфликты и истории их преодоления. Вместе с тем "развитие после развода" начинается непосредственно за разводом и охватывает период в год или полтора, который требует психических процессов, характерных для переживаний развода.

Описание этих, часто таких богатых конфликтами, месяцев после развода образует "пункт связи" между первыми двумя и третьей частью книги, и перед нами предстает не столько новый отрезок времени, сколько теоретически совсем иная перспектива. Если раньше речь шла о значении влияния развода в аспекте (частичной) потери одного из родителей или растворения семьи, то сейчас о значении влияния развода в аспекте совершившейся разлуки и реорганизации или совершенно новой организации семьи. Хорошим примером в смене перспективы служат послеразводные отношения ребенка с отцом, который теперь живет отдельно. До сих пор нас интересовали эти отношения с точки зрения разлуки, полной страданий потери объекта, и свершившегося события, после которого возможности ребенка в отношении триангулирования ограничиваются, а его отношения с матерью наполняются конфликтами (прежде всего агрессивными). Конечно, после развода не кончаются ни внешние, ни внутренние отношения с отцом. Даже когда ребенок долгое время его не видит, отец продолжает существовать для него (также и для матери) в качестве внутреннего объекта. Может быть, его психическая ценность и представление о нем в сознании ребенка и изменились, но в любом случае его образ продолжает существовать. Он своими действиями даже на расстоянии влияет на жизнь семьи, а также способствует формированию внешних условий, решающих — поможет ли ребенку время после развода в преодолении реактивно переживательных потрясений или оно превратится для него лишь в деструктурирующий кризис. Эти и подобные им вопросы хочу я затронуть в третьей части книги. В центре внимания — опять же значение и влияние, которые имеют эти события на ребенка и его душевное развитие. И я надеюсь, что дальнейшие значения дополнят уже приобретенное нами понимание переживаний развода ребенком. Прежде всего нам могут раскрыться дифференцированные перспективы, а именно, где и каким образом можно ограничить опасное развитие развода и (лучше) использовать имеющиеся шансы.

8. БЛАГОПРИЯТНЫЕ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ РАЗВОДА

8.1. Обзор литературы

Когда речь идет о специфических условиях развития ребенка после развода родителей, возникают два взаимосвязанных вопроса, являющихся центральными в интересующей всех проблеме развода. Первый вопрос можно сформулировать следующим образом: что означает для

ребенка и его развития тот факт, что он живет теперь в неполной семье, (обычно) только с одной взрослой персоной. И второй вопрос вращается вокруг значения и ценности отношений ребенка с не живущим теперь вместе родителем и вокруг различных форм, которые принимают эти отношения. Оба вопроса в последние годы составляют центральную тему в исследованиях, посвященных проблеме развода. Результаты подобных исследований ведут к единому и сегодня бесспорному представлению о том, как должны выглядеть конstellации отношений, если речь идет о сохранении всех возможных шансов для развития ребенка после развода. Это общее представление можно выразить одним предложением: шансы, ограничивающие или помогающие избежать негативного влияния развода на развитие личности ребенка, возрастают, если родителям удастся создать такие условия, при которых ребенок имеет возможность продолжать интенсивные отношения с обоими родителями, т.е. и с тем из них (чаще всего отцом), который теперь не живет вместе с ним. Некоторые важные результаты, подтверждающие этот тезис, будут вкратце представлены в дальнейшем.

Некоторые авторы утверждают, что большинство детей — и по прошествии нескольких лет после развода — продолжают испытывать постоянную тоску по отцу, который не живет больше дома, или неодолимое желание, чтобы

семья вновь воссоединилась. Складывается такое впечатление, что даже часть симптоматики детей перед разводом и после него преследует (подсознательно) цель отвлечь родителей от их обоюдных проблем, чтобы те объединились на почве общей заботы о ребенке. Можно предположить, что желание вновь жить одной семьей тем менее мучительно для детей, чем больше они ощущают, что не живущий вместе отец не потерян, и чем больше удовлетворения приносят интенсивные отношения с ним*.

Несмотря на то что число "неполных" семей с годами возрастает и, согласно статистике, это явление выглядит уже как вариант нормальных социальных обстоятельств, в общественном сознании они воспринимаются в качестве феномена "обочины" общества, как (невезучее) отклонение от нормы. Это характерно также и для школьной жизни. Постоянно произносимые учителями или воспитательницами

**Наоборот, заключение Баллоффа/Вальтера, казалось бы, говорит о том, что в результате интенсивности отношений с отцом (не живущим вместе) или кооперации обоих родителей после развода у ребенка усиливаются желания нового воссоединения, что авторы оценивают как обременительный фактор. Они указывают во всяком случае на то, что присутствие или отсутствие детских желаний нового воссоединения возбуждается только сведениями, полученными от родителей. В наших обследованиях (детей) удалось установить, что родители в большинстве случаев фактически не знают о существовании таких желаний (или знать не хотят?), из чего можно заключить, что сведения, получаемые от родителей, недостаточно основательны. Предполагается, что кооперирующие родители просто лучше информированы о подобных желаниях детей или меньше сопротивляются им. Из этого можно сделать вывод, что желания нового воссоединения часто остаются подсознательными. Что же касается обременения, то я думаю, что здесь не столько речь о том, лелеют ли дети желание нового воссоединения или нет, сколько о том, какую душевную ценность имеют эти желания или насколько мучительно был пережит развод родителей. Вполне возможно, что на протяжении всей детской*

жизни развод родителей — повод к большим переживаниям и не обязательно, что по этой причине происходят большие нарушения в развитии.

детских садов слова: "Отца нет..." раскрывают стигматизирующий характер подобных "предметных" описаний школьника. И в учебниках едва ли можно встретить примеры из жизни семей, живущих без отца или без матери. И так, не удивительно, что дети разводов испытывают чувство большего стыда перед посторонними (например, перед учителями), что у них нет "настоящей" семьи*. К чувству боли и обиды по поводу того, что ребенок брошен одним из родителей, у него еще прибавляется чувство, что с ним "что-то не в порядке". Каждый раз в моей терапевтической работе с детьми разводов я замечаю, какое нарцисстическое облегчение испытывает ребенок, если на вопросы, касающиеся развода, он может ответить: "Но я вижу папу очень часто и мы разговариваем с ним по телефону почти каждый день".

Одним из важнейших аргументов в пользу продолжения интенсивных отношений с отцом является то, что в отношениях ребенка с матерью появляется чувство легкости и в связи с этим развивается чувство собственной полноценности. Для многих детей развод означает (частично объективно, частично субъективно) заметную потерю власти. Невозможность найти укрытие у другого родителя делает его еще более зависимым от того из родителей, с кем он живет. К этому прибавляется ощущение неудачливости и чувство беспомощности в борьбе с конфликтами лояльности (см. ниже). Разочарования, печаль и ощущение безвластия развивают у детей после развода чувство собственной неполноценности. Напротив, дети, которые после развода поддерживают хорошие отношения с отцами, приобретают большое чувство собственного достоинства, в то

**В общем такое чувство стыда возникает не только из-за дискриминации, пришедшей "извне". Многие одинокие матери испытывают чувство, что они сами "не в порядке" и передают это чувство детям.*

время как дети, отцы которых о них не заботятся, чувствуют себя никому не нужными, обиженными и отстают от своих сверстников в развитии чувства собственного достоинства и социальной зрелости. Дети разводов, сохраняющие хорошие отношения с отцами, проявляют меньше симптомов и лучше приспосабливаются к новой жизненной ситуации*. К тому же, если речь зашла о "хороших" и "интенсивных" отношениях с отсутствующим родителем, следует обратить внимание на то, что здесь дело не только в количественности (внешних) контактов. Хорошие (внутренние) отношения возможны только тогда, когда ребенок чувствует себя внутренне свободным для таких отношений. А для этого необходимо, чтобы родители продолжали поддерживать также отношения друг с другом.

Если это не получается, а, наоборот, отец и мать пытаются втянуть детей в обоюдные разногласия, каждый, преследуя свои интересы, то дети попадают в тяжелый конфликт лояльности. Такие родители говорят о бывшем супруге только в пренебрежительных тонах,

ребенку предлагается ожидание лояльного союзничества, ему отказывается в общении с отсутствующим родителем, или это общение обесценивается, часто родители пытаются использовать детей в качестве сыщиков, расспрашивая их о бывшем супруге или, наоборот, запрещая рассказывать те или иные вещи. Для ребенка такое поведение создает почти неразрешимую дилемму. С одной стороны, он любит, как и прежде, обоих родителей, с другой — он вынужден опасаться, что не оправдав их ожиданий, может потерять любовь одного из родителей.

**Я, во всяком случае, опять указываю на ограниченное выражение видимых симптомов или приспособление поведения.*

Большой и дифференцированной работой по этой комплексной теме является единственное в своем роде долгосрочное исследование под руководством Юдифи Валлерштейн, охватывающее отрезок времени в пятнадцать лет. Она подчеркивает, что продолжение агрессивных разногласий между родителями порождает у детей не только мучительный конфликт лояльности, но и (чаще всего подсознательное) чувство, что они нежеланны и представляют собой, в известной степени, несчастный случай истории, являясь детьми не любви, а ненависти. Эти дети в силу процессов идентификации испытывают большие трудности по отношению к своей персоне, они не любят себя и не видят смысла в своей жизни*.

Большое значение для доброты отношений с тем из родителей, с которым ребенок живет, имеют функциональные отношения с отсутствующим родителем. О власти матери и отсутствии возможности побега к отцу во время конфликтов мы уже говорили. К тому же многие дети обвиняют мать в том, что она отняла у них отца. Матери, которые проявляют слабость и беспомощность, представляют собой проблематичный объект идентификации. Они вынуждают детей чувствовать отсутствие материнской защищенности и тем самым препятствуют проявлению агрессивных возбуждений, индуцируя чувство вины ("мама

**Чувству желанности ребенка придается большое значение и в книге "Jenseits des Kinderwohls" (Goldstein/A. Freud /Solnit, 1973), вышедшей в свет при сотрудничестве с Анной Фрейд. В книге отмечен большой интерес к семейно-правовым решениям. Так, авторы в вопросе семейно-правовых решений руководствуются в первую очередь двумя критериями: кто из родителей в состоянии, прежде всего психологически, воспринимать родительские функции в непрерывно продолжающихся отношениях (как минимум частично), и какое решение в первую очередь открывает ребенку возможность и в дальнейшем чувствовать себя желанным.*

и так бедная, поэтому я не имею права еще и..."). Отсутствие объекта порождает также его идеализацию. Многие "воскресные" и "отпускные" отцы кажутся детям всезащитающими принцами, в то время как мать репрезентует собой отказы повседневности и поэтому подвергается нападкам, противопоставляется отцу и (также) становится предметом ненависти.

Идеализированные отцы исходя из этого осложняют мальчикам их реалистическую самооценку, создание реалистического "Я-идеала", а девочкам — создание реалистического представления о мужчинах. Существуют также обратные феномены: в материнской семье мужчины подвергаются такой дискриминации и критике, что половая идентификация мальчика и интерес девочки к противоположному полу сильно страдают. Исходя из этого Валлерштейн указывает на большое значение примера, который представляет собой отец (не только для "мужской") ориентации в мире, но и для квалифицированного представления о профессиях, для построения длительных отношений и формирования жизненных целей.

Особой проблемой детей развода (или их родителей) Валлерштейн считает, наконец, процесс освобождения молодых людей во время пубертата и подросткового периода. Даже при обычных семейных отношениях это время является по причине конфликтности самым трудным испытанием в жизни. Если возникает особенно тесная и исключительная связь с одним из родителей (особенно с матерью), шаг этот — в процессе самоутверждения со сверстниками и (в сравнении) с посторонними взрослыми — особенно труден*. Эта трудность усугубляется тем, что многие подростки считают, что они не имеют права оставить мать одну,

*Проблемы пубертатного освобождения невольно напоминают о значении "третьего объекта" для процесса индивидуализации в первые годы жизни (ср. гл. 5).

т.е. совершить то, что уже совершил отец по отношению к матери. Только ценой больших усилий они освобождаются от этого чувства, развивая в себе массивное чувство вины или агрессивно его отражая, почти идентифицируя себя со (злым) отцом, умаляя мать для того, чтобы суметь ее покинуть. Другим это не удается и они остаются "приклеенными" к дому, но за счет повышенной амбивалентности, распространяющейся далеко за норму отношений "мать—ребенок".

Познания, полученные в ходе исследования, привели Валлерштейн к обобщенному заключению о поведении и действиях, к которым должны стремиться родители, чтобы развод принес ребенку как можно меньше вреда. Вот важнейшие из них:

☞ Родителя, несмотря на разрыв супружеских отношений, должны попытаться скооперироваться и дальше в качестве родителей. К этому относится прежде всего сохранение непрерывных отношений детей с обоими родителями.

Родители должны стремиться как можно быстрее отойти от своих личных страданий и интенсивных переживаний и в кратчайший срок вернуться к своей родительской ответственности. Это означает, что прежде всего они должны научиться отличать свои собственные потребности от потребностей детей. Родители должны быть в состоянии извиниться перед детьми за развод и вселить им уверенность, что с настоящего момента они будут все предпринимать для того, чтобы детям было хорошо.

☞ К тому же родители должны приложить все усилия, чтобы ребенок почувствовал, что его продолжающаяся любовь к обоим родителям остается в полном порядке. Родитель, не живущий теперь вместе, должен как можно скорее начать встречаться с ребенком, вопросы посещений должны обсуждаться с детьми и их желания учитываться.

☞ Наконец, родители должны предпринять все возможное, чтобы помочь детям пережить всю боль и тяжесть разлуки. Прежде всего дети должны быть вовремя и подробно проинформированы о предстоящих событиях, им должно быть позволено проявлять тревогу и эмоции. В основном приведенные здесь предложения Валлерштейн и других авторов совпадают с нашим мнением о важности "первой помощи" перед лицом спонтанных реакций детей на сообщение об окончательном разводе родителей.

8.2. Дополнительные замечания

Как видятся эти эмпирические заключения о развитии после развода в свете наших собственных исследований? Вначале надо заметить, что то большое значение, которое придается авторами продолжению отношений с обоими родителями, не должно было особенно удивить наших читательницу и читателя. Большинство заключений и теоретических размышлений о психодинамике острых переживаний развода, представленных мною, указывает именно на это направление. Да, в известном смысле анализ трудностей развития, с которыми детям приходится бороться в конфликтных семьях перед разводом, предупреждает о той, отмеченной длительной обоюдной ненавистью родителей и конфликтами лояльности детей конstellации отношений после развода, которую исследователи рассматривают как сомнительную для будущего положительного развития ребенка. Точно так же фаза переживания развода, которую мы описывали как послеразводный кризис, отмечена внезапной потерей отца и выпадением "третьего" объекта (триангулирования). Хотя мы уже говорили — в связи с нашим вниманием к "внутренним" процессам — в первую очередь об опасениях и фантазиях ребенка по поводу потери и разлуки. Но это, конечно, не безразлично, например, для ребенка, испытывающего страх перед потерей отца, перед вероятностью никогда больше его не увидеть, для чувства не быть больше им любимым или в будущем оказаться полностью зависимым от матери, будет ли он видеть отца несколько раз в неделю или на протяжении нескольких месяцев вообще с ним не увидится. Основываясь на наших предыдущих заключениях, можно с полным правом сказать, что продолжающаяся или как минимум в скором времени восстановленная кооперация между родителями, дающая ребенку возможность продолжить отношения с живущим отдельно родителем, помогает преодолевать переживания развода. И именно со следующих точек зрения.

Во-первых, таким образом меньше будут страхи детей перед потерей объекта, которые обычно направлены не только на того родителя, который не живет больше дома ("если мама больше не любит папу, кто знает, как долго еще она будет любить меня..."); обида, что его бросили, тоже будет проходить и вместе с ней уменьшится оставшийся "нарцисстический рубец", поскольку чувство, что он любим, быстро восстановится; в результате может смягчиться столь

частый страх 'перед расплатой, порождаемый чувством вины; наконец, появится надежда, что ребенок сумеет, как можно скорее, заменить печаль большой долей уверенности. Во-вторых, если родительская кооперация и продолжающиеся отношения с обоими родителями сами по себе недостаточны для восстановления баланса в реактивно переживательном неравновесии, то тем не менее увеличивается шанс менее драматического протекания послеразводного кризиса у детей и таким образом процессы деструктуризации удержатся в определенных рамках. Решающим в этом является уменьшение агрессивизации объектоотношения ребенка, что (при условии кооперирования) предположительно уменьшает психическое, социальное, экономическое и "педагогическое" давление, которое испытывает опекающий родитель. И, наконец, возможности ребенка, хотя бы частично, сохранить приобретенный модус триангулирования должны уменьшить меру (регрессивного) активирования старых страхов конфликтов, а также патогенных эффектов посттравматической обороны. Это структурное освобождение объектоотношения к воспитывающему родителю должно, в-третьих, позитивно повлиять на дальнейшее развитие ребенка, в процессе которого приобретенные в ходе переживаний развода невротические диспозиции не усилятся из-за последующих конфликтов объектоотношений. В-четвертых, можно предположить, что продолжающееся участие обоих родителей помешает фальшивому развитию половой идентификации. Это касается не только угрожающей фальшивой идентификации (с разнополым родителем) в ходе посттравматической обороны. Идентификации происходят также и в дальнейшем, и едва ли останется без последствий для мальчика тот факт, что он на протяжении долгих лет, ощущая отсутствие сильного мужского примера, как единственный "мужчина" в семье постоянно оказывается под давлением (сверх) властной матери/женщины или чувствует себя от нее зависимым. Точно так же не может остаться без последствий для женского самоутверждения девочки, если она вынуждена признать, что первое и важнейшее жизненное отношение к мужчине, к отцу, не состоялось и она покинута и забыта любимым мужчиной.

Итак, психоаналитическое исследование переживаний развода дает дополнительные теоретические объяснения эмпирической очевидности важности новой организации отношений ребенка с обоими родителями после развода. Для того чтобы доказать всем, кто имеет отношение к проблеме, ее значимость, едва ли нужны приведенные аргументы. В последние годы мне пришлось убедиться в том, что вряд ли найдутся консультанты, эксперты или судьи по семейному праву, которые рассматривали бы развод как заключительный этап в отношениях родителей и регулирование вопроса посещения как периферическую проблему (которая затрагивала бы скорее интересы отца, а не необходимое условие для развития ребенка)*. Так же считает большинство родителей. Из моего опыта следует, что большинство родителей в основном придерживается мнения, что для ребенка развода было бы неплохо и далее продолжать позитивные отношения с не живущим вместе родителем**.

Общественному мнению противостоит крайне противоположная практика разведенных семей. В Австрии 70% разведенных отцов, не связанных опекой, вообще не поддерживают отношений с детьми или поддерживают, но не регулярно (****, 1988). АБаллофф и Вальтер (1989) установили, что в 40% опрошенных разведенных семей в Берлине отношения с отцами

окончательно прерваны. Думаю, что для

**Удручающее исключение составляет, к сожалению, большинство адвокатов, которое в делах разводов преследует расчет: "выигрыш-проигрыш" и заботится только о своих клиентах. Мне не раз приходилось видеть, как адвокаты старались отговорить своих клиентов от желания скооперироваться и найти пути к примирению, а наоборот, внушали им мужество к борьбе. Иногда дело доходит до своего рода опеки адвокатом одного или обоих супругов. Это, может быть, и приятно, но тогда тяжесть конфликта будет делегировать к другому супругу и сам конфликт будет объективирован, что называется, поднят на тот уровень, где имеются, наконец, ясные суждения по поводу: "прав-неправ" или "верно-неверно", что в свою очередь освобождает от противоречий и чувства вины. Естественно, что супруги платят за это лишением их родительской ответственности или же платят дети тем, что в судебном споре они теряют своих (ответственных) родителей.*

***Этот опыт подтверждается недавно законченным эмпирическим исследованием по вопросу общего права на опеку*

таких разногласий между "теоретическими взглядами и повседневной практикой разведенных родителей имеются два различных объяснения. Первое: данный феномен можно рассматривать как следствие распространенного морального дефицита у разведенных родителей и соответственно этому встречать его поднятым вверх указательным пальцем. Те, кто так поступает, в большинстве случаев видят безответственность родителей уже в самом разводе, который принципиально направлен против "благополучия детей", — позиция по многим причинам неверная[^]. Часто морализирующая тенденция скрывается за предметными аргументами. Например, нормальные теоретические взгляды оборачиваются нормативными требованиями. Сознание того, как это было бы важно, чтобы родители смогли отделить свои супружеские конфликты от родительской ответственности, превращается в напоминание: "Не забывайте, что мужчина, который причинил вам столько страданий, все еще отец вашего ребенка и ребенок нуждается в нем!" Или предполагается, что едва родители поймут те трудности, которым подвергается ребенок из-за их разногласий, как они тут же смогут изменить свое поведение. Многие профессиональные консультанты, и не только из официальных инстанций, подвергаются искушению директивно решать проблемы послеразводного кризиса, поскольку они идентифицируют себя исключительно с детьми. Валлерштейн также рекомендует родителям определенное поведение в интересах детей (см. выше), но она одновременно напоминает о том, что должно произойти перед тем, как родители смогут стать хорошими разведенными родителями: они должны закончить свой брак также и психически и они должны иметь возможность для печали (о партнере, о потерянных надеждах и иллюзиях) ("работа развода"); они должны научиться владеть своими эмоциями (что без упомянутой "работы развода" едва ли возможно); и они должны найти вновь самих себя и обрести надежды на новую жизнь.

Этим напоминанием обрисовывается уже другое начало. В различных формах морализирующего обхождения в родительских консультациях общее то, что они в своей основе

обращаются к теоретической конструкции "родители", в которой личности последних редуцируются в простые понятия "мать" и "отец", как если бы речь шла о "педагогических существах", которые постоянно располагают внутренней свободой без противоречий применять в дело свои сознательные установки. Они забывают, что разведенные отцы и матери — тоже люди, со своими эмоциями, и их душевная жизнь не в последнюю очередь определяется также и подсознательными процессами. Это может привести к субъективному пониманию реальности, которое очень сильно отличается от понимания консультанта или мешает родителям сознательно внедрять в жизнь желаемое. Возьмем в качестве примера родителей, которые сознательно решили не перекладывать на плечи ребенка свои разногласия. Но втягивание ребенка в родительский конфликт совсем не обязательно должно принимать описанные выше формы, например, когда другой родитель открыто унижается, ребенок используется как шпион или хранитель тайн и т.д. Зачастую выглядит это так, что мать не в состоянии смириться с обстоятельством, что ребенок по-прежнему любит или даже предпочитает ей отца, причинившего ей, матери, так много горя, разочарований и обид. Ее подсознательное желание может быть легко направлено на то, чтобы ребенок разделил с нею отчуждение или она страдает от страха, что после супруга может потерять и ребенка. Эти желания и опасения при определенных обстоятельствах становятся подсознательными и действуют subtly: ребенку в день посещения отца предлагается соблазнительное развлечение, от которого он вынужден "к сожалению" отказаться; между тем, возможно, отец неожиданно удовлетворяет запросы ребенка, которые мать удовлетворить не хочет или не может; некоторые матери и отцы встречают желание ребенка о воссоединении заверением: "Я бы с удовольствием... но мама (папа) не любит меня больше!"; или отец отвечает на жалобы ребенка по поводу того, что тот хотел бы почаще его видеть: "Я тоже, но мама этого не хочет!" Сцены прощания и слезы говорят ребенку, что своим присутствием у одного родителя он причиняет тяжелое страдание другому; или мать постоянно отмалчивается, когда ребенок говорит об отце и так далее. Все эти действия, относящиеся к повседневной жизни разведенных родителей, создают у ребенка впечатление, что в его продолжающейся любви к отцу или к матери и вместе с тем к самому себе что-то не в порядке, а также заставляют его опасаться играть любовью другого родителя, усиливают чувство ответственности за все и это еще больше отягощает его отчаяние и развивает чувство ненависти. Или подумаем о матери (с. 186 и далее), которая верит в то, что она должна защитить ребенка от отца. Что может сделать эта женщина с нашим напоминанием о том, что нельзя отнимать отца у ребенка? И как должен отец проявлять свою ответственность, если он видит, что ребенок от него отворачивается и каждый раз, когда он за ним приходит, прячется от него?

Второе объяснение разрыва между практикой разведенных семей и (в общем всеми разделяемыми) теоретическими взглядами состоит в том, что проблему эту следует рассматривать не как моральную, а как психологическую. Вопрос, на котором мне хочется в дальнейшем сконцентрироваться, звучит так: почему это не действует? Какие наиболее часто возникающие проблемы ведут к тому, что отношения после развода не выглядят так, как этого хотелось бы большинству — родителям и детям, консультантам и судьям? И особенно: какие подсознательные

процессы играют в этом роль?

9. КОЕ-ЧТО О "ЗЛЫХ МАТЕРЯХ", "БЕЗОТВЕТСТВЕННЫХ ОТЦАХ" И "НАСТРОЕННЫХ ПРОТИВ ДЕТЯХ"

9.1. "После посещения отца ребенок выведен из равновесия!"

Констатация фактов подобного рода часто является основной причиной сопротивления матерей, которое в той или иной форме выражается по отношению к посещениям отцов. Мать Альберта рассказывает, что ее пятилетний сын в ночь перед посещением отца плохо спит, а вечером, после возвращения, его как подменили: он "взбудоражен", не хочет спать, не слушает, что говорит мать или агрессивно фыркает в ее сторону. Только через несколько дней входит он в обычную колею, снова приветлив и ласков. Даже воспитательница в детском саду всегда точно знает, когда Альберт бывает у отца, поскольку в последующие дни он ведет себя агрессивно по отношению к сверстникам и с ним просто нет сладу.

Подобные раздражения перед и особенно после посещений не живущего вместе родителя скорее правило, чем исключение. Это объясняется тем, что ребенок попадает в ситуацию совершенно новой констелляции отношений. Чем является объект для ребенка, зависит не только индивидуально от персоны, но также в большой степени от определенных (не в последнюю очередь также и триангулированных) образцов отношений. Например, такой образец: отец и мать вместе; присутствуют одновременно; ребенок общается то с одним, то с другим и т.д. Или неожиданно такой: видеть отца означает отказаться от матери, обрести (снова) мать — значит покинуть отца. К тому же у маленьких детей дополнительно возникает мучительная неуверенность: что может случиться с отцом во время моего отсутствия? Останется ли он еще и на следующей неделе после моего ухода — если маленький ребенок вообще в состоянии понять, что такое "следующая неделя"? Смена объекта каждый раз в дни посещений активирует также переживания развода и вместе с ними типичные Страхи и гневные аффекты. А также и чувство вины: многие дети переживают посещение или возвращение как предательство по отношению к покинутому родителю. Здесь возникают конфликты лояльности уже без какого-либо содействия родителей. Самый простой вариант разрешения конфликта и частых возбуждений заключается в проекции вины на одного из родителей. И чаще всего на того, в ком ребенок больше уверен, итак, на мать. Такие упреки, как: "Ты отняла у меня отца", "Ты держишь его вдали от меня" или "Ты допускаешь, чтобы мне было плохо и чтобы я боялся его совсем потерять, поскольку я не могу быть с ним вместе" — образуют мощный двигатель и (не выраженное словами) содержание агрессивного поведения детей после посещений.

Какой следует сделать из этого вывод? Отказаться от посещений? Даже некоторые эксперты и консультанты, а иногда и домашние врачи рекомендуют "спокойствие" для ребенка. Мол,

позднее можно будет опять возобновить посещения. Мне эти рекомендации напоминают традиционное поведение медицинских сестер в детских больницах, распространенное еще несколько лет назад: возможность посещения ребенка родителями ограничивалась чуть ли не одним днем в неделю и объяснялось это тем, что дети ведут себя спокойнее, дружелюбнее и быстрее приспосабливаются, если остаются одни с сестрами и, наоборот; становятся агрессивными и капризными после посещения родителей. Сейчас в больницах укоренилось мнение, что любая ирритация для ребенка полезнее, чем приспособленное поведение. Ирритация указывает на истинные отношения, является результатом печали или способом преодоления боли разлуки. Спокойствие, наоборот, ресигнативно. Любимые объекты (родители) должны быть редуцированы, частично забыты для того, чтобы можно было понравиться доступным объектам (сестрам) или для того, чтобы их бояться. Дети (во всяком случае до шести лет), родители которых не посещали их в больнице или посещали редко, едва ли остаются прежними после долгого пребывания в госпитале. Как минимум часть доверия в отношениях и уверенности в себе оказываются разрушенными.

Безусловно, ребенок после развода нуждается в покое. Но не в собственном, а в покое родителей. Он должен сам убедиться в том, что в состоянии жить в этом новом мире, не прибегая к большим вооружениям и без постоянной готовности к борьбе. Что же касается посещения, то ребенок должен понять, хотя старые отношения воскресить уже невозможно, но все же отношения с каждым из родителей возможны при одновременном исключении другого; он должен научиться мочь расставаться и верить, что только что покинутый объект останется в его распоряжении. Прекращение посещения как раз подтвердит страх ребенка перед потерей другого родителя. Поскольку в этих случаях ребенок чаще всего "списывает отца со счета", то следующее за этим "более простое возобновление" отношений является просто иллюзией. В отличие от этого типичные ирритации посещения при нормальных обстоятельствах постепенно, через несколько месяцев, значительно уменьшаются. Все же что-то остается и сохраняется иногда еще долгое время в качестве нормальной реакции на нежелательную жизненную ситуацию как печать, словом, как часть сознательной переработки проблемы.

9.2. "Мама, я не хочу к папе!" и "Папа, я хочу жить с тобой!"

Проблемы, касающиеся дней посещения, между тем обостряются в силу того, что ребенок этим посещениям сопротивляется. Матери в подобной ситуации труднее приветствовать продолжение организации посещения, поскольку сам ребенок, вопреки всем психологически-педагогическим рекомендациям, не желает видеть отца. В большинстве случаев за этим "отказом от отца" стоят те же проблемы, которые являются причиной ирритации детей после посещения. У маленьких детей сопротивление посещениям — только обратная сторона страха перед разлукой с матерью или просто (гневное) сопротивление прерыванию в настоящий момент столь прекрасной и полной удовольствия ситуации отношений. Но это не значит, что такое сопротивление нужно игнорировать. Дело в том, что в обоих случаях возникает опасность, что ребенок станет

воспринимать отца как "злого", который отнимает у него мать, или мать как такую же "злую", которая его больше не хочет и отказывается от него. К тому же возникает чувство беспомощности, которое приводит в ярость, и при определенных обстоятельствах может остаться в детской душе как нарцисстический рубец или усилит уже возникшие в результате переживаний развода (или в результате раннего опыта) чувства отсутствия власти в отношениях и неуверенности в их непрерывности. Напротив, при помощи соответствующей возрасту поддержки чаще всего удастся смягчить страх перед разлукой, а вместе с ним и сопротивление и таким образом избавиться от проблемы "отказа от посещений". Так было с трехлетней Сузанной, отец которой в растерянности обратился ко мне, потому что его дочка каждый раз, крича и брыкаясь, не позволяла ему взять себя на руки. "Передача" происходила все время таким образом. Мать уже заранее одевала ребенка. Желание девочки играть она отклоняла, поскольку сейчас должен прийти папа". Когда отец приходил, он каждый раз хотел взять малышку на руки и уйти. Сузанна же убегала от него, ревя, и цеплялась за мать или пряталась в другой комнате. Мать также пребывала в растерянности, ей не хотелось отдавать дочь от отца, который ее очень любил, но, с другой стороны, ей не хотелось выходить из роли любящей и доступной защитницы, отсылая ребенка против его воли. Поскольку речь шла о родителях, склонных к кооперации, то нам удалось развить альтернативу этой передачи ребенка отцу. Очень важно было дать себе время. Отец стал приходить, когда Сузанна еще играла, одна или с матерью, итак, она чувствовала себя хорошо. Он осторожно принимал участие в игре и таким образом возобновлял оборванные на протяжении многих дней (а судя о поведенных сценах, на протяжении недель) отношения. Вскоре мать могла все больше и больше отходить на задний план. Потом отец стал делать заманчивые предложения: поехать в Пратер или на игровую площадку, сходить за трехколесным велосипедом, который стоял в новой квартире отца, пойти послушать уличных музыкантов, которые приводили Сузанну обычно в такой восторг, и так далее. Всегда находилось что-то, чему девочка радовалась, и она позволяла — уже с нетерпением — себя одеть. Потом она решала, что возьмет с собой, и уходила, часто даже позабыв попрощаться с матерью, отступившей в этот момент на задний план.

Что, на первый взгляд, кажется просто обычным улучшением, на самом деле в психологическом смысле является радикальным изменением ситуации расставания или, вернее, в этих условиях ситуация передачи теряет характер разлуки. Отец не отнимает ребенка у матери, а завязывает с ним актуальные отношения, он дает ему время на переход от матери к отцу, ребенок не просто уходит с отцом, а идет с ним в Пратер или к музыкантам и имеет возможность

принимать участие в решениях, вместо того чтобы беспрекословно подчиняться воле родителей. Спустя некоторое время, Сузанна уже сама строила планы перед посещениями отца и радовалась возможности что-то с ним предпринять*.

У старших детей (от пяти лет) эта форма страхов перед разлукой не так сильна, но зато у них повышается чувствительность к обременению конфликтом лояльности, которая частично, как описано в предыдущей главе, может индуцироваться родителями, а частично исходить от самого ребенка (см. выше). Маленький Франц, как показало психологическое обследование, опасался ранить мать тем, что выразит радость по поводу посещений отца. Уже вечером, когда мать

напоминала ему о завтрашнем дне посещения, он начинал (спешно) ныть: "Это обязательно...?", "Я хочу лучше с тобой...!" и т.д. Когда же появлялся отец, он прятался, демонстративно бежал к матери и громко протестовал, уходя с отцом. В случае с Францем речь шла не о настоящем отказе от отца, об этом свидетельствует тот факт, что мальчик, как только мать уже не могла его видеть, тут же быстро успокаивался и подобные сцены никогда не наблюдались, когда отец забирал его из детского сада (по свидетельству воспитательницы), а к тому же, когда отец вечером приводил его домой, он вел себя так же, как при

**Абсолютно подобный случай, когда страх ребенка перед днями посещения, (пережитая как насилие) разлука с матерью и раздражение после посещения отца выражались в повышенной восприимчивости к инфекциям и высокой температуре, домашний врач аттестовал так: посещения отца подвергают опасности здоровье ребенка, после чего судья вынес частное определение, отказывающее отцу в посещениях на полгода. Это — типичный пример превышения компетентности врачей. Конечно, ребенок болел, но не из-за посещения, а из-за того как родители эти посещения обставляли. Компетентная медицинская экспертиза тем не менее установила, что соответствующие болезненные картины проявляются без органических изменений и могут иметь причиной психические нагрузки, и потому в подобных случаях должно быть произведено психологическое обследование.*

расставании с матерью. Теперь уже он не хотел расставаться с отцом.

Третьей причиной сопротивления детей посещениям являются их сильные желания воссоединения семьи. Чего хотят эти дети, когда отец приходит, это — чтобы он остался, но ни в коем случае не уходить с ним и не цементировать таким образом разлуку матери и отца. Протест этих детей не является протестом против отца, а, скорее, протестом против развода.

Случается, конечно, и так, что дети на самом деле отклоняют отца как персону. Бывает и такое, что ребенок в большей степени идентифицирует себя с матерью, а та открыто пренебрегает отцом, или пережитая обида сильнее потребности в отце, или, когда ребенок всю свою ненависть по отношению к матери (или к себе самому) переносит на отца, подсознательно делая его "козлом отпущения", или когда он ожидает от отца наказания за свою лояльность по отношению к матери и (или) страх расплаты соединяется с массивным чувством вины, вызванным разводом, или конфликт лояльности настолько мучителен, что ребенок предпочитает отказаться от объекта, кажущегося ему в настоящий момент менее важным (и т.д.). Конечно, и эти нарушения отношений к объекту нельзя оставлять без внимания, наоборот, они должны быть как можно скорее профессионально разъяснены. Если знать, в чем именно заключается проблема ребенка, то можно вместе с родителями найти множество вариантов ее разрешения (ср. также гл. 10.1 и 10.2).

9.3. "Настроенный против" ребенок

Ирритация после посещения и отказ от посещения приводят многих родителей не только в состояние беспомощности и растерянности. Почти всегда они видят в этих проблемах, которые

создают им дети, непосредственный результат целенаправленно негативного влияния другого родителя. Они не в состоянии по-иному объяснить возникшую неуверенность и прежде всего агрессивность ребенка, как только тем, что бывшая жена или бывший муж настраивают его против. Им не приходит в голову мысль о том, что констелляция отношений после развода создает для ребенка повышенные трудности приспособления, приносит боль по поводу все изменившегося развода, и поэтому чувства и аффекты, сопровождающие эти проблемы — и как раз такого агрессивного порядка, — могут продолжаться еще долгое время. Объяснение дает, вероятно, то обстоятельство, что родители слишком мало знают о комплексной динамике детских переживаний развода. Это так, но это, вероятнее всего, только половина правды. Наконец, создается впечатление, что в подобного рода подозрениях содержится результат неправильного понимания, в чем частично замешаны и сами дети. Так, четырехлетний Якоб, который на протяжении трех-четырех дней после посещения отца игнорировал все замечания, распоряжения и запреты матери, бросил ей однажды, рыдая: "Ты — совсем злая, потому что ты отослала папу прочь!" Результатом оказался шлепок, который мать в полной беспомощности отпустила ребенку, одевая того перед выходом из дома в детский сад. Когда оцепеневшая мать спросила: "Кто это сказал?" — Якоб ответил: "Папа, бабушка, и все это говорят!" и побежал прочь. После этого мать обратилась ко мне, чтобы получить подтверждение тому, что регулярные посещения отца дурно влияют на ребенка.

Кто имеет дело с детьми, тот знает, как часто они приписывают другим постыдные и опасные мысли и облакают их в слова третьей персоны. Вопрос матери: ("Кто это сказал?") показался ребенку в тот момент очень удачным и он смог таким образом переложить ответственность за свою ярость на другого, что между прочим придало особый вес его упреку. И тут мы должны себя спросить, почему мать задала этот вопрос. Почему она не спросила: "Ты все еще так сильно переживаешь, что папа не живет с нами больше?" или: "Ты веришь, что только я не хотела больше с ним жить?" или совсем просто: "Иди сюда, я знаю, что ты несчастлив, но все образуется!", или еще лучше: "Иди сюда, расскажи, чем именно ты так обеспокоен!" Такими словами она могла бы снять у ребенка боль, сигнализировать ему свое понимание и предложить поговорить по поводу происходящего в нем самом. Но мать Якоба спросила: "Кто это сказал?" Этот вопрос содержит: "Ты не можешь сам верить в это, я тебе ничего не сделала!" и "Это должен быть какой-то клеветник, который использует тебя, чтобы нанести вред мне, и кто это может быть, если не твой отец и его семья!" Конечно, может быть, отец действительно сделал это или подобное замечание, например, для того чтобы защитить себя перед упреком, почему он ушел. Но примечательно, что мать не допускает возможности, что ее сын и в действительности сам может упрекнуть ее по поводу развода. Примечательно и то, что при всех вероятных возможностях реакции на упрек Якоба особенно привлекательной оказалась возможность поймать отца с поличным. В психоаналитически-педагогической практике мне постоянно приходится сталкиваться с фактом, как часто многие матери и отцы подсознательно как бы только ждут доказательства возможного настраивания детей против них со стороны разведенного супруга, что они, не задумываясь над тем, что речь может идти о самозащите ребенка или о (обычном) переплетении фантазии и

реальности, тут же стремятся защитить свою версию о клевете и настраивании ребенка, как если бы они хотели, чтобы так оно и было. В беседах вскоре выясняется, что настраивание является не только (мучительной) проблемой, но и выполняет для этих родителей некоторые позитивные функции. Так, мать Якоба призналась, что столь великодушно принятое судом решение о посещениях с самого начала было для нее невыносимым, и она от этого очень страдала*. Теперь же в ее руках находится "педагогический аргумент", при помощи которого она, может быть, добьется ограничения посещений отца. В другом случае отец решил не мириться с тем, что воспитание его дочери было доверено матери. Точно так же, как и мать Якоба, он только ждал случая, когда сможет воспользоваться отрицательным влиянием матери на ребенка. Как только девочка начала бросать ему упреки по поводу его новой подруги, такое "влияние" было найдено: ребенок, должно быть, настроен против него матерью.

На этом примере и на примере Якоба мы замечаем дальнейшую функцию подобных обвинений: они помогают родителям снять с себя ответственность за раздражение, смену настроений и агрессивность ребенка. Теория настраивания раскрывается с этой стороны как часть общей тенденции многих родителей отрицать боль и проблемы, которые приносит развод детям. Если я говорю о теории настраивания, то я не считаю, что этого никогда не бывает, что отец умышленно перед детьми не бывает пренебрежителен к матери, не обвиняет ее и наоборот. Конечно, это бывает, но, скорее, как исключение, чем как правило. И конечно, подобные замечания обременительны для детей и родители таким образом вселяют в них неуверенность и ввергают их в конфликт лояльности. Но только в редких случаях в этом бывает замешан только один из родителей. (Так, мать Якоба рассказывала мне, как "предметно" она беседует с мальчиком: "Ты еще поймешь, что люди не всегда говорят правду". Или, когда однажды Якоб утверждал, что папа любит его больше, чем мама: "Твой папа, мое дитя, вообще никого настоящему не любит, он только так думает". Ей не пришла в голову мысль, что она точно так же дисквалифицирует отца, как

**О причинах, почему дни посещений для опекающих родителей являются столь мучительными, я буду еще говорить (напр. гл. 9.4).*

тот ее, в чем она его и обвиняла.) Вместе с тем пренебрежение и обвинения подобного рода не являются единственными или важнейшими причинами послеразводных проблем детей, как и агрессивно-отклоняющие реакции по поводу посещений.

9.4. Любовь ребенка к разведенному супругу причиняет боль и вселяет страх

Я спросил мать Якоба, как она считает, что за интерес отцу настраивать ребенка против нее. Она ответила, что тот не может пережить, что она путем развода освободилась от его деспотизма, что он должен был оставить ей сына, которым так гордился, что он ее за это ненавидит и хочет

"отбить" у нее ребенка. Так или приблизительно так интерпретируют почти все матери или отцы своих бывших партнеров, которых обвиняют в настраивании детей против них. Речь всегда идет об остатках чувства ненависти и желания мести, об отражении вины и потребности владеть ребенком одному или о страхе совсем потерять ребенка или его любовь. Эти интерпретации стоит оценить с двух сторон. Там, где у нас была возможность работать одновременно с двумя родителями, выяснилось, что хотя подобные интерпретации и были зачастую верными, но речь здесь шла не о сознательных позициях и стратегиях. Как и мать Якоба, эти родители вовсе и не знали о том, что это они в дурном свете выставляли своего бывшего супруга перед ребенком. Они считали, что уже смирились со своим разочарованием или, по крайней мере, что они не перекладывают его на детей. И они придерживались мнения, что ребенок должен любить обоих родителей. При помощи психоаналитической консультации они смогли вскоре вновь открыть в себе лишь поверхностное вытеснение чувства ненависти, обиды и вины- и признаться в желании одному владеть любовью ребенка (или в страхе его потерять). Далее, на интерпретацию матери Якоба стоит обратить внимание и потому, что она характеризует не только отца, но также и ее собственную (прежде всего подсознательную) душевную ситуацию. В принципе надо только прислушаться, чтобы услышать остатки ярости по отношению к бывшему партнеру, тайное удовлетворение оттого, что тот тоскует по ребенку, но также и страх, а вдруг ему все же удастся отнять у нее сына или его любовь. Так, в "теории настраивания" открываем мы довольно важную часть "психологической правды". В общем-то это случается довольно редко, когда отцы или матери сознательно и целенаправленно пытаются восстанавливать детей против другого родителя. Но в отличие — и обычно со стороны обоих родителей — "настраивание детей против" часто является повседневным признаком послеразводных отношений как подсознательный концепт действия. Потому что оно служит типичной психической проблеме, которая — хотя и ее размер, и значимость и различаются от случая к случаю — характерна почти для всех разведенных родителей. Непреодоленные агрессии против бывшего партнера, угрожающее чувству собственной полноценности чувство вины и страх после партнера потерять еще и ребенка спрессовываются в неспособность реагировать на продолжающуюся любовь ребенка к другому родителю без чувства обиды, ревности и гнева, не говоря уже о том, чтобы эту любовь поддерживать. И они приводят родителей к борьбе за расположение детей, их лояльность и исключительность их любви. При этом хорошие и интенсивные отношения с другим родителем кажутся реальной опасностью, которая должна быть исключена или которой необходимо помешать. Между тем эта борьба ведется совершенно открыто. И чем лучше родители информированы, что называется, чем лучше им известно, как важны для ребенка после развода оба родителя, тем к более сильным и более subtilным методам борьбы они прибегают. Эти отцы и матери, сохраняя представление о себе как о готовых к кооперированию, полных чувства ответственности родителях, всю вину за ошибки в кооперировании перекладывают на другого.

Чего эти родители, конечно, не знают, так это того, что они в этой борьбе являются самыми большими врагами своим собственным интересам. Потому что, как мы уже не раз говорили, чем реже видит ребенок не живущего вместе родителя, тем больше растет в нем тенденция его

идеализации. Это характерно также для детей, которые по каким бы то ни было причинам сами не желают поддерживать контакт с отцом. Идеализируется в этом случае не конкретный, действительный отец, а его место занимает идеал совершенного родителя, включающего в себя для ребенка обоих — отца и мать. И чем ограниченнее возможности ребенка жить в триангулярных отношениях, тем амбивалентнее, что называется, агрессивнее окрашиваются его отношения с тем родителем, с которым он живет. Относительно изолированные отношения между одинокими матерями и их детьми, и прежде всего если ребенок один, часто носят открыто садомазохистский характер: мать и ребенок чувствуют себя жизненно зависимыми друг от друга и борются, мучая друг друга там, где это только возможно. И наоборот, отцы, не несущие опеки, в борьбе с матерью за любовь ребенка, подвергают себя той опасности, что дети, недостаточно созревшие для конфликта лояльности, могут принять решение в пользу субъективно более важного родителя — и это чаще всего мать — и прекратят дальнейший контакт с отцом (или обратное, если ребенок живет с отцом). Только в редких случаях бывает так, что кому-то из отцов удастся так настроить ребенка, что тот отворачивается от матери. (В этих случаях, однако, добавляются и другие факторы обременения отношения к материнскому объекту, которые непосредственно не зависят от влияния отца.) Для того чтобы прийти к такому отстранению, которое очень похоже на разлуку, ребенку не остается ничего более, как искоренить из своего сердца все доброе, что означает или означала когда-то мать. Но это имеет катастрофические последствия для его дальнейшего развития. (А также является одной из причин, почему на детей нельзя возлагать ответственность за решение, с кем они хотят жить. Ср. к этому также ниже, с. 323 и далее.)

9.5. "У отца ему разрешается все, а я, получается, злая!"

Эта проблема знакома почти всем матерям (или воспитывающим отцам — по отношению к матери). В то время как на их плечах лежит ответственность за посещение школы и школьные успехи, в то время как служебный долг и домашние обязанности ограничивают время, проводимое вместе с детьми, и возможности общения, в то время как семейный бюджет бывает весьма ограничен, "воскресные" и "отпускные" отцы (или матери) пользуются в сравнении с этим известными преимуществами. Они могут баловать ребенка, неограниченно предоставляя ему то, что в повседневной жизни обычно получить невозможно. Родители, с точки зрения ребенка, имеют всегда две стороны: одну радостную, дающую, помогающую и другую — ограничивающую и запрещающую. В условиях разведенных семей часто получается так, что все бремя ограничений ложится на плечи того родителя, который живет с ребенком, в то время как другой может играть роль "идеального" отца (или 1 "идеальной" матери) и порождать у ребенка иллюзию, что жить с ним (с ней) было бы намного приятнее. Часто дети и выражаются довольно простодушно; "У папы мне не надо ходить в школу!" — утверждает семилетняя Барбель, а Томми постоянно жалуется на то, что у мамы он не может всегда выбирать себе еду, как он делает это у папы и т.д. Здесь речь идет о проблеме, которую в общих чертах не так-то легко решить, потому

что в ней играют роль потребности и опасения родителей, потребности детей и (различные) педагогические точки зрения, также противоречащие друг другу. Чисто практически очень трудно знать в подробностях, как в действительности различается "педагогический ландшафт" у матери и у отца. Часто мне приходилось убеждаться в том, что матери опасаются вышеназванных различий уже до того, как появляются первые признаки, свидетельствующие о них. Это зависит от эмоциональных проблем, о которых мы говорили выше: матери боятся, что в результате ограничений они будут менее любимы детьми, и страх этот тем больше, чем меньше переработано чувство вины, связанное с разводом. И они обвиняют отцов в том, что те, благодаря баловству, как раз и добиваются противоположного. Также и рассказы детей о том, что у папы они могут неограниченно смотреть телевизор, допоздна не ложиться спать, что папа с ними постоянно играет и во время дождя им не обязательно надевать куртку, часто не соответствуют действительности. Здесь имеет место известная стратегия детей утверждать свою волю путем сталкивания родителей друг с другом. Это безобидные будни любой семьи. Но в нормальной семье мать не станет в это верить или, по крайней мере, поговорит с отцом, в худшем случае — один делает так, а другой иначе*. Но в условиях развода все сложнее. Матери и отцы похожи на адвокатов, которые используют все показания и высказывания — пусть иногда спорные или незначительные — для отягощения вины другого. Но это чаще всего оборонительная борьба, что называется, каждый стремится разоружить другого тем, что приписывает тому (сознательное) зло.

Зачастую это, конечно, так. Границы, устанавливаемые навещаемым родителем, менее строги. Один отец рассказывал

**Если мать и отец предъявляют различные воспитательные требования, это не обязательно должно являться отрицательным для ребенка. Я еще буду об этом говорить.*

мне: "Я вижу мою дочь Сенту только один раз в месяц, в выходные. Конечно, я стараюсь эти выходные освободить от других дел, чтобы мы могли как можно больше пообщаться. И разве трудно понять, что я не требую от нее, чтобы она ровно в полвосьмого выключала свет, тем более что в воскресенье она все равно может поспать подольше?!" Конечно, это можно понять, но также можно понять и то, что из-за этого у матери возникает новая проблема. Как оцениваются подобные различия режима с педагогической точки зрения и точки зрения детской психологии? К сожалению, на этот вопрос нет однозначного ответа. Я знаю детей, которые эти "относительно свободные" дни, проводимые ими у навещаемого родителя, используют для того, чтобы снова заполнить повседневный дефицит отношений с ним, наслаждаются этим временем как каникулами, что дает им возможность потом лучше переносить требования повседневности и меньше (всерьез) упрекать мать за необходимые ограничения, даже если они эти упреки и выражают. И я знаю детей, которых точно такая же ситуация приводит, действительно, к своего рода расщеплению репрезентации объекта так, что все хорошее, что несут в себе родители, приписывается отцу и все плохое — матери. Рядом с измерением "больше свободы" или "больше

ограничений" имеются обычно и последующие индивидуальные различия в воспитательных представлениях матерей и отцов. Это касается умения поддержать разговор, вежливости, умения вести себя за столом, поведения в конфликтах между людьми, самостоятельности и т.п. И также есть дети, которые беспроблемно переходят от одного режима к другому, и даже извлекают пользу из этих различий, потому что им становится легче общаться с различными людьми. А есть дети, которые теряются в этих различиях и впадают во внутренние конфликты, обременяющие также внешние социальные отношения с обоими родителями. Какая из этих возможностей более вероятна в каждом отдельном случае зависит от индивидуального психического состояния ребенка и может быть выяснена только при помощи соответствующего психологического обследования*. Вместе с тем много зависит от характера отношений между родителями в данный момент. Родители, которые в состоянии обсуждать друг с другом потребности детей и которые умеют держать в рамках обоюдные недоверие и соперничество из-за любви ребенка, имеют шанс помочь детям и себе в вопросах различия взглядов на воспитание. В случае Сенты удалось как раз такое взаимопонимание. С одной стороны, отец утверждал вечером, что это исключение, что она может у него позже идти в постель и что он находит правильным, что мать требует, чтобы она в полвосьмого укладывалась спать. И мать согласилась с тем, что дочь может у отца делать то, чего дома делать невозможно. Тем, что мать каждый раз желала дочери приятных выходных у отца и радовалась хорошим впечатлениям дочери о времени, проведенном у него, она как бы сама принимала участие в прекрасных выходных у отца. Из этого проистекло и еще одно соглашение. Так, например, отец не знал, что мать на протяжении долгих недель старалась, чтобы Сента не лакомила перед едой, и каждый раз внутренне содрогалась от возмущения, когда дочь рассказывала, что у папы она ела мороженое в 11 часов и вообще ела сладости в любое время, и если была уже сыта, то могла за обедом ничего не есть. Также в

**С психоаналитической точки зрения можно сформулировать, что дети, чье социальное приспособление протекает в основном на базе спонтанных (т.е. служащих первичной обороне против страха) идентификации ("я хочу быть таким, как папа, или такой, как мама"), лучше приспособляются к различным ожиданиям отца и матери. И напротив, дети, чье социальное приспособление функционирует через требования "сверх-Я", т.е. соответствует (поддерживающей страх) идентификации с запрещающими и диктующими поведение родителями (я должен быть таким, как требует папа/мама), впадают обычно во внутренние конфликты.*

дальнейшем, исключительно из соображений сохранения хороших отношений с матерью, отец не пренебрегал необходимостью для дочери чистить по вечерам зубы.

9.6. "Педагогизирование" отношений матери и ребенка после развода

Так же и мать Сенты начала корректировать свои представления о воспитании. В ходе психоаналитически-педагогической работы с нею выяснилось, что протесты Сенты против требований матери подчеркивали не только объективную ситуацию "одиноким матерью". Часть

запретов и ожиданий матери, против которых дочь восставала, основывалась на ее совершенно индивидуальных и очень честолюбивых воспитательных представлениях. Так, она открыла в себе преувеличенный страх перед школой, вызванный опасениями, что дочь может потерпеть неудачу и вина за это ляжет на нее. Итак, Сента должна была заботиться не только о своих собственных успехах, но также и о "педагогическом чувстве полноценности" ее матери. Фраза; "Смотри, не принеси мне единицу!" содержит в этом случае глубокий смысл: мать Сенты переживала отметки своей дочери, действительно, как личные оценки ее материнских способностей. ;Из чего следовало, что она, с одной стороны, оказывала на [ребенка чрезмерное давление, а с другой стороны, делала себя полностью зависимой от дочери в своем самочувствии. Мать боролась, по сути, за то, чтобы ребенок учился для нее, и он чувствовал свою власть и пользовался ею. Одновременно Сенте было отказано в рассматривании школы как :своего собственного дела.И еще в одно верила мать — что Сента сама может придерживаться однажды поставленных (перед нею правил, сама может соблюдать ограничения и запреты, без напоминаний и без сопротивления. Поэтому каждое "нарушение" дочери становилось для нее драмой. В то время как отец в дождливую погоду просто напоминал: "Дорогая, сними, пожалуйста, туфли!", мать в подобных ситуациях начинала обычно стенать и упрекать: "Сента, но ты же знаешь, что надо снять туфли! Почему же ты этого не делаешь? Я должна тебе каждый раз напоминать?!" В то время как отец и не думал раздражаться, если Сента направлялась прямо в комнату в обуви, но все же миролюбиво напоминал ей, что надо снять туфли, мать воспринимала подобную ситуацию как направленное лично против нее невнимание или даже как агрессию, которая обижала и раздражала ее, и реагировала соответственно упреками и злостью. Тогда Сента, со своей стороны, начинала плакать и говорить: "Тебе я вообще не могу угодить, вечно ты на меня жалуешься!" Очевидно, в конфликтах с детьми виноваты не характер и число ограничений, а просто умение с ними обращаться. Мать Сенты поняла, наконец, что она предъявляла к дочери социально завышенные требования в соблюдении правил и проявлении самостоятельности и стала давать ей "больше воздуха", позволять ей больше быть ребенком.

У меня создалось впечатление, что одинокие матери вообще склонны "педагогизировать" свои отношения с детьми. Это значит, что чрезвычайно большая часть того, что они делают по отношению к детям, что они им говорят, как с ними обращаются, служит часто сомнительным — "педагогическим" целям. Особенную роль при этом играют школа, мнения других, далеко идущее осуждение агрессий и "благоразумные" разговоры и соглашения, которым придается большое значение. Между тем эти матери подчиняют все свои интересы детям и таким образом дают им больше прав, чем имеют дети в семьях с двумя родителями. Концентрация всех жизненных интересов на ребенке ограничивает также и ребенка, "величественные" ожидания матери перегружают его и часто столь добрые педагогические концепты диаметрально противоположны тому, что так нужно детям время от времени: право быть эгоистичными, злыми, оказывать сопротивление и при этом у них не должно возникать чувства, что этим они ужасно ранят мать. Педагогические представления таких матерей, как мать Сенты, имеют что-то общее с представлением о гуманисте-миротворце. Но они склонны к ожиданиям, что ребенок уже сейчас,

хотя он всего лишь ребенок, должен приближаться к этому идеалу. Однако добродетелям невозможно научиться, это будет только принудительное приспособление или невротическое эрзаобразование. Открытое, способное к любви существо воспитывается, во-первых, на основе удовлетворительных отношений, удовлетворенных любовных запросов и достаточного самоутверждения и, во-вторых, на основе связанных с этим процессов идентификаций с объектами, воспринимающими запросы и чувства ребенка с вниманием и уважением (что не обязательно должно означать абсолютное удовлетворение).

Конечно, в нормальных семьях тоже встречается такое "педагогизирование" отношения к детям и, безусловно, не все разведенные и воспитывающие детей в одиночку матери так смотрят на вещи. Но здесь, по моим наблюдениям, речь идет о довольно часто встречающейся разновидности поведения. И тому имеются довольно понятные основания. Это вызванная выпадением отношений с партнером концентрация на ребенке: развод у многих женщин часто ведет к временному отказу от "взрослого модуса отношений", поскольку как женщина она потерпела поражение или претерпела несчастный случай. Что ей остается, так это роль Матери, где она в дальнейшем имеет шансы для самоутверждения. Еще одна причина— это чувство вины, что разводом она причинила вред и боль своему ребенку. "Педагогическая" концентрация на ребенке выполняет функцию отвлечения от чувства поражения и как матери.

Большую роль, которую нельзя не отметить, играет также социальное давление, оказываемое на разведенных матерей (ср. с. 82 и далее). Они должны доказать окружающим, себе и прежде всего бывшему мужу, что развод не повредил ребенку и что "я могу это также и сама". Школьные проблемы, проблемы с поведением и другие отрицательные моменты в жизни ребенка, которые случаются и в "лучших семьях", выливаются для разведенных матерей в опасность, потому что это может служить пищей для латентной дискриминации со стороны окружающих (а также со своей собственной).

Возрастающие в результате педагогизирования отношений к ребенку ограничения и чрезмерные требования имеют направленный против ребенка агрессивный налет. Агрессивность, которую таким образом подсознательно переживает мать, может исходить из совершенно нормальной амбивалентности любых отношений родителей с детьми; она может зависеть и оттого, что мать (сознательно или подсознательно) приписывает ребенку вину за крушение брака; она может быть результатом тяжелых последствий после-разводного кризиса или частичного перенесения чувств, которые направлены на отца, а активируются на ребенке. Такое случается особенно часто, когда ребенок, прежде всего если это мальчик, постоянно напоминает матери отца, будь то из-за внешности, из-за продолжающейся любви к отцу или из-за того, что ребенок идентифицирует себя с отцом, и действительно он своим существом репрезентует часть отца.

Подобные перенесения объясняют также некоторые внутренние аспекты типичных педагогических представлений разведенных матерей. Прежде всего жесткая неприемлемость или пренебрежение по отношению ко всему, что соприкасается с агрессивностью, становится часто перенесенной в педагогическую область борьбой против агрессивности, претерпленной со

стороны бывшего супруга. Таким же образом стигматизированным становится стремление к "конкуренции, потребность быть лучше всех, энергичнее всех и т.п., желание хорошо выглядеть и казаться привлекательнее, чем ты есть и т.д. Но здесь речь идет также о совершенно нормальных и необходимых переходных стадиях детского развития. Особенно для мальчиков, которые и без того страдают из-за отсутствия теперь постоянного мужского примера и им не на ком развивать свою мужскую идентификацию. В подобных обстоятельствах сопротивление или самоутверждение на всю жизнь может оказаться связанным со страхом потерять привязанность ценимых и любимых персон. Может случиться и такое, что эти мальчики, став мужчинами, точно так же на протяжении всей жизни будут преследовать (детский) "мачо-идеал", в котором ему однажды было отказано из-за его зависимости от матери. Девочкам в этом отношении все же легче, потому что отсутствие агрессивности прежде всего свойственно социально-приемлемому женскому облику и потому, что они могут благодаря другим источникам, например, при помощи красоты, шарма, получать нарцисстическое удовлетворение, и, наконец, идентификация с могущественной матерью придает им часть бесконфликтной силы.

Нередко за сознательной агрессивной враждебностью прячется подсознательное желание оказаться точно так же в зависимости и страдать из-за ребенка, как эта мать когда-то страдала из-за его отца. Это субтильная форма известной Тенденции одиноких родителей в ребенке найти замену партнера. Такие матери порой даже провоцируют детей вести себя именно так, "по-мужски", как они в согласии с сознательными желаниями матери как раз вести себя не должны. Это "приглашение" к агрессивности часто носит мазохистский характер (который, вероятно, играл известную роль в супружеских отношениях) и (или) характер подсознательного самоутверждения, что смягчает чувство вины: если ребенок ведет себя отвратительно по отношению ко мне, мне тоже нет необходимости испытывать укоры совести*. Такие двойные сигналы, однако, приводят детей к тяжелым внутренним конфликтам и могут усилить (уже имеющиеся) невротические диспозиции, как и "консеквентное" давление приспособления.

Наконец, после развода симбиотично-нарцисстические желания и фантазии матери, знакомые нам по первому году жизни ребенка, переживают возрождение: ребенок снова становится частью персоны матери, которая таким образом стремится формировать его соответственно своему идеальному представлению о себе, итак, удвоить себя в ребенке или, говоря иначе, снова восстановить (изначальное) идиллическое двуединство симбиотического периода.

Ясно, что подобное "педагогизирование" отношений матери и ребенка — большая нагрузка на всех участников. Завышенные педагогические ожидания и требования часто в большой мере противоречат потребностям детского развития; агрессивные конфликты, которых так стесняются матери, все-же в определенных обстоятельствах проявляются, или "руководимая благоразумием" идиллия отношений показывает себя довольно сомнительно как питательная почва для развития невротических процессов приспособления; наконец, данный вид воспитательного честолюбия проявляет

**Это похожий психический механизм, который уже Фрейд (1916) описал в своей работе о преступниках из сознания вины.*

себя как мощная сила, направленная против хороших и интенсивных отношений с отцом, что представляет собой перманентную опасность для педагогических целей матери.

Изложенное выше, как ни странно, в гораздо меньшей мере действительно для разведенных отцов, ответственных за воспитание детей. И прежде всего отцам в нашем обществе удастся намного эффективнее справляться с проявлением детских агрессий, чем матерям.

9.7. "Ребенок принадлежит мне!" О роли самоуважения и власти в отношениях между матерями и неопекающими отцами

Выше я говорил о том, что продолжение агрессивного раздражения по отношению к бывшему партнеру, чувство вины по поводу развода и страх перед потерей любви ребенка представляют собой глубокие причины трудностей родителей, как матерей, так и отцов. Для многих неопекающих отцов прибавляется еще одна проблема: развод переживается ими не только как разлука, но и как потеря ребенка и к тому же совершенно независимо от того, будет ли отец видеть ребенка в рамках времени посещения или нет. Как часто в разговорном языке можно слышать довольно точное выражение: "Кто получит ребенка?" или: "Если ты хочешь со мной развестись, пожалуйста, но ребенок принадлежит мне" Эти высказывания довольно ясно говорят о том, насколько в делах развода право опеки переносится в жизненное измерение: "выиграть— проиграть" (и даже когда с юридической точки зрения речь идет о разводе "по взаимному согласию"). "Потеря ребенка" представляет собой не только разлуку, но и потерю отцовских прав и влияния, она не только болезненна сама по себе, но также является поражением, тяжелой нарциссической обидой, пожирающей (мужественную) личность отца. Трагическим является то, что возможность продолжения отношений не закрывает нарциссическую рану, а, наоборот, ее берedit. Более того, продолжение отношений с ребенком означает продолжение отношений с матерью, а это означает в свою очередь необходимость и далее конфронтировать с "унизителем", что называется, самому поддерживать мучительную ситуацию. Если же отец (из соображений благополучия ребенка) отказывается от обращения в суд, то он отказывается и от всякой претензии на предохранение своих отношений с ребенком, и таким образом мать как бы "одалживает" ему дитя и только в тех случаях, когда он готов выполнять все ее распоряжения в вопросах, как он должен с ним обращаться. Отец все меньше походит на отца, который несет ответственность за воспитание ребенка, а, скорее, начинает походить на старшего брата, которому мать доверяет на некоторое время присмотреть за братишкой или сестренкой или поиграть с ними. Послеразводная ситуация таким образом привносит в его отношение к матери его детей структурно обусловленную (что называется, частично независимую от конкретного поведения

участвующих субъектов) тенденцию инфантилизации или (символическую) кастрацию не опекающего отца.

Но не только по отношению к матери. Так же и отношениям с детьми угрожает опасность расплаты своей ролью сильного защищающего отца, примера для подражания. "Когда я забираю Гудрун, почти постоянно раздражается скандал между нею и матерью", — рассказывал один отец. — "Чаще всего речь идет о мелочах, таких, как: что она должна надеть или что она может или должна взять с собой. Гудрун смотрит на меня взглядом, взывающим о помощи. Но боже упаси вмешаться! Тогда я могу считать, что все "привилегии", например, совместный поход на каток или двухдневный туристический поход, могут быть тут же зачеркнуты. В такие моменты мне хочется просто провалиться сквозь землю перед своей дочерью!" (Выше мы уже говорили о том, почему матери так "аллергично" реагируют на подобные вмешательства отцов.) Другой отец чувствовал себя постоянно несчастным, когда его десятилетняя дочь жаловалась ему на мать, которая, по ее мнению, предпочитала ей ее младшего брата. "Что мне делать? — спрашивал он меня. "Я чувствую себя слабым и беспомощным. Что я за отец? В такие моменты я ненавижу себя и мою бывшую жену". Если дети упрекают отца в том, что он мало проводит с ними времени и мало им себя посвящает, отцу не остается ничего больше, как взять всю "вину" на себя, или, если он себя защищает, и при этом говорит, что это зависит не от него, то фактически признаться в том, что он бессилён быть хорошим отцом.

Массивные нарцисстические обиды тем не менее порождают ярость, пробуждают потребность эмансипации и ведут к протесту. И соответственным инфантилизации отношений с бывшей женой является протест "снизу", который влечет за собой поведение, очень напоминающее попытки эмансипирования пубертатного периода молодежи. Некоторые мужчины разрывают узел одним ударом, как если бы у них никогда не было семьи, которая что-то для них значила. Они заводят новые отношения, наслаждаются "новой свободой", некоторые даже увольняются с работы и путешествуют по свету. Подобные регрессии продолжаются месяцы, а иногда и годы. А тогда уже поздно снова становиться отцом. Другие начинают сопротивленчески-оборонительную борьбу против бывшей супруги, ставшей по причине развода могущественной матерью*. Они просто "не позволяют больше слова сказать". Только им удается исчезнуть из поля зрения матери, как они тут же забывают

**Педагогизирование материнских отношений после развода (см. выше), кажется, в известном смысле включает и отношение к бывшему партнеру.*

все ее требования, среди которых порой и очень важные для детей. Часто остается только удивляться, как некоторые взрослые мужчины просто наслаждаются лишением их со стороны матери отцовской ответственности: они перестают давать детям лекарства, которые те должны принимать регулярно, ребенок может смотреть телевизор, сколько захочет (включая фильмы ужасов), перед важной контрольной работой он остается с отцом в ресторане до десяти вечера и

т.п. Очевидно, что эти отцы вживаются в роль старших братьев (см. выше), но с той разницей, что они превращаются из послушных в непослушных мальчиков. Конечно, как и вырвавшиеся на свободу подростки, они меньше всего могут понять требования и запросы матери и переживают ее ожидания исключительно как (потрясающие) репрессии, в то время как законность собственной точки зрения не подвергается сомнению. Некоторые отцы начинают искать союзников — собственных родителей, друзей, экспертов, адвокатов — чтобы, так сказать, утвердиться в своих правах. В конце концов они нередко приходят в суд с требованием о лишении матери права воспитания. Официально делается это, конечно, из соображений "благополучия ребенка". Если это рассматривать с позиций психоанализа, то можно сказать, что с точки зрения подсознательной мотивации речь идет здесь не столько о детях, сколько о том, чтобы, сделать обратной пережитую из-за матери кастрацию.

Третья категория отцов реагирует на унижительное лишение отцовской ответственности и прав таким образом, что они и дальше пытаются играть роль главы семейства и распорядителя. Реальная власть матери настолько невыносима для них, что они ее просто отрицают. Эти отцы любят показываться в детском саду или в школе, в дни посещений подвергают ребенка обследованию своим (личным) врачом, дают детям распоряжения и указания, которые те без согласия матери никак не могут исполнить, самостоятельно записывают их на курсы или в спортивные секции и т.д. — и, конечно, все это без согласования с матерью (для них вообще не существующей). Но поскольку последняя все же владеет реальной властью, иллюзии этих отцов не долго остаются жизнеспособными. Подобные случаи через короткое время снова рассматриваются в суде, чтобы вернуть отцу ту власть, которая даст ему возможность восстановить его мужское самоуважение.

Последнюю категорию отцов, сильно пострадавших нарцисстически в результате развода, можно охарактеризовать как "бедных отцов". Вместо побега, протеста или отрицания они сами декларируют себя беспомощными жертвами (матери) и ищут сочувствия и прежде всего — сочувствия детей. Во-первых, у этих отцов чувство "невинности жертвы", кажется, способно восстановить добрую часть нарцисстического поражения. Но прежде всего статус жертвы открывает необыкновенно привлекательную возможность без угрызений совести мстить унижающему объекту, а именно, матери. В таком виде обратного триангулирования (ср. гл. 5.4) "бедный отец" делегирует агрессивность на своих детей так, что моральное право остается за ним. Как эти мужчины обременяют своих детей, остается им неизвестным. Так, Ютта, едва ей представлялась возможность провести с матерью прекрасные часы за игрой, на прогулке или за чтением сказок, как она тут же начинала вздыхать: "Бедный папа, он сидит сейчас совсем один дома!" Ютта постоянно переживала, не болен ли отец, есть ли у него еда. Это приводило мать в злую растерянность. Ютта испытывала такое чувство, что именно она должна заботиться об отце, и постоянное бессилие оттого, что она не в состоянии реализовать свою ответственность. Ее съедало чувство вины из-за того, что ей хорошо с матерью, и она соответственно этому колебалась между жалобами на себя и агрессивностью по отношению к матери, которая в глазах Ютты была виновна в страданиях отца. Агрессивные конфликты с матерью приобрели в скором

времени дополнительную функцию: поскольку совместная жизнь с матерью становилась все менее гармоничной и удовлетворяющей, то это освобождало девочку от ее чувства вины по отношению к матери. Она могла все больше идентифицировать себя с отцом, поскольку чувствовала себя жертвой матери. Через два (!) года после развода девятилетняя девочка начала бороться за то, чтобы жить у отца. Однажды после посещения отец не привел ребенка домой и на основе свидетельских показаний ребенка добился частного определения суда по поводу того, что ребенок имеет право оставаться у него до тех пор, пока не будет получено новое решение суда о праве на опеку. О катастрофическом воздействии такого развития событий на ребенка я буду еще говорить ниже (с. 323 и далее).

Естественно, эти описания всех четырех "категорий" являются описанием экстремальных реакций на нарцисстическую обиду, нанесенную разводом или потерей права опеки, и именно, в двойном смысле. Во-первых, большинство "убегающих" отцов исчезает не окончательно. Также трудная достигаемость, несоблюдение времени посещений, неаккуратность в уплате алиментов, забывание дней рождения или передача детей собственным родителям, в то время как отец занимается своими делами, представляют собой мягкую форму той регрессии, смыслом которой является уход от ответственности. Также и отцы, активно борющиеся против матерей, не всегда заходят так далеко, что это вредит здоровью или школьным успехам их детей или пытаются отнять детей у матери. Оппозиция часто ограничивается противоречиями желаний матери в мелких "игольных уколах", агрессивный характер которых в каждом отдельном случае практически недоказуем. Таким образом, подсознательное "настраивание против" (гл. 9.3) является не просто выражением страха перед потерей любви ребенка или неприятного чувства по отношению к матери, но также средством восстановления нарушенного нарцисстического равновесия. Точно так же добрая часть педагогических разноречий, которые я описал выше (гл. 9.5), объясняется не только исключительно ситуацией посещений и "случаются" они не просто на основе того факта, что родители не в состоянии больше понимать друг друга. Более свободное обращение многих отцов с ограничениями и запретами часто происходит также из их собственной идентификации с ребенком, направленной против матери. В (братском) союзничестве с собственным ребенком отец способен минимум какое-то время снова почувствовать себя сильным. Наконец, обременения, исходящие от "бедных" отцов, не всегда приобретают столь невыносимые формы, как в случае Ютты, которая ничем другим не могла себе помочь, кроме как тем, что подорвала или даже разрушила в себе хорошее представление о доброй матери. Что же для таких отцов характерно, так это то, что они несут по жизни свое манифестное страдание по поводу ситуации развода и это не дает детям возможности перейти к "послеразводной повседневности". В облике "бедного" отца полное боли событие остается психической действительностью настоящего времени.

Во-вторых, только немногих отцов можно классифицировать в "чистом виде" по этим четырем "категориям". Большинство из них прибегает к каждой из этих возможностей, чтобы избежать нарцисстической обиды. В некоторых случаях эти подсознательные стратегии обороны вступают в силу поочередно. Я знал одного отца, который на протяжении многих месяцев после

развода боролся с матерью за власть, потом вдруг исчез и через два года появился вновь в качестве заботливого отца, чтобы "взять в руки" школьные и воспитательные дела ребенка, а в заключение превратятся в отвергнутого одиночку. Право матери на опеку или, вернее, совместное проживание с ребенком означает для нее реальную власть. Само по себе это не понуждает делать выводы. Власть может быть реализована по-разному или не реализована вовсе. Но одно свойственно всем отношениям, где власть распределена неравномерно: вероятность, что она будет использована там, где есть необходимость защищаться от нападений. Стремление раненого мужского нарциссизма к поддержке и восстановлению отцовской позиции власти и влияния создает латентную опасность для материнской позиции, удерживает мать в готовности к тревоге. Образованная в результате развода позиция власти по отношению к отцу играет, собственно, для них, претерпевших в браке разочарования и обиды, важную восстановительную роль. От ее поддержания зависит их нарциссическое равновесие. К описанным выше мотивам — чувству вины, страху перед потерей любви и т.д. (гл. 9.4) — присоединяется стремление к (поддержанию) женского самоуважения как дополнительный двигатель тенденции удерживать ребенка для себя, осложнять контакты с отцом или вообще помешать оным и т.д. А это, со своей стороны, усиливает чувство униженности и страха у отца.

Конечно, все это (в основном) подсознательные процессы. Матери, как и отцы, как правило, верят в то, что ухудшение отношений всегда исходит от противоположной стороны. И это создает сложности в том, чтобы прорвать порочный круг поступков и реакций. В отношениях разведенных родителей бродит, очевидно, такой большой конфликтный потенциал, что достаточно ему всплыть в одном месте, как вся комплексная система чувства вины, обвинений, страхов и противострахов, унижения и боли, казалось бы, самостоятельно приходит в ускоренное движение.

Между тем случается также, что этот конфликтный потенциал разряжается. По самым различным причинам некоторым родителям с самого начала удается дать себе отчет в необходимости и далее делить друг с другом воспитательную ответственность. Иногда становится привычным то обстоятельство, что мать информирует отца о шагах развития ребенка и об особых событиях, благодаря чему у отца возникает чувство, что он принимает участие в жизни ребенка и тогда, когда его тот не видит. Это пробуждает в нем готовность к кооперации, активному участию в жизни ребенка, благодаря чему сохраняются его радость и гордость по поводу того, что в развитии ребенка есть и его заслуга, к этому относятся совместные обсуждения школьных дел, вопросов свободного времени и многое другое. Для ребенка родители являются общими носителями таких решений, что и осложняет использование одного из них в своих конфликтах с другим, но зато освобождает от конфликтов лояльности и вселяет чувство уверенности. Для отцов бывают иногда столь трудно переносимы финансовые обязанности также и потому, что они не получают за это ни благодарности, ни признания. Но это можно изменить, если мать будет декларировать чрезвычайные траты и подарки как общие. Достижения отца получают тогда тоже личное значение, поскольку они будут видимы ребенком. Таким образом "нарциссически смягченные" отцы в один прекрасный момент в разговоре с матерью начинают не только

спрашивать о том, когда они могут в следующий раз видеть ребенка, но и о том, не могут ли они ей, матери, чем-нибудь быть полезными, не нуждается ли она в их помощи. А это в свою очередь не просто удовлетворяет женский нарциссизм, но и уменьшает — вместе с признанием со стороны отца ее материнской роли — страх перед потерей ребенка. Здесь также играет роль комплексная система желаний и опасений, но в другом направлении: она начинает расслабляться.

Огромное значение имеет тот факт, что движение данной системы раздваивается и делает обратимыми внутренние и внешние конфликты, в которых оказались личности. Итак, описанный выше порочный круг агрессивных колебаний отношений матери и отца после развода может быть разорван. И даже — и это особенно интересно, — благодаря изменению поведения только одного из родителей. Условием к этому, во всяком случае, является то, что этот родитель сумеет превозмочь и психически переработать обидные переживания, желания и страхи, которые принес или активировал собой развод. Если нам удавалось таким образом помочь только отцу или только матери, то мы каждый раз замечали, что он или она настолько меняли свое отношение к ребенку и (или) к другому родителю, что и тот начинал вести себя по-другому. Такие изменения затрагивали иногда только субтильные детали, но этого было уже достаточно, чтобы дать возможность другому менее обидно и угрожающе переживать намерения бывшего супруга и всю ситуацию в целом*

**Из этого вытекают существенные методические выводы для консультации: даже в тех случаях, когда основная проблема заключается не столько в отношениях между родителями и ребенком, сколько между разведенными родителями, консультации только с одним из родителей могут иметь успех. И не только как исключительное решение, если второй родитель не принимает участия в семейно-терапевтических сессингах. Особенно там, где агрессивный потенциал между бывшими супругами (все еще) очень высок, по нашему опыту психоаналитической (психоаналитически-педагогической) консультации для одного из родителей — или для обоих, когда у каждого свой консультант, — можно отдать предпочтение систематической семейно-терапевтической работе с супружеской парой или со всей семьей.*

Тема последних частей главы порождает вопрос, не может ли принести улучшения так называемая совместная опека разведенных родителей, которая является узаконенной возможностью и существует в Германии, но не в Австрии и Швейцарии. С точки зрения комплексности родительских проблем отношений после развода и subtilности, с которой они (подсознательно) ведут себя в этих отношениях и как родители тоже, кажется, в высокой степени сомнительным, что юридическое регулирование вопроса может помочь решению данной проблемы. Если у родителей есть ощущение, что общая воспитательная ответственность возможна, трудно возразить против общей опеки; если разведенные родители "могут вместе", то они, по сути, и не нуждаются в юридическом декрете. Если же существуют серьезные проблемы в отношениях, то это часто может оказаться дополнительной причиной, что проблемы тогда лягут в первую очередь на плечи ребенка. Вопрос, во всяком случае, стоит того, чтобы подробнее его обследовать: возможно ли при помощи официального статуса остаться совместноопекающими родителями, будет ли нарциссическая рана не живущего вместе родителя, о которой мы говорили выше, от этого меньше, благодаря чему исчезнет (конечно, только) один мотив борьбы с тем родителем, у которого живет ребенок. Для этого у нас, конечно, отсутствует — на основе австрийского состояния законов — эмпирический материал. (Имеющиеся эмпирические обследования в ФРГ, которые утверждают позитивное влияние этого явления на послеразводные отношения, являются среди прочего с теоретически-методической точки зрения недостаточно убедительными.)

9.8. Разочарование и стресс вместо радости: как некоторые отцы переживают дни посещений

Просмотрев части девятой главы, я заметил, что читателю может показаться, будто не хватает систематической взаимосвязи. В одной из частей речь идет о повседневных проблемах матери, в другой — о ее подсознательных желаниях и страхах, потом я перехожу от матери к ребенку, от ребенка к отцу и от него снова к матери. Это происходит оттого, что в этой главе я мысленно нахожусь в разговорах, которые я вел со многими матерями, отцами и детьми в нашей консультации и в моей личной практике. Такое колебание между сознательными мыслями и подсознательными побуждениями, смена перспектив и взаимопроникновение между (педагогическими) объяснениями и собственным опытом, перекрывающим подсознательное, как раз соответствуют бесструктурной драматургии, по которой развивается психологически-педагогический диалог. Может быть, это даже облегчит (психоаналитически неподготовленному) читателю понимание сложных последствий взаимосвязи сознательных и подсознательных, индивидуальных и межчеловеческих душевных побуждений. Также и сейчас мои ассоциации возвращают меня назад, к поверхности переживаний, а именно — от обид и стратегий обороны, присущих ситуации разведенных отцов, к нагрузкам и раздражениям дней посещений. Они так же, как и повседневные разочарования матери (ср. гл. 9.1 —9.5), находятся в тесной взаимоусиливающей связи с "глубинными" слоями переживаний, и их невозможно переоценить как динамический фактор для дальнейшего поведения отца.

"Каждый раз в пятницу, перед посещением, когда я думаю о том, что надо позвонить моей бывшей жене, у меня возникает неприятное давление в желудке", — рассказывает господин М., отец девятилетнего Руди, разведенный более четырех месяцев назад. Опять будут проблемы? Уже три раза подряд мать нарушала договоренность. Один раз потому, что у Руди был насморк, второй раз потому, что бабушка с дедушкой были в гостях и непременно хотели видеть внука. О причине третьего раза господин М. никак не мог вспомнить. Я поделился моим предположением, что он, вероятно, принимает объяснения матери не всерьез. Он подтвердил это и сказал: "У меня такое чувство, что все это ухищрения, с целью причинить мне боль. Ева (так зовут мать) все время вселяет в меня чувство, что я — нежелательная помеха и, где это только возможно, пытается от меня избавиться". Я спрашиваю его, поделился ли он со своей бывшей женой этими предположениями. Он говорит: "Нет". Инфантилизация отношений разведенного отца с бывшей женой, о которой говорилось выше, позволяет сделать вывод: вместо того чтобы (как минимум) хотя бы попытаться обсудить с матерью проблему, которую представляют посещения ребенком отца также и для нее, отец переживает это как простой отказ, как произвольное "нет". Было еще рано обсуждать эту проблематику, однако его "нет" на мой вопрос заставило его задуматься. Такие "первые шаги" на пути открытия собственной причастности к разочаровывающим ситуациям и возможных альтернатив очень важны. «Особенно плохо чувствую я себя, — продолжает он, — когда Руди снимает трубку. Если он спрашивает, когда я его заберу, я не

осмеливаюсь сказать что-то определенное до того, пока не получу подтверждение Евы. Он только говорит спокойно: "Алло", а мне уже плохо, я чувствую, что я для него больше не важен». Особенно мучительны для господина М. ситуации, когда он забирает ребенка. С виду отец и сын довольно дружелюбно приветствуют друг друга, но на него уже давит постыдность ситуации. Родители не обмениваются ни словом, мать деловито готовит к выходу Руди, который раздражен и непредсказуем, а отец молча стоит в стороне, "как шофер, который ждет пассажира, будто его все это не касается". Он рассказывает мне, что в такие минуты перед его мысленным взором воскресают картины когда-то счастливого брака. "Это же наша квартира, и я вижу, как мы вместе заботимся о нашем любимом мальчике. Я тоже хотел развода, но до сих пор не могу пережить всего того, что мы потеряли или бездумно сломали". Господин М. признается, что он до сих пор (или вновь?) находит свою бывшую жену привлекательной и эротичной, и чувствует себя ужасно униженным ее холодостью и игнорированием, несмотря на то что вот уже на протяжении двух месяцев он имеет новые, по его мнению, весьма удовлетворительные отношения. Думал ли он когда-нибудь о том, что его бывшая жена, может быть, испытывает такие же чувства и ее холодность не что иное, как оборонительная мера? Об этом, по его словам, он никогда не догадывался. Как он думает, спросил я его, знает ли его бывшая жена о том, что он испытывает в этой ситуации по отношению к ней. Он отрицательно отвечает и продолжает говорить: "Я стараюсь ни в коем случае не показывать раздражения. Я не сделаю ей такого одолжения!" И я спрашиваю себя, понимает ли этот мужчина, как его видимая непричастность может ранить мать, в то время как та до настоящего времени не нашла никаких новых самоутверждающих отношений. Думаю, что нет. Оба партнера склонны побороть свои обиды путем нанесения обиды другому. Из тона его ответа можно было понять, что в настоящий момент для него было очень важно изображать "непричастность" и что интеракциональные проблемы, в которых участвовало также его поведение, невозможно обсуждать, пока он не переработал свои личные проблемы отношений и разрыва. «В конце концов приходит самое ужасное, — продолжал он, — "тревога!", так я это называю: что мне делать, на что обратить внимание, о чем я должен думать и так далее. Я выслушиваю все это молча. Что я должен сказать? Я должен, собственно, закричать ей, что я сам знаю, что мне делать. Мне стыдно перед Руди, и я готов в этот момент сквозь землю провалиться!» Господин М. производит удручающее впечатление. "Потом мы, наконец, остаемся одни, — продолжает он, — и я должен бы теперь, собственно, радоваться прекрасным выходным дням с ребенком..." Но тут возникают трудности, не связанные непосредственно с матерью, но характерные для послеразводных отношений многих отцов с детьми, с которыми они не живут больше под одной крышей. Для господина М. выходные дни с сыном превращаются в задание вместо радости. Как выразить любовь к нему? Что делать, чтобы завоевать ответную любовь сына? Он боялся, что Руди может упрекать его разводом, но не решался спросить об этом. Вместо этого он стремился доставить мальчику как можно больше удовольствия, изобретал различные программы, становился своего рода аниматором, который к тому же постоянно боялся провала. В один из первых погожих весенних дней они посетили Пратер, чтобы покататься на автодроме. Но автодром оказался еще закрыт на зиму. "У меня было такое чувство, словно я потерпел поражение, как будто я что-то пообещал и не выполнил!" Мы выясняем, что господин М.

постоянно стыдился одной своей фантазии, а именно, что Руди может в один прекрасный момент собрать свои вещи и сказать: "Папа, что ты можешь мне предложить? Я поеду лучше опять к маме!" или: "Я не буду тебя больше навещать". Из-за этого каждое разочарование ребенка, его скука или раздражение казались ему угрожающими. Я вижу в этом феномен, который встречается иногда у разведенных отцов. В противовес "педагогизированию" отношений матери и ребенка после развода отцы переживают часто инфантилизацию не только по отношению к бывшей жене, но и при определенных обстоятельствах по отношению к детям. Например, господин М. попал в такую зависимость от своего сына, он боялся, что может потерять его любовь, если не будет "хорошим". При таких обстоятельствах, конечно, не удивляет и то, что дни посещений не могли стать днями незапятнанной радости, как он того себе желал. Господин М., очевидно, просто не имел представления о том, что он важен Руди просто как отец, что именно эти отношения нужны ребенку, а совсем не обязательно исключительные развлечения.

Об этом мы еще поговорим. Однако один фактор играет почти у всех этих неуверенных в своих отношениях с ребенком отцов известную роль. Собственно, было бы неверно говорить о "продолжении отношений ребенка с обоими родителями", потому что после разрыва родителей отношения ребенка с матерью и с отцом не могут быть прежними. Об изменениях отношений матери и ребенка мы уже неоднократно говорили. Что же касается отношений отца с ребенком*, то развод в большинстве случаев ставит обоих в совершенно необычную ситуацию: на протяжении долгого времени им приходится общаться исключительно друг с другом. В этом случае выпадение "третьего" в отношениях отца и ребенка становится еще более заметным, чем в отношениях

**Я говорю здесь о внешних приметах отношений, а не о внутренних изменениях, т.е. объектоотношениях.*

матери и ребенка, для которых уже задолго до развода исключительно двойственные отношения не были чем-то особенным. Непривычность этой ситуации оказалась трудной для отца еще и потому, что ему не хватает социальной компетентности, чтобы компенсировать отсутствие матери. Многие отцы никогда не учились подолгу играть с детьми, развлекаться с ними, они не очень хорошо понимают мир ребенка. Они привыкли к соединяющей роли присутствующей матери. Им приходилось оставаться один на один с ребенком в основном только в тех случаях, когда предполагалось "что-то предпринять". И именно к этому образцу отношений совершенно автоматически обратился господин М. Страх отцов, что они не выдержат парных отношений с ребенком, ведет к тому, что разведенные отцы очень скоро начинают искать "третий объект". Они едут в гости к бабушке с дедушкой, предлагают пригласить друзей, отсылают ребенка к соседским детям или же пытаются восстановить обычную тройственную констелляцию с новой подругой. И снова они недооценивают того значения, которое они персонально имеют для сына или дочери, и рассчитывают на то, что развлечение с другими будет им засчитано как отцовская заслуга. Но это не так. Эти отцы не видят, что их периферического присутствия в дни посещений недостаточно,

чтобы компенсировать повседневное отсутствие и из-за недооценки своей персоны лишают себя и ребенка большого шанса. Также и господину М. приходилось бороться с этой проблемой. «Я просто не знаю, как (!) играют с человечками из конструктора "лего". Мне ничего не приходит в голову!» "А что делает Руди в таких случаях?" — спрашиваю я. "Он говорит мне, как я должен играть". Господин М. заметно почувствовал облегчение, когда я ему сообщил, что достаточно и того, что он предлагает себя ребенку как товарища по игре и что дети таким положением вполне удовлетворяются и получают импульс к фантазированию.

Но тут обнаружилась еще одна сложная проблема: господину М. такого рода игра не приносила удовольствия. Недостаточно стресса, слишком мало идей; взаимное времяпрепровождение с Руди становилось для него еще и педагогическим долгом. Одной из задач консультации была также задача научить господина М. такому построению его отношений с сыном, чтобы они соответствовали его собственным желаниям и потребностям (конечно, учитывая интересы

ребенка).

Воскресенье до обеда было для него всегда лучшим временем. Отец и сын долго спали, завтракали в постели, возились, устраивали бои с подушками, беседовали о школе, футболе и о многом другом. "После обеда обычно создается критическая ситуация. Руди становится капризным, ему ничего не нравится, он начинает меня ругать, я тоже раздражаюсь, и мы ссоримся". Очевидно, предстоящая разлука трудна для мальчика. Всегда легче покинуть того, на кого ты зол. Господин М. хотя и чувствовал, что эти сцены связаны с ; расставанием, но из чувства вины избегал говорить об этом с Руди. Возвращение к матери происходило обычно в подавленном настроении для обоих. Когда приезжали домой, Руди очень быстро прощался и тут же уходил в свою комнату. "Еве говорю я тогда: "Итак, через четырнадцать дней. Когда я еду в лифте, мне хочется выть!" — говорит он в заключение, и я замечаю, что он борется со слезами. На мой вопрос, что приходит ему в голову по поводу этой сцены, господин М. отвечает спонтанно: "Развод, четыре месяца назад, когда я ушел с моим чемоданом. Каждое прощание — это как вновь переживаемый тот ужасный день!" Потом он подождал: "Когда Ева отказала мне три недели назад, я раздраженно отреагировал по телефону. Но, к своему ужасу, заметил, что мне стало легче". И после короткой паузы: "Я думаю, что же было причиной, что я в свое время выбрал именно ее!"

9.9. Отцы, которые (больше) не показываются

Ошибочное действие господина М. — он никак не мог вспомнить причину последнего отказа матери — представляется теперь в ином свете. Это он сам, подсознательно, желал этого отказа. И ему посчастливилось — он смог это частично почувствовать, что и помогло ему увидеть трудности его отношений к Руди, проистекавшие не только от матери, но и в какой-то мере и от него самого*.

Господин М. переживал критический период послеразводного отцовства. Он, еще переполненный чувством боли из-за потери семьи, от которой, очевидно, только поверхностно отвлек себя, вступив в новые отношения в высшей точке нарцисстического кризиса, должен был осознать, что те формы и характер, которые в дальнейшем будет принимать его отцовство, только усилят чувства боли, печали, унижения и неполноценности. Чем меньше удастся отцам выйти из этого кризиса отношений с матерью, ребенком и самим собой, тем больше вероятность, что они попытаются побороть эту невыносимую ситуацию путем постепенного или внезапного отхода. Конечно, невозможно представить себе это как сознательное решение, но мотивы отхода все же вступают в конфликт с отцовским чувством ответственности и любви к ребенку. К чему прибегают эти отцы довольно часто, так это к любой возможности, позволяющей

**По прошествии двух месяцев после начала консультаций ситуация отношений господина М. с Руди, а также и с его бывшей женой, заметно разрядилась. Спустя полгода, когда он приехал за Руди, он пригласил мать на чашку кофе. Через два дня она сама ему позвонила, чтобы впервые спросить, не может ли он в субботу, во внеочередной раз, взять ребенка, потому что ее пригласила подруга. Очевидно, мать в результате расслабления отношений была в состоянии воспользоваться в своих целях продолжающимся отцовством своего бывшего супруга. Все это было результатом маленького, почти незаметного изменения в поведении отца, что сыграло для матери роль освобождения от страха и восстановления нарцисстического равновесия, а также привело к дезагрессивизации отношений.*

переключать на "третьего" ответственность за отход. Для этого можно использовать перемены по службе: взятие на себя обязанностей, требующих частых выходных дней, и таким образом нередко отказы в визитах; командировки; изменение места жительства и т.д. Напряженные отношения с матерью также дают повод рационализировать отход отца.

Один из отцов рассказывал мне, что однажды после двух отказов в визитах со стороны матери он на протяжении нескольких недель не звонил. "Зачем мне опять звонить? У нее и так уже готова новая отговорка!" Другой отец постоянно в дни визитов ссорился с матерью. Он прекратил встречаться со своей дочерью, "чтобы избавить ее от этих сцен". Другие же просто "ресигнируют". "Если она (мать) не дает мне больше возможности быть отцом так, как я считаю было бы хорошо для ребенка — и не надо. Теперь ей удалось отнять у меня и ребенка!" Это не означает ничего иного, как то, что в это критическое время мать и отец при всех (внешних) противоречиях интересов тянут за один и тот же конец одного и того же каната: отец хочет (сознательно) видеть своего ребенка, но жалуется на то, что мать мешает ему в этом. Здесь читается тем не менее (подсознательная) потребность в отходе. Мать согласна (сознательно) продолжать отношения отца и ребенка, но при этом жалуется на его эгоизм и безответственность. В подобном положении тем не менее видно все же (подсознательное) желание держать ребенка только для себя и исключить отца из совместной жизни. Словом, особые желания матери и тенденция отца к ретировке работают вместе, образуя мощную "подсознательную коалицию", против которой другие сознательные мотивы как отца, так и матери не имеют шансов. Хотя у них

и присутствует законное желание дать ребенку возможность поддерживать отношения с обоими родителями, но оно остается невыполнимым.

10. "РАЗВЕДЕННЫЙ" РЕБЕНОК

К впечатляющим наблюдениям, создавшимся в ходе нашей работы с разведенными родителями, относится наблюдение о функционализации "педагогической ответственности" через личные желания и страхи родителей. Почти не бывает так, чтобы какая-нибудь мать сказала: "Моя дочь очень страдает из-за развода, и особенно ей плохо после посещений отца, так как она знает, что не сможет видеть его еще долгие недели. Я понимаю, что ей было бы легче, если бы она могла чаще его навещать. Но проблема заключается в том, что я просто не выношу, а порой прихожу в ярость, когда она говорит о нем, при этом я чувствую себя униженной и использованной". Едва ли какой-нибудь отец скажет: "Каждый раз, когда мальчик виснет на мне при прощании, я замечаю, насколько болезненна для него наша разлука, и как он хотел бы, чтобы мы снова были вместе". Гораздо чаще мать приходит к убеждению, что посещения вредят ребенку или что отец просто интерпретирует боль расставания своего сына таким образом, что тому, дескать, у матери не совсем хорошо. Трудность распознавания и умение одолеть противоречия между желаниями ребенка и своими собственными (или также между своими противоречивыми взглядами на педагогическую сторону проблемы и собственными эгоистическими побуждениями) стоят в одном ряду с отрицанием боли, которую родители неизбежно причиняют детям, если они разводятся. Недаром я начал настоящую книгу с размышлений именно о драматическом воздействии развода. Чувство вины, вызванное столь противоречивыми интересами, часто настолько невыносимо, что многим родителям не остается ничего более как либо зачеркнуть правомерность мотивов ребенка ("Я имею право на свои собственные потребности!"), либо же маскировать под интересы ребенка собственные потребности ("Я делаю это только в интересах ребенка!"). В случае спора привлекаются адвокаты, эксперты и судьи, которые подтверждают объективную действительность "педагогической идеологии" (рациональности) одного из родителей в ущерб другому. В результате большинство (непосредственных, ^ опосредованных) реакций ребенка на развод рассматривается не как главная проблема, которая должна беспокоить обоих родителей и заставить их что-то предпринимать совместно, а, наоборот, реакции детей часто используются при обоюдном конфликте в личных интересах — идет ли речь о продолжении супружеских конфликтов, которые невозможно было отрегулировать ни юридическими методами, ни разездом, или же об особых конфликтах, которые влечет за собой, или обнажает развод (ср. гл. 9). Таким образом, ребенок, страдающий ночным недержанием мочи, документирует, вот, мол, "что причинил ему отец", агрессивный ребенок доказывает "дурное влияние отца" или "настраивание его против матерью", спокойный и послушный говорит о том, "как ему хорошо живется со мной (одной)" и т.д.

10.1. Послеразводный кризис в объектоотношении к отцу

С этой точки зрения участие ребенка в конфликтных отношениях родителей после развода обычно более пассивно. Он кажется не преступником, а жертвой. Аффекты его поведения направлены на его намерения и функционализируются намерениями родителей. Намерения же ребенка направлены на обратимость или ограничение разлуки и присущих ей чувства боли и страха. Между тем мы уже много узнали о переживаниях развода ребенком для того, чтобы убедиться в том, что это только половина правды. Но не только душевные волнения родителей противоречивы. У большинства детей, контрастируя с их любовью к обоим родителям и их желаниями воссоединения, наблюдаются мощные тенденции, движущиеся в обратном направлении, а именно, в направлении исключения не несущего опеки родителя, сказать проще — отца.

* Мы уже говорили подробно о страхе, испытываемом ребенком из-за освобождающихся агрессий по отношению к матери, которую он тем не менее любит, и о том, как этот страх делает его (еще более) зависимым от матери. Но он может значительно уменьшиться, если агрессивность будет передвинута на отсутствующий и жизненно менее важный объект.

* Большинство страхов, которые переживают дети в своих первичных объектоотношениях, вызвано тем, что им грозит непосредственная опасность со стороны "злой" части родителей или родителей, ставших злыми. Эти страхи происходят из (селективного) восприятия родительского поведения, а также из фантазии и собственного проектирования. Концентрация (представляемой себе) опасности на отсутствующем родителе дает ребенку возможность чувствовать себя увереннее с постоянно присутствующим. Это передвижение страха*, благодаря воздействию проективных механизмов обороны ("я ожидаю/опасаюсь получить от тебя то, что я сам хотел тебе причинить/причинил"), является также непосредственным результатом передвинутой агрессивности.

* Чувство вины, которое развивают в себе дети в связи с разводом, может заставить возрасти особые страхи расплаты, направленные на отца. У мальчиков большую роль играют активированные эдиповы фантазии вины (отнять у папы маму, выжить отца, желать, чтобы тот исчез). У девочек чувство вины больше вращается вокруг лояльности, которую они (тем, что остаются с матерью) выказывают матери. Страхи, испытываемые многими

**Интересно, что в условиях развода первичные объекты, т.е. отец или мать, могут приобрести все свойства фобического объекта.*

девочками по отношению к отцу в эдиповом и постэдиповом возрасте, можно сравнить со страхами перед мстью обманутого любовника.

* Опекающий родитель, итак, чаще всего мать, порой становится (также) ненавидимым по той причине, что она отослала отца прочь, отняла у него ребенка, но отец является покинувшим,

тем, кто в действительности позволил отослать себя прочь без того, чтобы — в силу своей любви к ребенку — противостоять разлуке. Таким образом, большая часть нарцисстической обиды, которую испытывают дети в ходе развода, исходит от отца. Чем больше удастся ребенку уговорить себя, что он отца не так уж и любил, что без него тоже может быть хорошо,

что тот, собственно, плохой человек и надо быть как раз довольным, что его больше нет, тем меньше будет обида.

* Некоторые дети, наоборот, сохраняют обиду в своем сознании и не могут простить ее отцу (часто на протяжении всей жизни). И они также являются покинутыми любовниками и мстят за позор оказаться покинутыми.

* Иногда стремления, (позитивно) направленные на мать, могут быть обращены на отца. Так, эдипово чувство вины мальчиков является только обратной стороной желания жить с матерью вдвоем. Идентификация ребенка с матерью тоже может привести к тому, что он отказывается от отца.

Эти и другие мотивы образуют мощные противоположные течения против любви отца, против его важной роли для идентификации ребенка, против того его значения, которое должно защищать ребенка от сверхвласти матери и т.д. Психодинамическая проблема состоит в том, что развитые против отца раздражения, которые должны были бы служить преодолению обиды, чувства вины и страхов, на самом деле обостряют психические проблемы ребенка. Часто дети колеблются между горячей любовью и ненавистью. Проблема, с которой приходится бороться большинству детей, заключается в том, что передвижение агрессивности на отца хотя успокаивает и предохраняет объектоотношение к матери, тем не менее оно обостряет нарцисстические конфликты: "примиренные" отношения с матерью усиливают ее власть, заставляют ребенка чувствовать себя маленьким и полностью предоставленным в ее власть (а мальчики чувствуют себя не по-мужски или "лишенными мужественности"), из-за чего снова возрастает потребность в защищающем, придающем силу "третьем" объекте, отце. У других же детей можно наблюдать, что хотя чувство вины и проецируемые или передвинутые на отца страхи образуют сильную отвращающую тенденцию, но тем не менее своего рода контрфобическое противодвижение порождает ее комбинацию, в которой дети пытаются доказать, что опасности не существует и (или) пытаются примириться с отцом. Обе попытки в большинстве своем обречены на неудачу, потому что "опасность" отца исходит не из реального опыта отношений ребенка, а из того обстоятельства, что она постоянно вновь "выстраивается" самим ребенком в ходе его продолжающихся конфликтных объектоотношений с матерью. Особенно явно эти изнурительные амбивалентные конфликты проявились в поведении шестилетнего Николауса. Николаус в своем поведении по отношению к матери показывал, что он в большой степени идентифицирует себя с отцом, постоянно говорил о нем, рисунки, сделанные в детском саду, намеревался подарить отцу, и постоянно спрашивал по телефону, когда тот опять придет. Тем не менее в условленные дни посещения он прятался за диваном и не желал уходить с отцом из дому, кричал, когда мать хотела оставить его одного с отцом и даже часто бывал по-настоящему болен. Это были не просто

проблемы разлуки и перестройки, о которых мы говорили выше (ср. л. 9.1; 9.2), а, как показало обследование, — массивные страх и ярость, направленные на отца, которые особенно проявлялись, когда отношения с ним (тем не менее глубоко желанные) должны были стать "серьезными". При помощи такой дистанции он был в состоянии сохранять треугольное равновесие. Но не только страх перед отцом делал дни посещения такими опасными. Уход матери (или от матери) активировал выросшие в ходе развода и послеразводного кризиса опасения потерять (также) и мать. Было очевидным, что в повседневной жизни с матерью ему удавалось совладать с частью этих страхов: он контролировал их настолько, насколько это было в его силах, кроме того, ему легко удавалось осознать, что можно временно отказаться от общения с человеком, если ты знаешь, что он у тебя все еще есть; на верной дистанции времени и места он мог фантазировать себе отца как полноценный эрзац-объект и, наконец, идентификация с отцом давала ему часть силы и независимости по отношению к матери (хотя идентификация эта и была еще — или уже — недостаточно сильна, чтобы в действительности поддерживать с отцом контакт). Если мать удалялась, мальчика обуревал страх, что она может больше не вернуться. Итак, на примере Николауса мы видим, как связаны между собой амбивалентные конфликты ребенка в его объектоотношениях к обоим родителям, как тяжело бывает ребенку одновременно осознать мотивы:

- * удовлетворения (либидинозных, агрессивных и нарциссических) потребностей;
- * уверенности (обороны против угрожающих опасностей);
- * продолжения (первично либидинозных) отношений к матери и к отцу.

Не у всех детей, конечно, амбивалентные конфликты по отношению к отцу раскрываются так открыто, как у Николауса; часто они остаются полностью скрытыми (имеется в виду внешнее поведение) от постороннего наблюдателя, что зависит также в основном от качества отношений между матерью и отцом. Как правило, в условиях, когда мать представляет собой первичный, а отец вторичный объект, дети, что касается отца, перед лицом угрожающих конфликтов чаще прибегают к (моментальному или постоянному) подчинению и приспособлению, чем в конфликтах, относящихся к персоне матери. Таким образом может создасться впечатление, что послеразводный кризис (регрессии, деструктуризация) в основном направлен только на объектоотношения к матери, в то время как отношение к отцу из-за его (частичного) выпадения или из-за потери его освобождающей и выравнивающей функции триангулирования становится более весомым. Вначале я тоже разделял этот взгляд. Следуя этому, манифестный отказ от отца надо было бы понимать либо как (спонтанную) реакцию переживаний, либо, если он столь часто развивается лишь по прошествии определенного времени после развода, — как посттравматический симптом, который служит обороне против первичных конфликтов объектоотношений или страхов, направленных на мать. Однако в последнее время мне представилась гораздо большая возможность изучения отношений ребенка и отца в непосредственно послеразводный отрезок времени путем контактов с разведенными отцами, и я на основе нового опыта склоняюсь к выводу, что данный (посттравматический) отказ от отца

конституционирует механизмы обороны (перенос, проекция, отрицание, см. выше) уже перед посттравматическим разрешением конфликта и в результате становится действующим во время (острого) послеразводного кризиса. Во всяком случае (позитивное) значение отца остается (все еще) настолько большим, что это создает новое дополнительное поле психических конфликтов. Если это верно, то направленный на отца амбивалентный конфликт является своего рода "межсимптомом, который тем не менее не уменьшает, а, наоборот, обогащает страхи, активированные в ходе послеразводного кризиса. Или, иначе говоря, послеразводный кризис характеризуется обострением психических конфликтов ребенка в его объектоотношений к матери и к отцу.

10.2. Отказ от отца как особый вариант посттравматической симптоматики

Если окружающие не в состоянии оказать ребенку достаточную помощь, которая позволила бы ему, хотя и с болью, но без больших срывов личности, преодолеть развод (гл. 1), то "Я" ребенка прибегает к подсознательным механизмам обороны, которые, так сказать, временно кладут конец кризису, длящемуся порой недели, месяцы, а иногда и больше года, и вместе с тем опасной психической деструктуризации (гл. 2 и 3). "Посттравматической обороной" ребенок в известной степени переносится из психического хаоса послеразводного кризиса в собственное воссоздание. Путем процессов вытеснения, изменений влечений и схемы восприятия ребенок строит модифицированную систему себя-объекта и репрезентации отношений, новую сравнительно лишенную страхов "картину мира", которая обещает быть жизнеспособной. Подобное равновесие, конечно, достигается путем более или менее больших жертв со стороны "психического здоровья" или со стороны шансов развития и это могут быть невротические симптомы, ограничение способности к переживаниям и других функций "Я", (например, потеря или односторонность в познавательных и интеллектуальных способностях), другие укрепленные черты характера, и прежде всего повышенная диспозиция реагирования на трудные ситуации в дальнейшей жизни тяжелыми психическими заболеваниями и (или) потерей душевного равновесия*.

* К длительным воздействиям (ср. гл. 11).

Жизнь человека, и особенно ребенка, раскрывается в рамках (реальных и внутренних) отношений. Это действительно, конечно, и для (в широком смысле) невротических образований. Возьмем, например, подчиненность в качестве примера одного из невротических симптомов или невротического образования характера. Она проявляется (также) и тогда, когда часть ненависти, появившейся, например, в результате соперничества или отвергнутой любви, направляется против собственной персоны ("я ничего не стою; я не могу сравнить себя с ним (с нею) и поэтому я не имею права ничего желать") и, с другой стороны, превращается в чрезмерное восхищение и

переоценку объекта. Подчиненность метит, однако, и определенный образец объектоотношений, который в качестве вида внутренней модели применяется к различным объектам, переносится на них. У каждого человека есть определенное (часто очень ограниченное) число внутренних образцов объектоотношений, которые тесно связаны между собой. Нередко они имеют также оборонительную функцию. Так, подчиненность защищает от опасности как перед собственной агрессивностью, так и перед агрессивностью объекта. В определенных обстоятельствах отклонение объекта или обрыв отношений кажутся ребенку единственно возможным или наиболее приемлемым способом преодоления страха. Развитие подобного симптома или невротического образца объектоотношения можно себе представить в следующей упрощенной форме*: прежде всего ребенок любит своего папу, но он также испытывает печаль и ярость по отношению к нему, потому что тот его покинул. Если он время от времени с ним встречается, то это примиряет его. Таким образом он получает также что-то от отца. Эти чудесные часы он не хочет портить упреками и агрессиями — он забывает о них на эти несколько часов или

**Ср. (дифференцированное) теоретическое представление на с. 285 и далее.*

два дня, проведенных вместе. В промежутках же такое забывание становится все труднее осуществлять. От отсутствующего отца едва ли ребенок получает что-то, что могло бы смягчить его разочарование и гнев. К этому добавляются проблемы с мамой, страх, что она тоже может уйти, разочарование и гнев по тому поводу, что она не дает ему той любви, в которой он в настоящий момент столь нуждается, что у нее нет для него достаточно времени, она не воспринимает его всерьез и так далее. Но он ничего не может поделать и предоставлен полностью в ее власть. Это вызывает в ребенке гнев не только по отношению к матери, но вместе с тем по отношению к отцу, который бросил его в такой трудной ситуации, не помогает ему, не может показать ему выход. Чем глубже погружается ребенок в послеразводный кризис, тем "злее" (непонимающими, нелюбящими, невнимательными) становятся мать и отец в его глазах и тем труднее становится ему сохранять "хорошую мину" по поводу периодических посещений отца теперь, когда тот здесь, и, наконец, можно предъявить ему счет за его вину. Но он все еще очень боится потерять отца навсегда. Таким образом на какое-то время ему удается приспособиться и (или) подчиниться организации родителей и поддерживать составленную отцом программу посещений, что, однако, среди прочего, приводит к тому, что он в промежутках в совместной жизни с матерью все меньше в состоянии владеть своими агрессивными аффектами. И это делает его положение все более невыносимым. У него создается впечатление, что добрые образы (свойства) мамы и папы полностью потеряны, что, однако, должно означать — одному оказаться в мире, наполненном исключительно злыми объектами. Но он не может, себе такого позволить. Каждый ребенок (и только ли ребенок?) нуждается хотя бы в одной персоне, которой он мог бы доверять. Но кто это может быть? Ведь невозможно найти себе новых родителей. Итак, речь может идти только о маме или папе. Но оба они потеряли его доверие. Однако, с точки зрения

ребенка, имеются две сменяющие друг друга версии: мама считает только отца злым и виноватым, папа — исключительно маму. Если ребенку удастся подключить себя к одной из этих двух версий, то можно будет многого достигнуть: один, избранный таким образом родитель будет освобожден от вины и ребенок сможет снова ему доверять. Улучшение отношений не будет больше подвергаться опасности со стороны собственных агрессий, которые в дальнейшем он направит только на (одного) виноватого родителя. На него можно будет также взвалить и собственное мучительное чувство вины. Чем злее и недостойнее любви кажется тот, тем меньше поводов у ребенка доверять "этому человеку" в дальнейшем и в будущем развод начинает ему казаться лучшим разрешением проблемы. К этому добавляется, что ребенок замечает, как хорошо действуют его "взгляды" на родителя, освобожденного таким образом от вины. Снова просыпаются все желания по поводу двойственного союза и неделимого внимания со стороны одного из родителей.

Но кто из обоих должен стать высоким избранником? Для большинства детей, в основном для тех, кто после развода остается с матерью, в высшей точке кризиса ко времени ставших невыносимыми страхов решение вполне объяснимо — это мама. И именно по двум совершенно равноценным причинам. Во-первых, потому что чаще всего у маленьких детей мать репрезентует собой хотя и не всегда желаннейший, но зато необходимейший объект и, во-вторых, это было бы невыносимо жить вместе с отклоненным объектом, который едва ли воспринимался бы как любимый*. Таким образом, отец приносится в жертву

**Ср. в противоположность к этому Ютту (с. 269), которая под давлением мучительного чувства вины повела себя по-другому и приняла решение в пользу отсутствующего отца.*

восстановления психического равновесия. И наступает день, когда ребенок дает понять, что он не хочет больше видеть отца...

Функция этого образца обороны настолько ясна, что следует задать себе вопрос, почему не все дети реагируют так, почему отклонение отца не является обычной составной частью разрешения посттравматических конфликтов? На этот вопрос отвечает взгляд на детали изложенного выше повествования. Решения (конечно, большей частью подсознательные), приводящие к отклонению отца, зависят, собственно, от условий, восприятия и специфических оценок ребенка, которые не являются независимыми от поведения окружающих. Исходя из моего опыта, вероятность такого отклонения тем больше:

- * чем важнее и интенсивнее были у ребенка отношения с матерью по сравнению с отношениями с отцом уже перед разводом**;
- * чем глубже погружается ребенок в послеразводный кризис;
- * чем дольше ребенок не видит отца в это трудное время или чем реже он с ним встречается;
- * чем больше разочарования оставляют после себя посещения отца;

* чем яснее родители отрицают общую вину и, таким образом, делают другого (злым) носителем вины;

* чем яснее показывают они ребенку свою ненависть друг к другу и каждый подчеркивает непростительность поведения другого.

Если же в противном случае отец приобрел бы для ребенка повышенное психическое значение, то тот стал бы бороться за сохранение этих отношений; если возникающие после

***Важность объектоотношения умышленно поставлена на первое место. Она не обязательно соответствует интенсивности внешних отношений: ср. некоторые различные триангулярные функции отцовского объектоотношения.*

развода страхи удерживаются в рамках и могут смягчиться, то в массивных стратегиях обороны просто нет необходимости; если ребенок видит отца регулярно и тот принимает участие в его жизни, то смягчаются его гнев и разочарование; чем более удовлетворяюще оформляются контакты, тем, с одной стороны, привлекательнее остается отец и, с другой, — тем больше повышается вероятность разрядки накала конфликтов объектоотношения с матерью; наконец, общая ответственность родителей за причиненную ему боль лишает ребенка модели разрешения своего конфликта при помощи "козла отпущения" и предлагает на ее место альтернативу прощения и нового доверия. Ни одно из этих обстоятельств само по себе не в состоянии детерминировать решение ребенка "за" и "против" продолжения отношений с отцом. Однако, взаимно дополняя друг друга, они становятся возможным фактором влияния.

Отклонение отца является вариантом посттравматического разрешения конфликтов, который встречается гораздо чаще, чем это можно предположить, взирая со стороны. Оно не обязательно выражается в открытом нежелании посещать отца. Антону двенадцать лет. Его родители развелись пять лет назад. С тех пор он навещает отца регулярно каждые вторые выходные. И так, с виду кажется все хорошо. Но именно только с виду. В ходе тестового обследования можно было установить, что он так никогда и не простил своему отцу, что отец для него "умер". Вначале Антон признавал посещения, потому что мать просила его об этом, опасаясь ссор с бывшим супругом, финансовых осложнений и т.п. Постепенно выстроил он себе там свой "собственный Мир". У него были друзья, поблизости находились озеро для купания, лужайки и лес, хорошие условия для езды на велосипеде, в его распоряжение был предоставлен компьютер для игр, видеотека и т.д. С отцом у него едва ли был тесный контакт. Антон научился использовать его дом и благосостояние, тот стал для него чем-то вроде великодушного дяди или хозяина. Как отца же он его после первых месяцев, которые следовали за разводом, более не воспринимал. Мать протестовала против контактов между отцом и мальчиком прежде всего потому, что опасалась, что ее бывшему мужу материальным великодушием удастся купить любовь ребенка и отнять его у нее. Когда она пришла к соглашению со своим бывшим супругом, то показала ребенку модель отношений: экономически использовать отца. В сильной идентификации с матерью сделал он эту

модель своей. Он воспринимал отца без благодарности, рассматривая все, что тот делал как "долг и обязанность", и едва ли засчитывал ему что-либо в заслугу. Отец в силу разочарований и неуверенности, которые он переживал в отношениях с сыном, позволил соблазнить себя возможностью замены своей персоны материальным благосостоянием, вместо того чтобы добиваться активных эмоциональных отношений с ребенком, т.е. нового примирения.

Характер, который Антон придавал своему объектоотношению к отцу после развода, создавался не без участия его родителей. Однако в первую очередь на этом примере особенно чеканного "симптома" я хочу еще раз показать, что в послеразводных отношениях и сами дети принимают совершенно персональное и активное участие. И именно с двух позиций, как мы наблюдали и у родителей (гл. 1, 2, 9): во-первых, они ни в коем случае не являются только реагирующими, а своим поведением влияют на поведение родителей. Часто случается, что дети на стадии острой амбивалентности по отношению к отцу настолько неохотно позволяют им себя забирать и по причине отсутствия радости в течение совместного времяпрепровождения настолько разочаровывают отца и вселяют в него неуверенность, что тот все меньше стремится интенсифицировать с ними контакт. Если ребенок совсем или частично (как Антон) в ходе посттравматической обороны отклоняет отца, то это заставляет того ресигнировать. Отец отступает или удовлетворяется неодушевленной ролью. Во-вторых, я попытался показать, что с детьми не просто "случается" такое поведение или вид поведения, который упирается в интеракциональное развитие или акцентирует его, а у них имеется важная подсознательная оценка, чем они помогают себе успокоить свои мучительные психические конфликты, которые опять же обусловлены влиянием окружающих. В конце предыдущей главы (с. 283) я писал, что семейные констелляции после развода часто обязаны "подсознательным коалициям" родителей. В том же смысле мне хочется дополнить взгляд на подсознательные душевные процессы ребенка: к этим послеразводным констелляциям относятся (как минимум) три...

10.3. Мама здесь, папа там... Особенности сепаратных объектоотношений

Психические конфликты детей и родителей, как и конфликты, возникающие между родителями, чеканят жизнь разведенных семей на протяжении многих лет. Но это не просто гипотеза развода, которая создает особенности жизни после расторжения брака. Независимо от этого наследства жизнь в разводе изменяет условия жизни ребенка в весьма серьезном отношении: ребенку приходится отдельно переживать свое отношение к отцу и свое отношение к матери. И это в трех аспектах; во-первых, оба отношения разделены местом, во-вторых, ребенок проводит основное время с одним и только определенное время с другим родителем, и, в-третьих, разделение предполагает исключение, что называется, ребенок находится или с одним родителем, или с другим. После развода отношения в одно и то же время и в одном и том же месте с двумя родителями — это тот опыт, в котором ребенку теперь отказано, даже если родители не борются между собой и частично делят друг с другом ответственность за воспитание.

Для того, чтобы понять психологическое значение выпадения (внешней) триангулярной

системы отношений, мы хотим соответственно обследовать определенное число психологически важных функций развития триангулярной системы отношений, существующей в нормальных семьях, и посмотреть, не могут ли эти функции быть восприняты разведенными семьями или в какой степени это разделение объектоотношений может быть оценено как дефицитное (в отношении психологического развития). Поскольку здесь речь идет не о воздействии персональных конфликтов и конфликтов отношений, как в предыдущих отрывках, а о структурных отметинах разведенных семей, то я в данном сравнении прибегаю к примеру, с одной стороны, в среднем хорошей семье с двумя родителями и, с другой стороны, непривычно хорошо функционирующей разведенной семье: мы хотим предположить, что отец, мать и дети хорошо сообразовались с обстановкой; отец каждые вторые выходные берет детей, которые охотно проводят с ним время, (все еще или опять) любят его и знают, что имеют на это право (при поддержке матери); в промежутках время от времени коротко с ним контактируют, поскольку отец достигаем посредством телефона*; и что социальная и экономическая ситуация родителей вполне удовлетворительна. Необходимо также дальнейшее условие для того, чтобы не исказить сравнение: у обоих родителей нет еще постоянного партнера.

**Доказано, что возможность в любое время застать отца телефонным звонком для ребенка намного выгоднее, чем регулярные звонки отца. Таким образом ребенок может иметь контакт с отцом тогда, когда он в нем нуждается в ином случае может легко случиться, что ребенок (болезненно) осознает разлуку с отцом именно в тот момент, когда он занят другими делами и именно сейчас не очень страдает из-за таковой.*

а) Облегчение конфликта путем триангулирования: Я уже не раз указывал на то огромное значение, которое имеет "третий объект" для облегчения конфликтов объектоотношения. В первые три года жизни оно рассматривается как одно из необходимейших условий для успеха процесса индивидуализации (см. гл. 5). Но и в дальнейшем, и, пожалуй, на протяжении всей жизни существование доброго, любящего "третьего объекта" помогает компенсировать безрадостные напряжения, возникающие в другом объектоотношении, нейтрализовать агрессии и смягчить страхи. Колебание в сторону доступного "третьего объекта" повышает таким образом шансы разрешения конфликтов объектоотношении иным способом, а не путем преимущественно подсознательных, патогенных механизмов обороны.

В этом отношении разведенная семья, несомненно, испытывает дефицит и тем сильнее, чем ребенок моложе. Маленькие дети в случае неудач, гнева или растерянности нуждаются в уравнивающем объекте сейчас же и здесь же. Ждать до вечера, это еще куда ни шло. Можно надуться, сердиться на маму и представлять себе, как вечером вместе с папой он будет ее игнорировать. Но малыш не может утешать себя таким образом на протяжении недели или четырнадцати дней. Поэтому он чувствует себя зависимым от матери и не в состоянии уйти от конфликта. Только при очень и очень счастливых обстоятельствах старшим детям (около семи лет) удастся частично компенсировать этот дефицит при помощи фантазирования ("Папа поступил бы сейчас совсем по-другому" или: "Когда я опять буду у него, то я..." и т.д.).

К этому добавляется то, что колебание ребенка в сторону присутствующего отца легче признается матерью, а часто и с ее стороны воспринимается как облегчение. Если же между разведенной матерью и ребенком возникает ссора и ребенок начинает говорить об отце (или даже кидается к телефону), легко может произойти такое, что ее гнев еще больше возрастет (нередко тогда доходит до таких высказываний, как: "Ты можешь уходить, если считаешь, что это для тебя лучше, никто тебя не держит!" Матери чаще всего не понимают, что они делают такими высказываниями, и даже гордятся, если ребенок после этого чувствует себя побежденным. При этом они ему практически говорят: "Ты мне не дорог, ты можешь идти и я не буду плакать"...)

б) Коалиция против "предпочитаемого брата или сестры": особенная форма "облегчения конфликтов путем триангулирования". Как минимум, вечером или в выходные дни отец может предложить себя в качестве доверенного лица, если у ребенка возникает чувство, что мать предпочитает ему брата или сестру. Такое ожидание может быть также утешительным в течение дня. Подобное облегчение — более чем простая компенсация. Оно помогает ребенку во внутренней акцептации, особенно если речь идет о маленьком брате или сестре, которые требуют большей заботы матери, и ребенок в таких случаях не чувствует себя менее любимым ею.

Отец, которого ребенок навещает каждые четырнадцать дней, едва ли может выполнить эту функцию. Наоборот, здесь возникает опасность, что он, если остается один с детьми, по необходимости репродуцирует "предпочтение" по отношению к младшему. Поэтому, если имеется более одного ребенка, важно, чтобы отец виделся с каждым отдельно и так организовывать посещения, чтобы он находил время заниматься с каждым из них отдельно и соответственно возрасту. Это сделало бы возможным некоторое "нарцисстическое уравнивание" и могло бы также приносить (старшим детям) облегчение, особенно если они имеют возможность говорить иногда о своих обидах и проблемах. (Навещаемый отец в действительности не в состоянии смягчить соперничество детей по отношению к матери. в) Обоюдная помощь родителей друг к другу в том, чтобы понять ребенка: каждому, кто имеет дело с детьми, знаком тот феномен, что взрослому только тогда удастся сильная идентификация с ребенком и он способен понять его чувства и точку зрения, когда он становится постоянным свидетелем разногласий ребенка с другим взрослым. Этот феномен играет большую роль и в семье. Никогда отец не бывает так полон понимания и чувств по отношению к сыну или дочке как в то время, когда мать особенно строга и настаивает на соблюдении порядка или наказывает за проступки и наоборот. Эта идентификация с ребенком является одним из условий возможности триангулярного облегчения. Исходя из этого, она влечет за собой два последующих важных эффекта: во-первых, незамешанный родитель, идентифицирующий себя с ребенком, может помочь другому вновь приобрести дистанцию по отношению к имеющейся проблеме и таким образом лучше понять, что же на самом деле произошло. Так мать может увидеть, что там, где она усмотрела агрессивный акт против себя, была просто бездумность и возбужденность, или отец поймет, что ребенок не просто "эгоистично и из желания показать себя" помешал разговору, а хотел поделиться с папой ужасно важной новостью и т.д. Одним словом, родители помогают друг другу в какой-то степени совершать педагогическую "ревизию". Второй эффект состоит в том, что

идентификации, провоцируемые повседневными конфликтами, могут повысить общую способность к сочувствию не замешанного родителя.*

Этот педагогический "механизм поправок" полностью выпадает, если второй родитель не живет больше под одной крышей. Конфликты по поводу желаний, правил и поступков

**Если же между родителями существует агрессивное напряжение, то идентификация незамешанного родителя с ребенком выглядит скорее как ссора, а не как желаемое понимание и помощь.*

между детьми и одинокими матерями, как правило, более интенсивны, воспринимаются (со стороны матерей) более личностно, характеризуются большим упрямством и заставляют ребенка, менее понимаемого в его мотивах, в высокой степени почувствовать свое бессилие, которое опять же является новым основанием для дальнейших конфликтов. Эта функция отца также едва ли может быть воспринята другими персонами. Во-первых, потому что они слишком редко присутствуют, во-вторых, они не хотят "вмешиваться" и, в-третьих, матери (или отцу) такое вмешательство не понравится (например, если это вмешательство собственных родителей).

г) Разделение взрослого и детского мира: в обоюдном партнерстве мужчина и женщина могут удовлетворить большую часть своих сексуальных, любовных и коммуникативных потребностей, вместе разрешать проблемы и т.д. Это дает им определенную свободу и возможность в своих отношениях с детьми быть преимущественно родителями. Для детей это означает оказаться освобожденным от чувства ответственности за благополучие родителей. Они могут оставаться детьми, что основательно меняется после развода. В большинстве случаев поведение, характер и любовь ребенка, его развитие, его школьные успехи и т.д. являются для женщины, редуцированной в мать, основным критерием ее благополучия. Удовлетворить мать, не разочаровать ее или не обидеть — это становится возможным мотивом, который вступает в конфликт с детски эгоистическими желаниями, нарцисстическими и агрессивными побуждениями. В какой степени будет замечен этот дефицит, зависит, конечно, большей частью, от персонального стиля жизни, которого придерживается мать после развода. Ее социальные контакты, сексуальные отношения, спортивные, художественные и другие увлечения, а также профессиональная удовлетворенность и успех могут освободить ребенка от вынужденной роли замены партнера. Поэтому так важно, чтобы разведенные женщины после первых месяцев (необходимой) сверхзаботы по возможности как можно скорее снова возвращались к нормальной "взрослой" жизни и ни в коем случае не стремились "оставаться только матерями".

д) Не следует бояться споров и различия мнений: когда папа или мама злы на маленького ребенка, это вызывает у того страх: "Будут ли они снова хорошими? Будут ли они его еще любить?" Если дети злы на маму или папу, это у них также вызывает страх: "Исполнятся ли мои злые пожелания? Простят ли они мне или будут мстить?" (Абсолютно нормальные для маленьких детей) садистские побуждения и пожелания смерти по отношению к любимым объектам, как правило, между четвертым и шестым годами жизни значительно вытесняются или превращаются

в менее предосудительные*. Ребенок учится часть своих (неизбежных) повседневных агрессий переживать довольно бесстрашно. Он способен на такое, поскольку видит, что его агрессивные желания и фантазии не исполняются, что со стороны родителей не грозит никакая ужасная расплата и, наконец, — на модели родителей, — что временные разногласия и различия мнений не являются катастрофой, так как за ними всегда следует примирение**.

Для детей развода это с самого начала очень трудно. Если даже развод и не кажется им (особенно маленьким детям, что случается очень часто) исполнением их агрессивных

**Конечно, интенсивность агрессивных желаний - и ими активируемых страхов - очень разная у различных детей. Вид и масштаб обороны решают, выиграет ли "Я" ребенка в свободе действий или проиграет (ср. также экскурс на с. 197 и далее).*

***Позитивная оценка конфликтов между родителями имеет в виду, конечно, не такие супружеские отношения, в которых массивные ссоры и насилие -обычное явление и в лучшем случае время от времени появляется затишье, однако так никогда и не доходит до (полного любви) примирения.*

желаний, а также и их страхов расплаты, то они получают доказательство тому, что различие мнений между родителями и вправду привело к разрыву и что их обоюдная любовь потерпела крах. Тем более эти дети нуждаются в модели обращения с агрессивностью, которая не подвергала бы опасности ни их самих, ни других и не разрушала бы отношений. Родители, живущие отдельно, абсолютно не годятся в качестве такой модели. Во-первых, потому что они потерпели поражение, во-вторых, потому что почти любое разногласие между разведенными родителями приводит ребенка к конфликту лояльности и вызывает новые (часто безосновательные) страхи потери. Одиноким матери и отцы едва ли в состоянии предоставить детям альтернативу модели конфликтов и агрессивности.

е) Брак как модель гетеросексуального партнерства: любовные и партнерские отношения, по сути, имеют два подсознательных корня: процессы перенесения и идентификации. Во-первых, человек переносит на партнера образцы объектоотношений собственного детства, что в подсознании превращает его в какой-то степени в отца, в мать (может быть, в брата или бабушку), и, во-вторых, человек идентифицирует себя с собственным отцом и (или) матерью и даже с их обоюдными отношениями. В конце концов брак становится центральной подсознательной моделью позднейшего оформления отношений (даже и тогда, когда дети со временем испытывают желание дистанцирования по отношению к определенным интеракциональным образцам родительского супружества). При этом, с одной стороны, речь идет об определенном модусе отношений и, с другой, — на это мне хочется обратить особое внимание — о принципиальной вере в возможность удовлетворительных отношений между мужчиной и женщиной.

Как и в отношении умения обихода с агрессивностью, так и здесь, у детей разведенных (и не имеющих партнеров) родителей отсутствует такая модель. А точнее сказать, эти дети идентифицируют себя с представлением о том, что отношения мужчины и женщины на самом

деле не имеют настоящих шансов.

ж) Компенсационное триангулирование: в треугольной семье отец как минимум частично может прийти на помощь там, где мать по причине актуальных нагрузок и прежде всего, исходя из специфически личностных качеств, не в состоянии исполнить законные и важные для психического развития ребенка запросы (и наоборот) (гл. 5.5). Как и все процессы триангулирования или описанные выше "ревизии" родителей, компенсационное триангулирование делает возможным более чем уравнивание материнского (или отцовского) дефицита: обоюдный приход на помощь защищает данное объектоотношение от слишком высокой амбивалентности или, проще сказать, если отец часто обнимает ребенка, берет его на руки, носит и поет ему успокаивающие песни, ребенок легче переносит неспособность матери к подобной интимности. Он меньше ее упрекает и не делает из этого вывода, что мать недостаточно его любит.

Мы уже говорили о том, что там, где компенсационное триангулирование играло необыкновенную роль для сохранения психического равновесия и для психического развития ребенка, развод особенно драматичен. Также и здесь психологическая проблема заключается не просто в расставании, а в необходимости жизни в разлуке. При условии сепаратных объектоотношений, хотя отец все еще и играет уравнивающую роль, но триангулирование, т.е. здесь — выравнивающее участие также в материнском объекте — более не получается. "Недостатки" матери становятся очевидными или, с точки зрения ребенка: "Я не только вижу папу намного реже, но и мама изменилась ко мне..."

з) Мир отца: значение отца не исчерпывается лишь его ролью "третьего" объекта и партнера матери. Он представляет собой мужественную сторону жизни. Несмотря на то что за последние десятилетия общественное понимание по поводу того, что (кроме биологических функций) характеризует "мужское" и "женское", значительно изменилось, тем не менее в любой эпохе, как и сегодня, существует разделение ролей между мужчиной и женщиной или отцом и матерью по половому признаку. В семейных рамках такое разделение ролей является не только соизмерительным для развития детского представления о том, что такое мужчина и что такое женщина (см. ниже), но ложится в основу, при всем индивидуальном различии семей, специфического "распределения" по половому признаку работы в деле воспитания. Из моего опыта, для развития ребенка в большинстве семей мужчина/отец выполняет особые следующие функции:

*репрезентация "внешнего мира"; в большой степени "неранимость" в отношении поступков и нападений ребенка;

*репрезентация свойств: "большой, "сильный" или вытекающих отсюда "конкурентоспособный", "способный к самоутверждению",

*и наконец, в дальнейшей жизни репрезентация профессионального успеха *и общественного положения

С репрезентацией "внешнего мира" мы познакомились как с частью отцовских функций в процессе раннего триангулирования (гл. 5). И это является функцией, которая, по моему опыту, только с очень большим трудом может быть в дальнейшем воспринята женским "третьим" объектом. Причина заключается в том, что другие женщины, с которыми тесно общается ребенок (бабушка, няня, подруга), чаще всего идентифицируются с матерью или с материнским образцом отношений. Отсюда вытекает, что они, подобно

Ср. также: объединенные эмпирические исследования в этой области: (1985).

первичному объекту (итак, матери), скорее приближаются к модусу отношения: держание на руках, защита, близость, кормление и др. Женщины (находящиеся поблизости) по причине физических признаков, голоса активируют у младенца специфические потребности и ожидания, направленные на мать. Но отцы также частично идентифицируются в материнский объект, иначе они не могли бы исполнять функцию "отстоящего острова" (ср. с. 138). Мужчины, однако, не могут найти исполнение роли "второй матери" по-другому, чем женщины. Если их тщеславие толкает к намерению уязвить мать в качестве "лучшей матери" (что ведет к тяжелым осложнениям для ребенка и для брака), то им не остается ничего более как, подобно матери, ограничить свою мужественность по отношению к ребенку. К этому присоединяется и то, что в подсознании мужчины ребенок является, скорее, продуктом собственного тела, чем его частью и только в небольшой мере пробуждает инстинкт защиты. Отцы в общем и играют с детьми более рискованно и неосторожно. Таким образом, для маленького ребенка он становится источником своего рода удовольствия и радости, который происходит извне, т.е. не из возможности тесного (нового) воссоединения с матерью.

Я говорю о данном аспекте раннего триангулирования так подробно потому, что уже в раннем возрасте (вторая половина первого года жизни) происходит раннее дифференцирование объектоотношений, которые специфическим образом ассоциируются с понятиями "отец" и "мать" или "мужчина" и "женщина". И не только со стороны ребенка, но и в самопонимании родителей. Как я понимаю себя в качестве отца или матери, имеет свою историю, которая уходит своими корнями в первый год моей жизни. Поэтому как для ребенка, так и для разведенной матери, в дальнейшем является чрезвычайно сложным, почти невозможным интегрировать в свои внутренние отношения матери и ребенка мужские или отцовские аспекты. (То же самое действительно, разумеется, и для отношений отца и ребенка, что тем не менее во время коротких контактов посещений не столь важно, хотя для маленьких детей во время отпуска остается тоже существенным.)

О значении "неранимости" родителей мы уже говорили. И в общем отцы являются в известной степени менее ранимыми по отношению к агрессивному поведению детей и конфликтам, чем матери (ср. гл. 9.6). Иначе говоря, они принимают не столь на свой счет то, что

называется "непослушанием", "озорством", "бездумностью" и т.д.; они более в состоянии, даже не одобряя совершенного или запланированного действия, акцептировать само желание, касающееся этого действия. Им легче поэтому удается в конфликтных ситуациях сказать "Нет, потому что..." и при этом не злиться и не упрекать в том, что вообще дело дошло до конфликта ("Ты опять начинаешь..."; "Не мог бы ты быть повнимательнее?"; "Ведь и требуется от тебя немного..." и т.д.). Подобное поведение освобождает ребенка от чувства вины, а также от необходимости освобождения от этого чувства путем доказательства своей правоты, сопротивления и агрессии. Он не чувствует себя по данной причине непременно свободнее, но зато знает, что воспринимается всерьез и в состоянии, со своей стороны, акцептировать ограничения отца*. Это образует как для матери, так и для ребенка освобождение, которого они лишаются, когда отец перестает быть частью их повседневной жизни. Здесь следует искать еще одну причину высокой конфликтности

**То, что дети в общем легче акцептируют привнесенные отцом ограничения, чем те, которые исходят от матери, имеет, конечно, и другие основания, которые связаны с различием объектоотношений и с активированными внутри объектоотношений желаниями и влечениями.*

отношений между разведенными матерями и их детьми. Что касается как действительного поведения, так и соответствующих оценок, то сила, конкурентоспособность, умение настоять на своем в нашем обществе являются первичными мужскими признаками и это не нуждается в дальнейшем обсуждении. Для детей, которые большую часть времени вынуждены жить без отца (прежде всего в возрасте между пятью и десятью годами), в этом отношении речь идет о таких важных измерениях поведения и представлений, как о выпадении акцептируемого партнера, а также объекта идентификации. (Также и для девочек в условиях изменяющихся общественных условий частичная идентификация с таким "мужским" поведением очень важна.) Но в разведенных семьях все же имеются шансы частичного восполнения дефицита, и именно, с одной стороны, если отец продолжает частично исполнять эту функцию и контакт с детьми регулярен и интенсивен и, с другой — остальные мужские персоны — дедушка, дядя, воспитатель и т.д., если ребенок им доверяет и симпатизирует, — в этом отношении могут частично заменить отца. Это распространяется также и на последний пункт: профессиональный успех и общественное положение. С возрастающей профессиональной квалификацией женщин возрастает также вероятность, что эта репрезентация не обязательно должна рассматриваться как специфически мужская.

и) Триангулирование и развитие сексуальной идентичности: для построения триангулярного образца отношений время между четвертым и седьмым годами жизни, итак, эдипова фаза, имеет решающее значение. В этот период поиск ребенком своей сексуальной идентичности начинает играть особенно большую роль. Оба процесса тесно сплетены друг с другом и определяют образование конфликтов данного времени (ср. гл. 6). Мы уже представили, какие последствия в

развития влечет за собой отсутствие в эти годы отца, который любит ребенка и мать (гл. 6.1). Но хочется посмотреть, какое значение должно приобрести разделение объектоотношений в тех условиях, когда ребенок уже совершил эти шаги развития и в ходе переживаний развода не познал основательного срыва своих структурных достижений (ср. к этому гл. 6.2). Если в психоанализе речь идет о том, что идентификация с однополым родителем кончается эдиповым комплексом, то это не следует, конечно, понимать так, что при идентификации речь идет о пунктуальном процессе. Идентификации должны постоянно предприниматься и обновляться. Чем меньше возможностей в приобретении "реального" опыта общения с отцом имеют мальчики, тем больше вероятность идентификации с искаженным образом отца, который может содержать в себе как его идеализацию, так и пренебрежение к нему, но при лишении возможности корректировки этих искажений путем повседневного опыта. Оба варианта, идентификация с пренебрегаемым или идеализируемым объектом, являются исходным пунктом для мучительных переживаний. В одном случае по той причине, что мальчик впитывает часть этой идентификации, но она (к примеру, в мире, доминируемом матерью) "не действует", в другом — потому что он стремится к идеалу, который в реальности (при определенных обстоятельствах на протяжении всей жизни) остается недостижимым. К этому добавляется и то, что при идентификации (с точки зрения психологического восприятия) речь идет об иллюзии. Это означает, однако, что шестисемилетний ребенок только так долго может бесконфликтно вынашивать свое представление о том, что он "мужчина, как папа", пока он в состоянии в действительности исполнять задания как "настоящий мужчина": удовлетворять мать (прежде всего, сексуально), защищать семью, иметь успех и * т.д. Если отец исполняет эти задания, то ребенок в состоянии как бы принимать в этом участие, отец, в известной степени, "магическим" образом приходит на помощь мужским иллюзиям своего сына*. Без этой помощи реальность грозит сорвать такую мужскую идентификацию. Столь тяжело переживаемое ущемление самочувствия образует мощный импульс для усиленного вида идентификации с достижимым сильным объектом: с матерью.

Кажется, что девочкам в этом отношении лучше. Отсутствие отца не влияет на столь важную для развития их личности идентификацию с матерью. Но сексуальная идентичность развивается также и из опыта с разнополым любовным объектом. И здесь маленькой девочке, как и мальчику, приходится бороться с идеализацией или пренебрежением к отсутствующему отцу, но только для девочки это идеализация/пренебрежение к отцовско-мужскому объекту, что охватывает пространство от никчемного презираемого мужчины (отца) до представления о "настоящем мужчине" (отце), которого она будет (иногда всю жизнь) напрасно искать. Вторая проблема девочки заключается в том, что любовное отношение к отцу также имеет функцией компенсацию ранних женских комплексов неполноценности (ср. экскурс с. 150 и далее). Быть "без отца" может приобрести подсознательное значение быть "неполноценной" ("без пениса"). К этому еще может добавиться, что девочка переживает внешний мир, по сравнению с матерью, слабыми и недостаточно богатыми успехами, и это может привести к заметным деформациям представлений об образе женщины: быть женщиной означает быть неполноценной, ущемленной, беспомощной, ненужной и несчастной.

Вопрос заключается в том, всегда ли бывает именно так или хорошо функционирующая разведенная семья все же несет в себе возможности руководства основными влияниями

**На совершенно таком же механизме "магической помощи" базируется также симбиотическая иллюзия новорожденных (ср. экскурс с. 119и далее).*

на развитие сексуальной идентификации. Я думаю, что эти возможности имеются, если к простому "хорошему функционированию", как это дефинировалось выше (с. 299), добавляются три признака: во-первых, к отношениям детей с разведенным отцом должна добавляться известная повседневность для того, чтобы затруднить (столь далекую от реальности) идеализацию (пренебрежение). "Кирпичами" интеграции в повседневность отсутствующего отца являются неформальные и телефонные контакты, информирование отца (прежде всего о том, что переживают дети в промежутках между посещениями), информирование детей о том, что делает отец, атмосфера, которая позволила бы говорить с матерью об отце, в известной степени общая ответственность за воспитание, что касается также того, чтобы отец вмешивался в повседневные педагогические задания (ср., напр., с. 259, 273), и, наконец, возможность время от времени проводить с отцом более или менее длительное время в повседневных контактах (например, короткие отпуска). Во-вторых, было бы желательно для детей (как уже говорилось выше, ср. с. 304), чтобы мать хорошо себя чувствовала и вела внесемейную социальную жизнь. Мальчики тогда будут меньше обременены той проблемой, что их для матери (как мужчины) недостаточно; у девочки же появится сильный и удовлетворяющий объект идентификации. Наконец — и это действительно для проблем, о которых говорилось в предыдущем отрывке (ж), — разведенные и одинокие матери должны стараться интенсифицировать контакты детей с мужскими доверенными персонами (например, с дедушкой, дядей, воспитателями в лагере). Тем более что сегодня так обстоят дела, что детям вне дома также приходится в основном общаться со взрослыми женщинами: нянями, воспитательницами, учительницами, женщинами- психологами и даже в доминирующе мужской медицине детских врачей-женщин уже гораздо больше.

Представленное здесь сравнение было бы полным, если не задавать себе вопроса, а не должна ли именно родительская функция серьезнее восприниматься родителями, живущими в разводе. Многие матери говорят, что после развода они могут проводить с детьми намного больше времени, больше себя им посвящать, что позиция детей оценивается выше, они имеют больше права голоса в семейной повседневности, больше ответственности и их самостоятельность таким образом возрастает. Это, конечно, в большинстве случаев так. Я даже верю, что не только эти родители, но и многие дети наслаждаются таким подъемом в семейной иерархии. Подобные преимущества развода могут также являться важным опытом, который в какой-то степени способен утешить детей в выстраданных потерях, принесенных разводом. Но мы должны задать себе вопрос, а не имеется ли у этих преимуществ оборотной стороны — недостатков, которые могут лечь тяжелым грузом на дальнейшее психическое развитие ребенка. В свете изложенных

выше (в пунктах а—з) соображений с психоаналитической точки зрения напрашиваются некоторые возражения против слишком быстрой позитивной оценки названных преимуществ. Но они должны рассматриваться не как противоречие, а лишь как толчок к критическому раздумью.

Тот факт, что некоторые матери после развода больше располагают временем только для детей, имеет свою теневую сторону. Прежде всего единственный ребенок, становясь единственным партнером матери, воспринимает как большую проблему, если та не проводит с ним всего своего свободного времени. Раньше он ревновал, если мама с папой разговаривали друг с другом или что-то делали, исключая его. Но он поборол свои эдиповы бури и, наконец, понял, что имеется отношение родителей не только к нему, но их любовные отношения друг с другом. Также путем идентификации он сумел принять участие в этой любви, даже если он и был из нее исключен. Намного меньше может ребенок понять, что мать время от времени предпочитает почитать книгу, посмотреть телевизор, встретиться с подругой вместо того, чтобы поиграть с ним. Больше времени и большая интимность в отношениях разведенной матери с ребенком при таких обстоятельствах означают для последнего, что мать теперь целиком предоставлена ему и он может ею владеть безраздельно. Если вступают ограничения для того, чтобы гарантировать себе часть взрослой свободы, то это переживается ребенком как тяжелая обида. Но также и для матери в этой ситуации заключается соблазн "педагогизирования" своего отношения к ребенку, принесения женщины в себе в жертву матери и превращения ребенка в первейший источник своего жизненного счастья. И наоборот, ребенку такая тесная связь затрудняет пути отступления, отнимает у него (тоже столь важный) опыт радостного одиночества, возможности заниматься чем-либо самостоятельно. Остается спросить, не является ли этот "шанс" исключительных отношений матери и ребенка также и опасностью; не было бы лучше, чтобы место, освобожденное отцом — когда большая боль ребенка уже позади, — хотя бы частично использовать для собственных интересов и потребностей.

Следующая проблема легко выдает себя, если "новые" отношения матери и ребенка чересчур экспандируют в область, которая раньше принадлежала отношениям отца и матери: быть единственным партнером матери, иметь расширенные права обсуждений, большую ответственность за повседневные дела — это может — с обеих сторон — вести к тому, что начнет стираться граница между поколениями. Если же дети в своих отношениях к матери или к отцу больше чувствуют себя прежде всего не как дети, а как равноправные партнеры, тяжелые конфликты отношений становятся неизбежными. И еще об одном следует подумать: наступит день, когда мать снова захочет начать новые отношения. Вероятность, что ребенок сможет признать нового партнера и использовать шанс, который предоставит ему новая константная связь матери для его развития (ср. также с. 344 и далее), будет несравненно больше, если этот мужчина займет не его место, а то, которое мать раньше отдавала подруге, увлечениям или своим занятиям.

Если даже разведенные семьи используют возможности известного уравнивания функционального дефицита, все же с психоаналитической точки зрения и точки зрения психического развития в более выгодных условиях находятся семьи с двумя родителями. В этой связи следует напомнить, что мы сравнивали не условия развития одной и той же семьи до и

после развода, а функционирующие разведенные семьи и хорошие "нормальные" семьи. В любом случае разведенная семья до развода наверняка таковой не была и часто на протяжении уже долгого периода. Это значит, что теоретические познания, по каким признакам условия развития для детей в обстоятельствах разведенной семьи более невыгодны, еще ничего не говорят по поводу жизненно-практического вопроса, должен ли определенный супруг развестись или остаться в семье только ради детей. Вполне вероятно, приведенное выше сравнение и может внести свой вклад в принятие подобного решения. Показанные выше функции триангулярной семьи (а—з), важные для развития детей, собственно, предлагают критерии, по которым можно решать, в какой степени определенная семья в состоянии еще в действительности предоставить детям шансы развития, если родители останутся вместе. Думаю, что понятие "остаться вместе ради детей" пора лишить его мифологичности и внимательно посмотреть на то, о чем идет речь в каждом отдельном случае.

11. ДОЛГОСРОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

Если посмотреть на результаты данного обследования, то можно прийти к выводу, что в случае "развода" речь идет не о результатах в психологическом смысле и не о периоде, который захватывает собой один или два года жизни. Скорее всего, если говорить о детях, я бы охарактеризовал развод, как судьбу, которая порой дает о себе знать уже в раннем возрасте, а порой даже до рождения в силу того, что между родителями образуется "трещина", которая рано или поздно приводит к тому, что отец и мать не смогут больше жить вместе. За "внутренним разводом" в данных общественных отношениях чаще всего следует пространственный (и юридический) развод, который в известной степени в "третьем акте" ведет к новой форме существования — разведенной семье. На происшедшее накладывает отпечаток то обстоятельство, что теперь во внешних жизненных условиях объекты, продолжающие существовать в психическом в неразрывных отношениях, вдруг относятся к разным мирам.

"Судьба" предполагает также, что жизненная дорога детей развода с этого момента становится еще трудней. Именно в том смысле, что на каждой ступеньке развития — как и в биографическом развитии "драмы развода" — при более сложных обстоятельствах разыгрываются нормальные, неизбежные психические конфликты или они провоцируют дополнительные психические конфликты, что означает для ребенка минимальный шанс преодоления этих барьеров без ущерба для психического здоровья и прежде всего для будущего развития.

Когда я говорю о шансах в этой связи, то в моих представлениях возникает нечто, что можно было бы выразить словами: жизнеспособность и способность быть счастливым. Это, конечно, звучит абстрактно, но только до тех пор, пока мы об этом абстрактно думаем. Кроме того, у каждого из нас имеется совершенно четкое представление о том, насколько взрослыми мы себя чувствуем в жизни и насколько мы счастливы. Конечно, "счастья" невозможно добиться волевым

усилием, и оно зависит от множества внешних факторов. Но во всем, что встречается человеку на пути, также и в так называемых ударах судьбы, он персонально является участником, а именно, в какой-то степени человек сам активно принимает участие в развитии обстоятельств, поскольку любые внешние события могут быть пережиты совершенно по-разному. Итак, шансы жизнеспособности и умения быть счастливым имеют также психически духовную основу. И об этом мне хочется сейчас поговорить.

Для создания психически духовных условий нет единого пути, поскольку они внутренне определены нечетко. (Исходя из этого, нет также общего правильного воспитания!) Если же речь идет о конкретном случае, т.е. если прибегнуть к обследованию определенного ребенка (и его окружения), то можно будет сказать, приходится ли данному ребенку бороться с трудностями в определенных жизненных областях, и можно предположить, уменьшают ли эти трудности шансы психических условий для будущего "счастья" и "хорошего самочувствия" и т.д., или что необходимо ребенку, чтобы предотвратить нанесение дальнейшего вреда или открыть ему новые перспективы.

Исходя из моего опыта работы с детьми развода, которым я на страницах этой книги пытаюсь поделиться с читателем, мне хочется предложить различать неспецифические и специфические долгосрочные последствия развода. Как мы установили, сложные условия развития ребенка перед, во время и после развода (в узком смысле) повышают вероятность патогенных процессов обороны. Результатом таких процессов обороны являются острые психические нарушения (симптомы, черты характера) и прежде всего повышенная диспозиция для позднейших невротических заболеваний*. Эти невротические диспозиции я хочу назвать неспецифическими долгосрочными последствиями, потому что развод можно оценить как важный этиологический фактор в конфликтах, которые ребенок подсознательно вынашивает в себе всю жизнь. Конкретные же картины болезни дополнительно к этим диспозициям могут объять всю палитру невротических проявлений. Среди этих страданий, обладающих особенно чеканящим воздействием, есть некоторые, чрезвычайно часто встречающиеся у взрослых, которые в свое время, будучи детьми, пережили развод родителей, и происходят они из подсознательных конфликтов, с коими связаны переживания и чувства детей развода в типичных аспектах судьбы. Ввиду того что они встречаются столь часто, мне хочется охарактеризовать их как специфические последствия развода, поскольку люди, выросшие в комплектных семьях, тоже часто страдают от этих проблем.

Неспецифические невротические диспозиции могут быть приобретены на каждом этапе психического развития. Чем раньше появляются психические конфликты и травматические переживания, угрожаемость которых перегружает способности детского "Я" к действиям и интеграции, тем выше можно оценить вероятность, что однажды дело дойдет до срыва психического равновесия, и тем массивнее окажется ущерб, нанесенный данной человеческой жизни. Это "раньше" понимается вовсе не в биографически-хроно-

**Сравнивая экскурс на стр. 197 и далее, надо добавить, что тяжелая травма, пережитая в первые два-три года жизни, может также образовать диспозицию для психических заболеваний, так называемых борделин-нарушений, или нарушений развития личности. Поскольку я взял темой этой книги развитие среднего ребенка развода, то не буду касаться тяжелых патогенных развитий и ограничусь областью невротических нарушений.*

логическом смысле. Как раз послеразводный кризис ясно говорит о том, что "ранние нарушения" могут появиться из-за регрессивных деструктивных процессов, итак, из прошлого перейти в будущее. Могут также, наоборот, уже появившиеся патогенные образцы снова оказаться вызванными к жизни посредством этих процессов, если ребенку в нужный момент не будет оказана необходимая помощь (ср. с. 215 и далее).

На этом основании осмелимся определить момент, в который можно сделать первые прогнозы по поводу длительных невротических обременений переживаниями развода, и это приблизительно через полтора года после психологического момента развода. Мы можем с некоторой долей вероятности рассчитывать на то, что дети к этому времени восстановят первое равновесие, т.е. состояние, относительно свободное от страхов. Прогнозы в первую очередь ориентируются на тот факт, являются ли страхи, которые следовали за разводом или были вновь активированы им, в действительности переработанными или они были отражены; во-вторых, насколько эти подсознательные или подсознательно измененные страхи массивны. Спектр распространяется таким образом от почти (немногих) не обремененных детей до таких, которым грозит в будущем опасность тяжелых нарушений их психического развития. И, опять, повторяю, это совершенно не зависит от того, в какой момент бросающиеся в глаза окружающим нарушения проявляют себя или кажутся преодоленными.

Но возможные долгосрочные последствия еще окончательно не определены. Ребенку предстоит добрая часть "третьего акта" его детской жизни с "сепаратными объекто-отношениями", в течение которого его прогностический статус может стабилизироваться или измениться. Теперь вернемся к необремененным детям, т.е. к детям, которые в штормах реакций переживаний, неизменно следующих по стопам развода, получили ту "первую помощь", так им необходимую; и к тем, которым в ходе разрешения ранних патогенных формаций обороны во время послеразводного кризиса в терапевтической поддержке было отказано. Их выгодная исходная позиция в последующие годы, даже при очень хороших внешних условиях, во всех отношениях будет ухудшаться. Все особые приметы разведенных семей указывают на то, что шансы преодоления и нового активирования психических конфликтов детьми без применения патогенных механизмов обороны в этих условиях заметно снижаются: они испытывают больше разочарований, у них меньше возможностей для бесстрашного преодоления агрессивности, кроме того, назревают нарцисстические проблемы вместе с затрудненной сексуальной идентификацией, обостряется реальность с братьями и сестрами, растет чувство вины по отношению к опекающему родителю, на него обрушиваются большие нагрузки и меньшая вероятность проникновенности со стороны одинокого родителя (например, отсутствие партнерской "ревизии", большая личная уязвимость, педагогизация отношений с ребенком) и выпадает облегчающее колебание между

объектами (гл. 10.3). Чем эффективнее родители в дальнейшем могут совместно действовать, делить воспитательную ответственность и чем эффективнее удастся матери привлекать триангулярные эрзац-отношения и мужских доверенных персон, тем меньше вероятность ухудшения прогноза,

В подобных оптимальных условиях можно значительно улучшить прогнозы преодоления послеразводного кризиса обремененными детьми, при том, что у детей, которые вынуждены были в течение долгих месяцев после развода отражать массивные страхи конфликтов, все же в семье с одним родителем возросла общая перегрузка конфликтами, но зато семейная ситуация после развода предложила настолько ; больше безопасности, что они при стечении обстоятельств смогли позволить себе несколько расслабить оборону (особенно, если дети не достигли еще переходного возраста). Таким образом, их душевной жизни опять доступны столь полные значения для психического развития ребенка влечения, возбуждения чувств и определенные переживания*.

Само собой разумеется, что при неблагоприятном стечении обстоятельств прогнозы могут значительно ухудшиться. Девятилетний Бруно, например, почти два года назад, хотя и довольно трудно пережил развод родителей, но тем не менее был причислен нами к группе менее пострадавших детей. Дело не дошло до длительного прерывания контакта с отцом, родителям удалось в известной степени скрывать от Бруно их обоюдную враждебность, и мать очень старалась проявлять понимание к регрессиям ребенка и сопровождающим их колебаниям аффектов, и ей это, если и не всегда, но все-таки удавалось. К тому же, психическое развитие Бруно до развода протекало очень хорошо. Итак, можно было надеяться, что его прогностический статус в предстоящие годы не только стабилизируется, но и улучшится. Но получилось по-другому. Отец перед тем, как мы познакомились с Бруно, съехался со своей новой подругой, и та, со своей стороны, очень заботилась о мальчике. Как выяснилось позже, в ходе психоаналитически-педагогической работы с матерью, этот шаг отца еще раз со всей болью заставил ее пережить разочарование развода. И более того, у нее появился панический страх, что мальчик найдет "комплектную семью" отца привлекательнее жизни с нею одной. С этого момента матери больше не удавалось скрывать свою обиду и гнев на бывшего супруга и предоставлять

**Что теоретически кажется столь позитивным, на практике может вызвать большие тревоги родителей. Поскольку это осознание нередко связано с частичными заданиями приспособления, прежде всего с усилением агрессивных побуждений, то эти изменения для многих отцов и (или) матерей являются скорее, поводом для тревоги, чем признаком улучшения.*

сыну возможность и дальше радоваться посещениям отца, а также оберегать его восхищение отцом и любовь к нему. Все чаще, когда отец забирал сына, между родителями происходили исполненные ненависти столкновения. Бурно реагировал на них новым обострением конфликтов лояльности, которые, буквально, захватили его, приступами ярости и отказом учиться. Но мать поняла это как знак того, что новая семейная ситуация отца плохо влияет на ребенка и

предприняла все, чтобы редуцировать контакты между отцом и сыном и — совсем не всегда сознательно — настраивала ребенка против отца. Отец защищался тем, что стремился обеспечить себе солидарность сына. Бруно в свою очередь боролся с матерью за свои отношения с отцом, что вызвало в нем большое чувство вины. Мать же была не в состоянии простить ребенку его так называемую неверность. С точки зрения обременения конфликтами, которое свойственно также и хорошо функционирующей послеразводной семье, даже не прибегая к помощи консультации, не трудно было заметить, что дополнительные конфликты лояльности и агрессивирование отношения к матери свело на нет шансы ребенка на относительно удачное развитие после развода.

К "невыгодным стечениям обстоятельств", которые могут ухудшить долгосрочные прогнозы ребенка, относятся, однако, не только более или менее открытые конфликты между разведенными родителями, но и вообще обрыв контактов с неопекающим родителем. Также многие, часто "тихие" особенности посттравматического треугольника отношений «мать—отец—ребенок», с которыми мы сталкивались в девятой и десятой главах, могут в определенных комбинациях, в известной степени, значительно уменьшить шансы развития ребенка.

Антон, например, когда мы с ним познакомились (ср. с. 298 и далее), чувствовал себя хорошо. И родители его к этому времени были довольны своей обоюдной ситуацией. И все-таки в развитии этого чрезмерно идентифицирующего себя со своей матерью и живущего с нею в чрезвычайно тесной связи мальчика, потерявшего своего отца, несмотря на то что он видел его регулярно, появился большой повод для тревоги.

Из "невыгодных" послеразводных отношений представленные являются экстремальными случаями, в которых психические нагрузки на ребенка настолько огромны, что дело доходит до посттравматического срыва равновесия, т.е. до воскрешения невыносимых страхов, которые мучают ребенка в результате развода. Или возьмем такие случаи, в которых послеразводный кризис распространяется далеко за пределы обычного для него времени. Положение принимает такой характер развития особенно тогда, когда развод не ведет короткой дорогой к новой, относительно константной семейной ситуации, а родители в долгой схватке сражаются друг с другом за право опеки или эта борьба разражается вновь за пересмотр уже принятого решения. Проблема, вытекающая отсюда для детей, является двойной: во-первых, разлука с одним из родителей превращается из полного боли события в процесс, который может длиться месяцы или повторяться множество раз, из-за чего ребенок то "навсегда" остается жить с отцом, то "навсегда" с матерью и т.д. Но что остается неизменным, это следующее: дети становятся не только объектами родительских конфликтов, но более или менее прямо видят себя призванными или соблазненными принимать решение самим. Мы могли видеть, насколько амбивалентны объектоотношения ребенка после развода, как между тем размываются материнская и отцовская репрезентации объекта, как чувства и желания, относящиеся к одному объекторепрезентанту, переносятся на другого, как аккумулированный страх приводит в действие механизм расслоения, что влечет за собой абсолютно искаженное переживание объекта (особенно постоянно отсутствующей персоны). Это говорит, однако, о том, что предполагаемое предпочтение данного родителя в настоящее время вообще не отвечает на вопрос, кто из двоих константно важнее для

ребенка. И прежде всего желание ребенка остаться с матерью или с отцом вообще ничего не говорит о том, в ком из них он наиболее нуждается для своего дальнейшего развития. Но что еще хуже, так это то обстоятельство, что ребенок принимает на себя ответственность, а вместе с ней и вину за свое предпочтение. Это очень большая разница, виноват ли я как ребенок перед отцом, так как радуюсь, что могу жить с мамой, или я перед родителями или перед судом должен ясно сказать: "Я не хочу к папе, я хочу остаться с мамой!"*. Еще хуже, если на основе поведения или желаний ребенка право на опеку будет передано другому родителю. Таким образом, фактически дело оборачивается новым разводом и именно тем разводом, в который ребенок активно вложил свой вклад. Катастрофические последствия такой борьбы заключаются не только в конфликтах лояльности и чувстве вины у детей, но и в муках переживаний и растерянности, к которым приводят родителей такие решения. Как такой ребенок и такая мать (отец) снова смогут найти дорогу к "продолжающимся и интенсивным любовным отношениям" ? Втягивая ребенка в спор за опеку, родители вкладывают ему в руки нож, которым тот в отчаянии при стечении обстоятельств убивает в своем внутреннем мире одного из родителей, т.е. совершает нечто, за что он будет мстить, может быть, себе самому и другим на протяжении всей жизни.

Своего рода промежуточную позицию между неспецифическими и специфическими долгосрочными последствиями развода занимают проблемы обихода с агрессиями. Конфликты

**На этом основании принято избегать перед судом опросов детей, с кем из родителей им хотелось бы жить или где бы они хотели жить.*

вместе с агрессивными возбуждениями принимают участие почти во всех невротических образованиях. И все-таки кажется, что дети разводов более всего склонны к агрессивным конфликтам: обиды, отказ в главных потребностях, регрессивные процессы и процессы разделения, процессы идентификации (когда ссорятся родители) и отражение чувства вины неизбежно приводят к возрастанию агрессивной стороны детского объектоотношения к одному или к обоим родителям. Возросшие агрессивные аффекты, желания, действия или фантазии вступают в конфликт с возникающими в дальнейшем любовными побуждениями и желаниями ребенка по отношению к родителям и с его зависимостью от них. Результирующие страхи становятся сильнее, если дети не располагают соответствующими моделями преодоления страха, и разрыв родителей грубо показал опасности агрессивности. Страхи, чувство вины и нарцисстические проблемы в заключение вызывают необходимость в отражении этих конфликтов. Результат такой (невротической) переработки конфликтов может, конечно, выглядеть у разных детей по-разному. Ребенок может направлять страх на собственные агрессии, что, вероятно, создаст ему проблемы в дальнейшей жизни так, что он будет бояться показать раздражение или гнев по поводу пережитых неудач и несправедливости; может быть, он и раздражается, но не осмеливается проявлять свое раздражение и активно защищать свои интересы; другие дети, опять же, могут направить агрессивность против своей собственной

персоны и постоянно чувствовать себя виноватыми или отражать чувство вины депрессивными настроениями; может быть, также, что изначальный конфликт окажется вытесненным, но образуется склонность к своего рода "перманентной агрессивной готовности к упреку", так что для этих людей даже безобидное разочарование будет приобретать формы изначальной ("травматической") неудачи, и они будут реагировать на него (для стороннего наблюдателя) непомерной агрессивностью; вытеснение может также коснуться любовных побуждений (как мы могли видеть на примере отклонения отца детьми развода). Эти и другие невротические решения конфликтов агрессивности могут сменять друг друга, комбинироваться и стать общими чертами характера; результирующий из этого образец объекотношений может ограничиться персонами родителей или оказаться перенесенным на другие персоны; некоторые дети делят свой мир на хорошие и злые объекты и одним показывают преимущественно дружественные, а другим только отклоняющие чувства и сохраняют такой же стиль жизни, став взрослыми. Если посмотреть с "качественной" стороны, то я осмелюсь утверждать, что едва ли найдется один ребенок развода, в чьей дальнейшей жизни психические конфликты во взаимосвязи с агрессивными возбуждениями не будут играть особенной роли. С этой точки зрения "проблемы обращения с агрессиями" являются типичными долгосрочными последствиями в психическом развитии детей развода. Но как часты эти конфликты, в какой мере служащие обороне эрзац-образования они формируют характер и вредят сознательным целям жизни, страдание, связанное с этими "симптомами", может захватить пространство от "мало вредящих" до "испорченной жизни". Возьмем такой пример: кто-то направляет свое чувство вины в качестве агрессии на себя самого. Такой человек, вероятно, производит впечатление некоторой подчиненности и таким образом может, если постарается, сглаживая предполагаемые ошибки, даже кое-кому угодить, окружающие воспринимают его как особенно милого и достойного любви, и пожинаяемый им специальный успех будет его удовлетворять. Но "количественная ступенька наверх" может сильно повредить этому хорошему характеру из-за постоянного страха что-то сделать не так. Еще шаг дальше и, возможно, для отражения агрессивности обращения на собственную персону станет уже недостаточно, и тогда он начнет из-под маски своей дружественности раздавать боковые удары, которые будут ему стоить симпатии и любви окружающих, приведут к конфликтам в отношениях с партнером и к трудностям в воспитании детей. Поворот к агрессивности в экстремальных случаях может привести к ненависти к самому себе, тяжелым депрессиям и стремлению к самоуничтожению.

К специфическим долгосрочным нарушениям, без сомнения, относятся проблемы чувства собственной полноценности, что в общем-то не должно удивлять. Если дети — с позиции их переживаний — чувствуют себя брошенными и недостаточно любимыми; если им не удалось удержать семью вместе или они не были достаточно важны для того, чтобы родители могли принести им в жертву свои личные интересы и желания; если вместе с ушедшим родителем они потеряли важную часть своей личности, объект идентификации, на который они могли равняться, или того любовного партнера, который мог для ребенка отражать его привлекательность и ценность; если они не уверены в своей сексуальной идентичности; если они чувствуют, что не могут для матери (для отца) заменить недостающего партнера; если они чувствуют себя

никчемными и неполноценными, когда родители кажутся несчастными; если их чувство вины заставляет их бояться совершения новых ошибок*. Поскольку большинство этих представлений о себе является подсознательным и поэтому никак не может связываться с источником, то дети развода вынашивают, часто на протяжении всей своей жизни, бремя ощущений, что они недостойны любви, и страх снова потерпеть неудачу.

Проблемы появляются у них уже в детстве, в отношениях с "себе подобными", итак, с другими детьми, позднее — в

**Эти и другие перечисления ни в коем случае не являются полными, а имеют характер примера.*

общении с подростками и, наконец, — в профессиональной и общественной жизни. С одной стороны, это связано с упомянутой проблематикой собственной полноценности, которая ведет к тому, что они чувствуют себя побежденными и поэтому либо избегают конкуренции, либо вынуждены постоянно доказывать свое превосходство. (Также проблематика агрессивности играет здесь большую роль.) С другой стороны, особенно тесная связь с женской родительской половиной часто затрудняет перестройку на модус отношений, в которых действуют совсем другие правила и прежде всего ребенок занимает несравнимо меньшую позицию, чем дома. Это действует в известном смысле для всех детей. Но детям, растущим с двумя родителями, приходится легче, поскольку они научились ориентироваться в условиях исключения себя из родительских отношений и, кроме того, обладают более богатым опытом в том, как различные люди по-разному реагируют на других (и особенно на самих себя) (см. выше). Наконец, я натолкнулся на один феномен, в котором самочувствие (бывших) детей развода напоминает самочувствие дискриминируемых меньшинств или групп общественных окраин. О стыде детей, у которых нет настоящих семей, мы уже говорили. К тому чувству, что "со мной что-то не в порядке", добавляется часто другое, которое, вероятно, можно выразить так: "Я живу здесь, среди нас, но, собственно говоря, я или по крайней мере большая часть меня принадлежит совсем другой жизни". Этой "другой жизнью" является отсутствующий отец или отсутствующая мать. Чувство по-бежденности или социальные конфликты (см. выше) сопоставляются с подсознательными фантазиями, что "там мне было бы лучше, там мне уделяли бы больше внимания". Между тем у него появляется чувство: "я не совсем здесь" и из этого вытекает тенденция исключения самого себя и — особенно в случаях социальных конфликтов — тенденция отступления. (В определенных обстоятельствах из этого может образоваться мотив, толкающий к подключению к группам меньшинств или социальных обочин, в которых тем не менее вскоре упомянутые проблемы снова настоятельно заявляют о себе.) Марио было шестнадцать лет, когда я начал с ним терапевтическую работу. Поводом к терапии оказались (по заявлению Марио) "непреодолимое сопротивление к учебе" и дисциплинарные проблемы в группе продленного дня. Ему грозило не только неудовлетворительное окончание учебного года, но и исключение из школы. Попытки матери повлиять на Марио завершались обычно крикливыми дуэлями. Потом он

хлопал дверью и бежал в бильярд-кафе и снова не выполнял школьные задания. Он производил какое угодно впечатление, но его нельзя было назвать неуверенным в себе человеком. Его мать говорила: "Он такого высокого мнения о себе, что считает, что все должны плясать под его дудку. Школу, учителей и всех взрослых он считает дураками, учится он не хочет и его не допросишься что-нибудь помочь". В действительности Марио был высоким и привлекательным молодым человеком, у него были удивительно уверенные для его возраста, несколько заносчивые манеры и привычка слегка высокомерно высказываться о других. Но это впечатление изменилось после того, как у него появилось ко мне доверие и он начал признаваться в мыслях и чувствах, о которых до сих пор никому не дано было знать. Хотя его и любили товарищи, но "внутри" он был одиночкой, у него всегда присутствовало чувство, что на самом деле он безразличен другим, что они все вместе настроены против него и он вынужден постоянно вновь и вновь завоевывать их симпатии. При этом помогали ему его спортивные таланты, а также его наружность и манеры. Товарищи пользовались его умением привлекать девушек. Но ему самому не приходило в голову, что для других его дружба тоже очень важна. Как только он садился за уроки, его начинала мучать мысль, что "другие" сейчас делают что-то интересное, что они радуются его отсутствию или просто его не замечают. Тогда он отбрасывал учебники в сторону и шел в кафе, часто убеждаясь в том, что там никого нет, потому что все сидят за уроками. Но на следующий день снова появлялся страх оказаться не "включенным", потерять свои позиции. Это чувство исключенности проявлялось у него и по отношению ко взрослым, и он слишком чувствительно, а порой даже яростно реагировал на малейшую критику и замечания. Выяснилось, что Марио, родители которого расстались восемь лет назад, в высокой степени идентифицировал себя со своей страдающей, чувствующей себя нелюбимой и бросающей упреки всему миру и прежде всего мужчинам матерью и стремился компенсировать эту идентификацию подчеркнuto "мужественным" поведением. Сделать матери любезность, т.е. лучше учиться, имело для него подсознательное значение — не быть мужчиной и оказаться отринутым. Рядом с этой угрожающей женственной идентификацией Марио идентифицировал себя с отцовским идеальным образом, который помогал ему в этой компенсации. Его отец переселился в Канаду и, по свидетельству Марио, не имея какого-либо образования (!), добился большого успеха. "Он сделал правильно, что покинул эту прогнившую Австрию и мою мать!" Он считал, что они с отцом, которого он видел не чаще одного раза в год, могли бы прекрасно понимать друг друга, и он собирался после школы — которую сознательно все же очень хотел закончить — тоже уехать из страны. Несмотря на то что для него возможной целью была ни в коем случае не Канада, в его подсознании отъезд имел значение "нового объединения с отцом", с которым он больше не будет чувствовать себя непонятым и отвергнутым, итак, по сути, значение возвращения домой (на обетованную землю, на "землю отцов"), Областью жизни, которая, судя по всему, более всего страдает от боли и бед детей развода, является область партнерских отношений. Это начинается после освобождения от родительского дома во время пубертатного и подросткового периодов, которое для молодых людей с разведенными родителями происходит особенно конфликтно. Как мы видели, связь между одиноким родителем и ребенком оформляется особенно тесно и исключительно походит на настоящее партнерство. Родителю в этой ситуации труднее отпустить

ребенка, а ребенку — "оставить мать (отца) совсем одну (одного)". К этому добавляется еще и повышенный страх перед "этим внешним миром", о котором мы говорили выше* Такие молодые люди склонны еще долгое время оставаться тем не менее в весьма амбивалентной зависимости от дома. Если все же освобождение не удастся, тогда приходится вырываться. Одной из форм "вырывания", которая не позволяет чрезмерно развиться чувству вины, является основание своей собственной семьи. Особенно девушки, которые в общем лучше приспособляются и им труднее убежать, воспользовавшись провокациями конфликтов (как это делал Марио), часто позволяют "соблазнить" себя "первой подходящей возможностью". И само собою разумеется, что партнер оказывается не тот, который был нужен.

**Результаты опыта Валлериштейн говорят о большом значении, которое имеет другой родитель в ходе процесса освобождения. Также нередко наблюдается возрастающая потребность со стороны молодых людей, чьи родители живут в разводе, интенсифицировать или возобновить контакт с отсутствующим родителем. Это, кажется мне, может стать важным сведением для таких отцов (матерей), которые давно утратили контакт со своими детьми: даже если они уже отказались от надежды, вопреки разводу, остаться отцом или матерью своим детям, потому что контакт был отклонен самими детьми (ср. гл. 10.2), то эта надежда в пубертатно-adolescentный период может осуществиться. Таким отцам и матерям было бы рекомендовано "держаться наготове" и сигнализировать своим "потерянным" детям, что они готовы, что бы ни случилось, возобновить отношения (что во всяком случае требует преодоления собственной обиды из-за незаинтересованности и отказа детей).*

При этом бывшие дети развода в большинстве совсем очень стремятся к счастливому партнерству и испытывают огромное желание не повторить ошибок родителей и даже исправить ошибки тех на своих детях. Но по дороге к исполнению этих желаний стоят новые помехи. Есть люди, которым неизвестна модель функционирующего, преодолевающего кризисы партнерства, и которые, будучи маленькими девочками, не сумели удержать объект своей эдиповой страсти, или в лице мальчиков чувствовали себя непонятыми отцом, неценными и частично не имеющими будущего. Аннамария Д., привлекательная тридцатилетняя деловая женщина, которая прибегла к лечению по поводу депрессивных настроений и психосоматических жалоб, имела сексуально вполне удовлетворительные отношения с мужчинами начиная с восемнадцати лет, но тем не менее жаловалась, что ей попадаются только женатые мужчины, так что она жила постоянно одна и уже сделала два аборта. Наконец, в ходе терапии выяснилось, что она только тогда может позволить себе испытывать эротические чувства, если уже с самого начала ясно, что длительные отношения невозможны. Хотя она и тосковала по "настоящей семье с детьми", но у нее не было уверенности, что это выполнимо. Мы столкнулись с ее непоколебимой уверенностью, что однажды она все равно окажется покинутой, поэтому она и не пыталась создать семью. Совершенно так же у Эрика Б. несмотря на то что он уже трижды долго, от одного до трех лет, жил с женщинами, разрыв происходил каждый раз по его инициативе. Каждый раз, когда дело доходило до первых больших разногласий, которые он переживал как "конец", из страха (опять, как тогда ребенком) оказаться покинутым, он сам предпочитал закончить отношения.

Такое быстрое ресигнирование зависит чаще всего от особенно ярко выраженных проблем, характерных для бывших детей разводов в умении обихода с агрессиями (см. выше). Для многих людей прекращение отношений кажется единственной возможной стратегией социального разрешения конфликтов: идет ли речь о любовных, дружеских или рабочих отношениях.

Альфред Н., хотя ему и всего 22 года, уже поменял три хороших места работы. На каждой фирме, благодаря своей интеллигентности и старательности, он очень быстро завоевывал расположение начальства. Но для него было совершенно невыносимо, если какое-то его предложение не принималось, или его достижения не встречались восторгом, или вообще возникал повод для недовольства им. Тогда он переживал потерю приоритета любимого и уважаемого "сына". Его восхищение шефом и его личное старание превращались в разочарованную ненависть, и он швырял тому "в лицо" свою должность (и свои шансы)*.

Любовные партнеры постоянно являются также объектами перенесения объектоотношений, ожиданий и желаний, относившихся когда-то к любовным объектам детства. Но ни подсознательное ожидание (опасение) женщины, что муж однажды предаст и бросит ее, как когда-то отец, ни образ могущественной женщины, созданный выросшим мужчиной в качестве модели своей матери, не обещают хороших шансов партнерским отношениям. Так же мало, как перенесение образов беспомощных и слабых матери или отца, и это перенесение обременяет совместную жизнь, но упомянутые персоны подсознательно выбирают такого партнера, который соответствует данным "прогнозам". Подобные перенесения часто ведут к своего рода новой инсценировке конфликтных ситуаций детства. В каждом отдельном случае при подобных повторениях следует

**Бесспорно, проблемы Аннамари Д., Эрика Б. и Альфреда Н. нельзя редуцировать только до неуверенности и проблем обихода с агрессивностью. Как все симптомы, описанное поведение детерминировано (см. также далее следующие сведения о триангулярных отношениях).*

проанализировать, какие страхи могут быть преодолены или какие подсознательные потребности могут быть удовлетворены. Сорокалетняя Мария С. с мужчинами, которых она любила, чувствовала себя использованной и униженной. Уже к началу терапевтической работы с ней она думала, что, может быть, это нечто большее, чем просто неудача в выборе партнера: "Может быть, это зависит от меня, что я каждый раз выбираю не того, кто мне нужен". Вскоре она выявила связь между своими отношениями с мужчинами и своими родителями. Когда Марии было пять лет, ее мать разошлась с отцом, который по любому поводу впадал в ярость и бил дочь, кидался на мать, когда та пыталась защитить ребенка. Вначале казалось, что пациентка подсознательно выбирала из всех мужчин, находящихся в ее окружении, именно того, который по характеру был похож на отца. Но потом мы пришли к выводу, что чувство унижения в ситуациях, вызывающих недоразумения, она испытывала и по относительно безобидным поводам. Да, она чувствовала себя "как отлупленный ребенок" даже в тех случаях, когда соответствующие

действия "ужасных" мужчин вовсе и не относились непосредственно к ней или, казалось, были направлены на лучшее. Наконец, нам стало ясно, что перенесения руководили ею не только при выборе партнера и преследовали цель — заставить ее вновь пережить свои детские отношения с отцом. "Оказаться отлупленной" стало столь неотъемлемой частью ее любовной жизни, что даже если мужчина не был достаточно активен в этом плане, она должна была инсценировать или галлюцинировать свое унижение. Со временем, когда за сознательной ненавистью постепенно стали раскрываться ее вытесненные любовные чувства к отцу, мы наконец-то поняли, что в этом повторении речь шла не только о "негативном" перенесении - т.е. не о перенесении (обоюдных) агрессивных образцов отношений, — а также о вытекающей из этого попытке сохранить в настоящем когда-то любимого отца, сделать его как бы несостоявшейся (несмотря на унижения) полную боли разлуку.

Пример Марии С. говорит о том, что в таких новых инсценировках детства наряду с процессами перенесения большую роль играет также идентификация — в данном случае с беспомощной, избиваемой матерью. Другой результат идентификации особенно там, где присутствует чрезмерно массивное чувство вины, может заключаться в том, что такие мужчины и женщины не в состоянии быть счастливее "бедной, покинутой матери" или "бедного, покинутого отца". Может состояться идентификация со "злым и неверным" родителем так, что эти дети подсознательно будут вести себя подобно им и, следовательно, уничтожат свое сознательное желание сохранить хорошие отношения. В обоих случаях объект идентификации будет "продолжать жить" в собственной персоне и таким образом чувство вины смягчится из-за самонаказания, а также будет удовлетворена (тоже перенесенная) агрессивность по отношению к партнеру, который становится жертвой этого подсознательного разрушения отношений.

Наконец, партнерство разрушается или страдает из-за сексуальных проблем бывших детей развода. Во-первых, сексуальные проблемы являются сопроводительными симптомами почти всех невротических нарушений, к которым в большой степени приводит развод. Во-вторых, сексуальная идентификация относится к особенно трудным заданиям развития детей развода. (Валлерштейн, 1989) обращает внимание на следующий аспект: не так уж редко встречающуюся связь агрессивных возбуждений и фантазий с сексуальными желаниями. Развитие садистского и (или) мазохистского характера наиболее вероятно тогда, когда в период расцвета инфантильной сексуальности (итак, в эдиповой фазе) ребенком переживаются особенно богатые насилием ссоры между родителями. (Также и у Марии С. поведение в отношениях с мужчинами, как и раскрывшиеся в ходе терапии ее сексуальные фантазии, имели ярко выраженные мазохистские, а иногда и садистские черты.)

Наряду с проблемами отношений нарциссического характера (проблематика самооценки) в группах и в партнерстве бывшие дети развода, если речь идет о тройственных отношениях, с большей вероятностью оказываются в трудных ситуациях. Создание образца триангулярных объектоотношений происходит на протяжении многих этапов, начиная самое позднее со второго года жизни, но у большинства детей развода — в ходе развода или после него — они нарушаются вследствие супружеских конфликтов родителей, ухода или отсутствия одного из них (ср. гл. 5.6 и

10.3). "Тройственные отношения" ни в коем случае не являются редкими или периферийными конstellациями отношений. Едва ли существует конкретная ситуация в рамках (двойственных) отношений, при которых один из партнеров или оба не имели бы и "третьего", будь то в мыслях или подсознательно. Этот "третий" может быть реальной персоной, системой, личностью из прошлого или фантастическим идеальным образом. Мне рассказывал один молодой человек, что он мог только тогда получать удовлетворение от сексуальных отношений со своей женой, которую он тем не менее очень любил, если во время полового акта не смотрел ей в лицо. Этот молодой человек спал с фантастическим созданием и имел такие интенсивные эротические отношения, которые больше никому не могли быть под силу. Одна мать жаловалась, что ее второй брак, довольно счастливый, был отравлен из-за постоянного страха, что она в сексуальном отношении не могла подарить своему мужу так много радости, как его первая жена. Итак, даже интимнейшие ситуации двоих, их сексуальные отношения не обезопасены от вмешательства "третьего". Проблематичность тройственных отношений для бывших детей развода связана с тремя обстоятельствами: дети, пережившие конфликты и (или) развод родителей, не имели возможности пережить отношения с "третьим", т.е. с другим родителем, как облегчающие. Гораздо чаще из этих отношений возникали конфликты лояльности, чувство, что отношения с "третьим" исключают другие отношения или должны их исключить. Во-вторых, искаженное эдипово развитие (гл. 6.1) уменьшает шансы переживания и преодоления ревности, развития удовлетворяющих стратегий разрешения конкурентных отношений. И в-третьих, у этих детей очень часто отсутствует опыт, помогающий извлечь пользу из отношений других, т.е. из своего временного исключения из этих отношений: время и покой для своих интересов, освобождение от ответственности и т.д. (ср. также с. 304, 315). Вместо этого они жили преимущественно в (особенно часто) тесных отношениях с одним из родителей и (или) обращение за "спиной" матери (отца) к третьему лицу было обременено большими страхами разлуки и потери. Страхи Аннамари Д. перед длительными отношениями (см. выше, с. 333) имели, например, наряду с отсутствием уверенности еще и другие, более глубокие причины. Она боялась оказаться "съеденной" исключительно двойственными отношениями, потерять свою автономию и себя как личность и, что называется, возможность сохранить отношения с другими людьми и свои интересы. Завести тесные отношения с мужчиной означало для нее утонуть в симбиотическом единении с матерью, которое стало внутренней моделью интенсивных любовных отношений после выпадения треугольных отношений (гл. 5.1). Одновременно в перенесении она повторяла тайную эдипову любовь к отцу, которая исключала мать — в образе пострадавшей жены ее партнера. И она идентифицировала себя со своей матерью, которая тосковала по когда-то счастливому браку и вынуждена была жить одна, в то время как отец снова женился. У других бывших детей развода неспособность поддерживать никакие другие отношения, кроме партнерских, стоит на первом плане. В экстремальных случаях это ведет к мучительной ревности ко всем и ко всему, что имеет значение для любимого человека вне этих отношений. Недостаточное триангулирование структуры объектоотношений может выражаться также и в том, что упомянутым лицам очень трудно удается или вообще не удается сохранить отношение к отсутствующему человеку, как бы важно оно для него ни было. Герберт Г., например, имел

тенденцию, если речь шла о важной для него персоне, тотчас оказывать поддержку или обещать ее. Он не мог отказать в ожиданиях, отклонить просьбу. "Я сделаю!" — было его постоянной формулой. Он так и думал в настоящий момент. Конечно, эти обещания приводили его к тяжелым конфликтам лояльности по отношению к другим обещаниям и другим отношениям. Герберт Г. жил среди взаимно изолированных двойственных отношений, которые в результате оказывались чуждыми друг другу. Одним из вариантов такой тенденции является "неверность" Юргена Ц., сорокалетнего мужчины, который обратился ко мне после того, как его жена подала на развод. Вначале казалось, что речь идет только о двух его дочерях, но вскоре выяснилось, что господину Ц. хотелось поговорить еще и о личных трудностях. "Моя проблема, — заговорил он наконец, — состоит в том, что каждый раз, когда женщина высказывает мне, что она меня понимает, что я ей не безразличен, что считает меня привлекательным, я не могу сказать "нет", как если бы я не имел права отклонить ее предложение. Это выглядит так, будто бы в настоящий момент на свете существовали только я и она и все сомнения и проблемы в семье или на работе — идет ли речь о клиентке или сослуживице — тогда (!) бледнеют и не играют больше никакой роли. Когда я прихожу домой, я ненавижу себя и не понимаю, как это я так легкомысленно мог поставить на карту все, что мне действительно дороже всего — мою жену и мою работу..."*

Другое событие, которое особенно проверяет способность человека к интеграции двойственных отношений в триангулярную констелляцию, это — рождение первого ребенка. Основой того обстоятельства, что эта (предполагаемо) высшая точка выражения семейной общественной ячейки во многих случаях представляет собой начало конца (гл. 4), часто являются и трудности, которые испытывают один или оба родителя в том, чтобы гармонично подключить вдруг вызванного к жизни "третьего" к уже состоявшимся двойственным отношениям. Я мог бы еще долго перечислять жизненные ситуации, в которых судьбы объектоотношений людей в дальнейшей жизни манифестируются детьми развода. Но уже приведенные примеры ясно говорят о том, что типичные констелляции отношений, которые обычно бывают отчеканены разводом или временем до и после развода, имеют тенденцию в дальнейшем почти во всех областях отношений к большим или меньшим нарушениям жизненной гармонии. Действительно ли и насколько этот усвоенный образец объектоотношений наносит вред жизни бывших детей развода, зависит от силы и опасности психических конфликтов, итак, от названных выше "неспецифических" невротических диспозиций. Еще раз со всей настойчивостью заявляет о себе тот факт, как ни мало это говорит о "преодолении" переживаний развода, что это не имеет значения, кажется ли ребенок к какому-то моменту после развода пострадавшим или приспособившимся. И еще кое-что можно лучше понять с этой точки зрения в специфических последствиях развода: а именно, как получается, что

**Конечно, продление терапии помогло бы вскрыть и другие подсознательные мотивы поведения в отношениях господина Ц.*

знаменательно, непропорционально огромное число взрослых, оказавшихся разведенными, сами когда-то были детьми, чьи родители развелись. Чрезмерная уязвимость бывших детей развода, их проблемы в освобождении от дома в пубертатный и подростковый периоды и трудности, проявляющиеся в любовных отношениях и треугольных конstellациях отношений, очень сильно уменьшают их шансы когда-нибудь прийти к счастливому длительному партнерству. Таким образом приводится в движение фатальный круговорот...

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОВЫЕ ПАРТНЕРЫ РОДИТЕЛЕЙ

Возможно, название этой книги "Между травмой и надеждой" зародило у некоторых читателей надежду, что я могу предложить один единственный путь, ведущий к исполнению ожиданий (как минимум одного из родителей), связанных с разводом, или путь, как избежать опасностей долгосрочных последствий развода. Думаю, что в какой-то степени я все же ответил на эти вопросы. Но проблема заключается в том, что ответы эти не могут быть однозначными, во всяком случае я иногда использую "если" или "но", относящиеся к условиям, которые невозможно предусмотреть, изменить или оценить заинтересованным читателем или читательницей.

В основе проблемы находится, с одной стороны, комплексность человеческой души и, с другой — само "происшествие развода". Каждый "акт" этого происшествия имеет собственную драматургию. Во всяком случае невозможно понять, что, как и почему происходит в каждом отдельном случае, если не знать, что было раньше. Также в какой бы то ни было момент драмы почти невозможно предсказать, как закончится пьеса. Потому что действие пишут сами исполнители. Важно, насколько велика их власть над теми событиями, которые происходят, и ответственность за них. Но все же свобода исполнителей ограничена: прошлым течением событий, которое невозможно стереть; определенными правилами (одна из психологических закономерностей), по которым возможность вариаций весьма ограничена: другими исполнителями ролей, которые между тем преследуют также и другие цели; и, в-четвертых, своим собственным подсознанием. Только тот, кто понимает свою зависимость, имеет шансы достичь своих целей хотя бы частично. Из соображений социальной и психической зависимости я отказываюсь от того, чтобы закончить эту книгу своего рода "обзором" выгодных (или невыгодных) мероприятий, интервенций или тому подобного. Такие сопоставления несут в себе нечто вроде рецепта. Рецепт же можно прописать только тогда, когда есть возможность проконтролировать все имеющиеся факторы, участвующие в изменении процессов. Но перед нами не тот случай. И я бы желал, чтобы мне удалось при помощи как раз многих "если" и "но" донести до читателя хотя бы часть комплексной динамики этих процессов. Если же я все-таки должен ответить на вопрос, какие познания, вытекающие из моих исследований и моего личного опыта с детьми развода, матерями и отцами, кажутся мне особенно важными, я, оглянувшись назад, извлек бы четыре пункта и этим закончил бы настоящую книгу.

Во-первых, мать, которая воображает, что она разводом с мужем (для себя и для ребенка) сможет сделать как бы недействительным прошлое, если она в своем непонимании детской души

ждет, что развод ничего не будет значить для ребенка, если она предастся иллюзии, что отец будет делать то, что она себе представляет или просто растворится в воздухе и ребенок этого вообще не заметит или примет как должное и что она не будет испытывать жажды расплаты за собственные чувства ненависти и любви, не будет испытывать разочарования и страхов и поймет ли она, что в ней самой гораздо больше происходит, чем она хотела бы знать и в чем ей хотелось бы признаться, — такая мать рано или поздно вынуждена будет осознать, что она превратилась из актера в статиста, что она поплатилась своими созидательными возможностями и что пьеса между тем, возможно, развилась в трагедию. То же самое происходит и с отцом, который стремится отрицать свою зависимость.

Во-вторых, вместо того чтобы давать рецепты, как могут упомянутые родители помешать тому, чтобы пьеса превратилась в трагедию, мне хочется посоветовать формулировку "между травмой и надеждой" сделать своего рода "внутренним голосом", который постоянно будет напоминать о том, что всегда есть возможность из того, что до сих пор произошло, извлечь максимально хорошее, что всегда есть надежда предпринять что-то, что поможет детям и увеличит их шансы развития, и что с каждым необдуманном шагом — и относящимися к нему иллюзиями — возникает опасность, что и далее эти шансы будут ограничиваться. И еще кое-что должно стать ясным: чем раньше родители подумают о том, что произошло и еще может произойти, тем обнадеживающе будут абсолютные шансы развития ребенка развода. Но во многих случаях без профессиональной помощи сделать это невозможно.

В-третьих, часто повторяющийся вопрос: "Не лучше ли было бы для детей, чтобы родители, несмотря на конфликты, остались вместе или все же им лучше разойтись?" поставлен неправильно и в такой форме на него невозможно ответить. "Разводная драма" ребенка начинается уже задолго до самого развода, так что наблюдаемые реакции развода или ведущие назад, к разводу, долгосрочные последствия в большой степени представляют собой также объединение психических конфликтов и нарушений развития, которое записывается на счет констелляций отношений перед разводом. Иначе говоря, ответ следовало бы начать предложением: "Вначале, в любом случае, должно быть достигнуто примирение". Были случаи, когда мы понимали, что для ребенка было бы куда лучше, если бы родители уже много лет назад разошлись. И наоборот, было бы иллюзией надеяться, что развод ничего, кроме бальзама, не прольет на раны ребенка и он может пережить это событие без единого нарушения. Ликвидации переживаний развода не существует. Историю жизни невозможно зачеркнуть. Но при счастливых обстоятельствах (см. выше) ребенку может быть удастся так одолеть эту историю, что он сохранит свою жизнеспособность и способность быть счастливым.

В-четвертых, с позиции огромного значения для психического облегчения конфликтов и развития ребенка, которое имеет вторая взрослая (и мужская) доверенная персона рядом с матерью, напрашивается заключение, что, если матери удастся вступить в новое партнерство, то ребенку предоставится большой шанс. Действительно, многие результаты наших обследований указывают на то, что в новом счастливом партнерстве родителя, с которым живет ребенок, часто заключается просто огромный шанс для исполнения надежды в том, чтобы открыть ребенку

лучшие возможности развития, чем те, которые у него были до сих пор. Создание новой семьи больше, чем любое другое вспомогательное мероприятие, может снова дать ребенку то, что он с такой болью потерял:

- * мужчина, которого он сможет любить и быть им любимым, снова находится в его распоряжении;

- * снова присутствует объект идентификации (прежде всего для мальчика) и любовный объект (для девочки), с которого ребенок может брать пример и обрести свое сексуальное тождество;

- * доступный "третий объект" со всеми столь многозначными функциями, которые относятся к триангулярной системе отношений;

- * модель, которая доказывает, что всегда возможно новое начало и (гетеросексуальные) партнерские отношения могут функционировать. (Это же действительно — с обратными знаками — и для опекающего отца.) Если ребенку и новому партнеру удастся друг друга признать и друг другу понравиться, то с позиции детей такое новое партнерство может быть охарактеризовано только как "удачное". Но это не всегда удается. Недаром Бюлер и Кехеле назвали новый брак, наряду с разводом, одним из самых частых поводов для консультации у детских психиатров. Между тем в действительности слишком велики количество и высота барьеров, которые необходимо преодолеть, чтобы использовать шансы новой семьи. Комплексность вытекающих проблем, дифференцированный анализ их взаимодействия с психическими конфликтами и конфликтами отношений, которые проявляются в ходе развода и после него, выходят за рамки данной книги. Скажу только: создание новой семьи тоже не в состоянии зачеркнуть развода. И это также означает, что новый партнер может занять место, которое отец — в семье — больше не удерживает. Он не имеет права пытаться заменить отца или отношения, которые развились между отцом и ребенком после развода. Как мать, так и ее новый муж должны понимать, что они с их "новым началом" не могут исключить прошлого (матери). Они вынуждены будут и дальше существовать с этим прошлым, которое продолжает жить в виде отношений между ребенком и отцом. Новая семья — это семья минимум с четырьмя членами, что принесет с собой всем — ребенку, отчиму, матери и (отсутствующему) отцу — осязаемые проблемы и конфликты. Однако только в этом случае могут исполниться надежды, связанные с новым союзом, и не только для ребенка, но и для матери в лице женщины.

ДОПОЛНЕНИЕ: К МЕТОДУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку для получения необходимой информации (ср. Введение) по многим причинам невозможно было прибегнуть к традиционным психоаналитическим методам исследования — терапевтическим часам (сеттингам), — то мы, во-первых, вынуждены были развить альтернативу, которая соответствовала бы психоаналитическим требованиям, т.е. была бы в состоянии осветить внутриспсихическую, в особенности подсознательную душевную динамику упомянутых детей и их

родителей. Во-вторых, развить хорошо обоснованные тезисы о взаимосвязи между душевными процессами и — с позиции заинтересованных индивидуумов — внешними вариациями ситуации. Было решено провести исследование при помощи широкого выбора проективных тестов и прибегнуть к глубокому психоаналитическому интервьюированию родителей. Это намерение тем не менее незамедлительно привело нас к некоторым серьезным теоретическим сложностям.

* Нестатистическая оценка проективных тестов едва ли может быть подвергнута стандартизации и по поводу психодинамики она позволяет извлечь лишь гипотезы. В отличие от психоаналитической терапии интерпретации исследователя (толкования терапевта) все же не могут быть проверены и верифицированы на реакциях анализируемых персон или на дальнейшем развитии "материала".

* Наш интерес относился в первую очередь не к психической ситуации ребенка в момент обследования, а к протеканию развития за определенный период: от ситуации перед разводом через переживания развода до долгосрочного воздействия на структуру личности. Вскоре мы убедились, что эта проблема по-настоящему неразрешима и путем панели (катамнезов по прошествии от одного до двух лет). Поскольку, с одной стороны, только немногие

родители прибегают к советам психологов до полного завершения развода и, с другой стороны, в этом случае были бы необходимы не всего лишь два, а несколько "точечных" обследований для того, чтобы составить представление о душевной динамике и о ее последствиях на отдельных этапах развода. Не говоря уже о технических проблемах, интервенции стали бы, таким образом, не-изолируемой дополнительной переменной.

* В связи с этими трудностями еще большее значение приобретали беседы с родителями. Отсюда вытекала новая проблема — получение из проведенных бесед как можно большего количества сравнимых данных — чего требует определенное структурирование, — и, с другой стороны, следовало установить доверительный контакт в целях развития как минимум таких отношений перенесения, при которых исследователь нашел бы дорогу к личным и подсознательным стремлениям и характеру переживаний родителей, которые в большой степени соопределяют объектоотношения ребенка и вместе с этим его переживания развода.

Следующий обзор информирует о разрешении данной проблемы и о зависящем от этого нашем методическом процессе.

1. К предохранению и контролю убедительности соответствующих высказываний

Итак, проблема заключалась в том, чтобы получить убедительные высказывания из гипотетических интерпретаций проективных материалов тестов, которые, с одной стороны, могут предоставить информацию о том, как определенный ребенок переживает (пережил) или преодолевает (преодолеет) развод, и, с другой стороны, могут создать надежную основу для подробной консультации родителей. Эту основную проблему всех психологически-

педагогических установлений диагноза мы попытались разрешить, обязав всех сотрудников соблюдать следующие "технические правила":

а) Там, где это важно и возможно, со всей ответственностью необходимо давать толкования. Таким образом можно осуществить контроль за интерпретациями терапевтических ситуаций. Конечно, этого можно добиться лишь на том уровне, на каком будет обрабатываться толкуемый материал. Поскольку толкования требуют перенесения, то по этой и по некоторым другим причинам такой образ действий берется во внимание только в беседах с родителями, но не в обследовании детей (разве только, если возникает хороший шанс дальнейшей работы с ребенком).

б) Контроль путем сравнения тестов. Это означает, что ребенок, как обычно, имеет дело не с одним или двумя тестами, выбранными по его предпочтению и (или) по предпочтению исследователя, а с широкой, общей для всех детей "батареей" тестов. Каждый единичный тест предполагается проанализировать отдельно, т.е. по отношению к ребенку, но не по отношению к результатам других тестов. К тому же, к определенным материалам должны быть разработаны все мыслимые альтернативы интерпретаций. В заключение обследования следует принимать во внимание в качестве высказываний только те интерпретации, которые независимо друг от друга встречаются также и в других тестах, или те, которые хотя и встречаются только в одном тесте, но их материал настолько однозначен, что любая иная интерпретация просто немыслима.

в) Для психологического профиля факт незнания также важен, как и действительное высказывание. Никакой тест не может дать ответов на все вопросы, даже гипотетических. Отсюда проистекает опасность, что полученные данные в этом отношении в качестве разъяснения могут быть переоценены.

Пример, один ребенок, которого привела мачеха, предоставил богатый материал о том, что он испытывает большой страх перед материнским объектом, и страх этот сопровождается соответствующей яростью. Первое, что пришло в голову в данной ситуации, было — связать этот факт с матерью, которая год назад покинула семью и очень редко виделась с ребенком.

Однако исследователь установил, что у него отсутствуют какие бы то ни было данные о мачехе, поэтому невозможно решить, на какую персону (или аспекты персоны) направлена информация. Другой пример: ребенок рассказывает богатую содержанием историю по поводу картинок теста детского восприятия (САТ), значение которой исследователь тем не менее не смог угадать. Иметь в виду такое непонимание также очень важно, для того чтобы помешать ложному представлению о "личности" ребенка, которое может быть отражением преимущественно рефлекса проекции или профессионального дефицита самого исследователя.

Регулярная документация "незнания" служит также преимуществом создаваемого для всех детей очень дифференцированного оценочного профиля (см. с. 357 и далее), в котором должны содержаться не только сведения об отсутствующих ответах (данных), но и отмечаться, почему о них нет соответствующих высказываний, или должны описываться дополнительные обстоятельства (напр., отсутствующие анамнезические данные), из-за которых невозможно было этого достичь.

г) **Интерсубъективный контроль:** по правилам дети и взрослые беседовали с различными исследователями. Оба исследователя 'создавали независимо друг от друга комплектный профиль, т.е. детский исследователь должен был дать ответ и на те вопросы, которые прояснились в интервью со взрослыми, — как, например, предположения о личности родителей, симптоматике ребенка на определенных стадиях развития и т.д. То же самое должен был сделать и исследователь родителей в отношении психодинамики ребенка.

Для того чтобы соблюсти правило и не спутать гипотезы с действительными высказываниями (см. выше пункты б, в), в профиле должна быть дана оценка убедительности ответов. Не отмеченные или отмеченные оценкой (1) сведения указывают на их правильность; отмеченные оценкой (2) следует рассматривать как верифицированные путем толкования или реакции на толкование; (3) — как теоретически хорошо обоснованные вероятные данные; (?) — отклоняет ответ (или альтернативу) как чистое предположение или как вероятность; и в заключение (—) — вопрос, оставшийся без ответа.

С этим готовым профилем вступают исследователи в коллективную беседу, в которой они сравнивают профили, дискуссияют, в случае необходимости корректируют. Результатом таких многочасовых коллективных бесед является создание — теперь общего — окончательного профиля.

д) **Верификация или модификация профиля** в ходе дальнейшей работы с родителями: дальнейшая проверка этого профиля личности или ее развития возможна с трех сторон:

* Несмотря на то что исследовательские беседы закончены, из коллективных бесед может возникнуть необходимость выяснить в дальнейшей работе с родителями отдельные вопросы (анамнезические данные, а также аспекты личности, подсознательное распределение ролей), которые могут дать ответ на вопросы, возникшие при создании профиля.

* В ходе этих бесед остается вероятным, что обнаружатся новые данные, на которые исследователи не рассчитывали и которые заставят пересмотреть созданную картину.

* Наконец, профиль образует основу прогноза развития и предлагаемой родителям помощи. Таким образом, дальнейшее развитие становится также своего рода экзаменационным моментом для нашей психоаналитически-педагогической диагностики.

2. Установление "психологического пункта развода" и тестовые группы

Поскольку, точнее говоря, тестовые обследования в состоянии дать информацию лишь о психическом состоянии ребенка в момент теста, то для оценки результатов в отношении развода очень важно установить четкий период между разводом и моментом теста. По той причине, что консультация обращалась к родителям, которые были уже разведены или находились непосредственно перед (запланированным) разводом, мы предприняли следующее разделение обследуемых персон:

Тестовая группа 1 состояла из детей, родители которых к моменту теста находились перед разводом (фаза 1).

Тестовая группа 2 состояла из детей, находившихся в "фазе развода" (фаза 2).

Тестовая группа 3 состояла из детей, которые имели развод настолько давно, что уже могли обрести свое первое, внешнее равновесие (фаза 3).

Какое обстоятельство мы должны дефинировать в качестве "развода" ? Суд или разъезд родителей?

На основе нашего опыта в первой фазе обследования (май — июнь 1987 г.) и окончательных раздумий мы дефинировали момент развода (итак, границу между фазой 1 и фазой 2) как тот момент, когда дети узнают от родителей, что мама и папа не будут больше жить вместе. О юридическом акте развода нет и речи, поскольку он, являясь внешним событием, не имеет непосредственного психологического значения. И фактический разъезд показался нам непригодным. Поскольку во многих случаях разлука состоялась уже задолго до того или происходила не единожды, но каждый раз все возвращалось к прежнему. В других случаях разъезда следовало еще ждать, хотя родители были уже разведены и дети знали об этом. Мы думаем, что решающим критерием, который отличает простой разъезд от развода в психологическом смысле, является официальная окончательность. Даже тогда, когда дети не хотят в это верить и надеются на воссоединение семьи, информация об окончательном разводе родителей создает новую реальность и кажется нам единственным психологически обобщенным знаком развода (ср. также гл. 1.1).

Итак, соответственно этому такие дети, родители которых разведены, но они верят, что папа только уехал, рассматриваются как "предразводные дети" и причисляются к фазе 1. Они относятся к подгруппе 1 "родители уже разведены". Дети, которые проинформированы, но развод и разъезд еще не состоялись, причисляются, наоборот, к группе 2 (подгруппа "родители еще не развелись").

В общем определять переход детей из фазы 2 в фазу 3 казалось нам нецелесообразным. Как "первое равновесие" мы хотим отметить то время, когда ребенок реализует новую ситуацию как таковую и "приспосабливается" к новым обстоятельствам. Но это, по сути дела, только изменения внешних феноменов, таких, как отступление или исчезновение реакций развода, стабилизация оставшихся симптомов, или же изменения, которые можно опознать как новый "стиль жизни", "личность", "образец отношений" и т.д. По опыту, момент этот находится между раздражением и стабилизацией в промежутке от шести месяцев до двух лет после развода. Как законченную рассматриваем мы фазу развода (***) тогда, когда новые значительные события создают для ребенка новые условия, например, такое событие, как новый брак матери.

3. Реконструкция процесса развития из отдельных обследований

Причисляя каждый случай к определенной тестовой группе, мы получили для каждой фазы

развода те картины психодинамики упомянутых детей, которые приближались к первому предположению о том, какие проблемы и конфликты могут являться характерными для каждой фазы.

Но этот метод обработки результатов исследований не является действительно удовлетворительным:

* При определенных обстоятельствах отсутствуют объяснения особых видов переживаний и способа преодоления развода данным особенным ребенком в каждой из других фаз.

* Если мы охватим отдельные результаты обследований только "точечно", то откажемся от познания психодинамики "между" отдельными фазами. Но это означает, что мы не в состоянии установить связи между происходящим процессом с определенными (как внутренними, так и внешними) переменными.

* Наконец, это еще вопрос, можно ли вообще, имея в виду какие бы то ни было виды процессов, говорить о "характерных" проблемах или конфликтах. Собственно, если отсутствует легитимация психодинамической связи условий между профилем личности (в одной фазе) и психическими, а также и социально-психологическими переменными путем доказательств, то ее можно подтвердить лишь статистически. Но сделать это нам не позволяет, с одной стороны, ограниченное число обследованных случаев и, с другой — малочисленность наших бесед. Поэтому перед нами задание — дополнить обследование психического состояния детей групп 2 и 3 реконструкцией предыдущего протекания переживаний развода в широком смысле слова. Возможность получить познания о прошлом развитии предлагает анамнез. Обследователь родителей обязан описать историю ребенка, установить потенциально детерминированные переменные, а также истолковать индивидуальное развитие ребенка из полученного материала (см. Дополнение 5). Точный симптомоанамнез, т.е. описание развившихся, изменившихся, исчезнувших под влиянием обстоятельств реакций черт характера, свойств, симптомов в узком понимании дает, однако, обследователю ребенка возможность произвести оценку детской психодинамики за пределами момента теста, т.е. его прошлого, особенно тогда, когда ему удастся опознать структуру обороны ребенка.

Тестотеоретическая рабочая гипотеза может облегчить обследователю ребенка реконструкционную работу. При этом мы исходим из того, что различные тесты охватывают не только всевозможные, действующие одновременно аспекты детской личности ("горизонтальное измерение"), но и промеряют разные виды глубин душевной структуры, таких, как ранние объектоотношения, отраженные конфликты, латентные фиксации ("вертикальное измерение").

Мы предполагаем, что такие тесты, при помощи которых обследуемая персона может свободно обращаться с материалом, (прежде всего) делают видимыми актуальные объектоотношения и виды переживаний (А); напротив, те тесты, при помощи которых обследуемая персона должна интерпретировать заданные вопросы, картины и т.д. (Б), могут — на основе располагающего к размышлениям характера материала теста — сделать видимыми глубокие, биографически уходящие в прошлое или же константные душевные конstellляции.

После первого этапа обследования следует определить, является ли данная рабочая гипотеза жизненной. В качестве критериев используются:

- а) соответствие между тестами каждой из двух групп А и Б, поскольку из каждой группы берется более одного теста;
- б) убедительность, с которой становится понятным развитие данных А из данных Б;
- в) соответствие установленного путем тестового обследования — на основе изложенной выше гипотезы — развития обследуемой персоны с картиной развития той же персоны, реконструируемой из бесед с родителями.

В любом случае ожидается систематическая проверка гипотезы. Обзор первой фазы исследования доказал тем не менее ее теоретическую убедительность настолько, что мы решили использовать ее как инструмент реконструкции развития — с осторожной "отметкой" (3/?).

Таким образом, для нас оказалось возможным представить как ход развития, так и — при помощи актуальной психодинамики и возникшей со временем взаимосвязи условий видов переживаний и отражений с определенными внешними переменными — создать прогнозы для каждого отдельного случая, которыми могла бы руководствоваться наша консультация. Итак, в конце работы каждый ребенок приобрел профиль протекания, охватывающий все три фазы независимо от того, обследовался ли он перед (I), во время (II) или спустя долгое время (III) после развода:

<i>Тестовая группа</i>	<i>Создание фазоспецифического профиля следовало на основе: фазе 1</i>	<i>в фазе 2</i>	<i>в фазе 3</i>
<i>ТГ1</i>	<i>Нормативная оценка</i>	<i>Прогноз</i>	<i>Прогноз</i>
<i>ТГII</i>	<i>Реконструкция</i>	<i>Нормативная оценка</i>	<i>Прогноз</i>
<i>ТГШ</i>	<i>Реконструкция</i>	<i>Реконструкция</i>	<i>Нормативная оценка</i>

4. Система категорий

4.1. Конфликт, оборона, объектоотношения и "внешние" данные

Поскольку с позиции психоанализа в основе психического конфликта лежит не только невротическое образование симптомов в узком смысле слова, но и психическое развитие в общем, то наше внимание в данном случае должно быть в основном направлено на либидинозные, агрессивные и (или) нарцисстические конфликты и способы их переработки, т.е. на доминантные желания (влечения), противостоящие им тенденции (противостоящие желания, страхи), предпочитаемые механизмы обороны и результирующую из этого (психо)логику образования симптомов.

Каждое событие конфликта заключено в совершенно определенные объектоотношения, которые, с одной стороны, содетерминированы по отношению к одному из психических конфликтов и которые, с другой стороны, сами изменяются в ходе преодоления конфликта.

Поэтому мы стремимся распознать или реконструировать на каждом шагу развития релевантную само- и объекторепрезентацию, ее конфликтный материал, как и ее (обусловленное конфликтом) изменение в ходе процесса обороны.

Наш исследовательский интерес был направлен, однако, на вопрос: какие "внешние" изменяемые переменные влияют на преодоление конфликта и каким образом. Поэтому следовало попытаться определить взаимозависимость между такими (на взгляд ребенка внешними) данными, как история семьи, личность родителей, семейная динамика, информация, реакции, мероприятия и т.д. окружающих по отношению к ребенку и само- и объекторепрезентация или динамика конфликтов ребенка.

4.2. Оценочный профиль

Из этих размышлений — после множества модификаций первого этапа исследования (май—июнь 1987 г.) — родился следующий категориальный профиль, который должен был руководить оценкой как бесед с родителями, так и тестовых обследований.

Профиль 1: исходная ситуация

Часть 1 ("Окружающая среда") охватывает данные о личности родителей, истории семьи, домашнего интеракционного климата; дальнейшие данные о субъективных репрезентациях этих условий у ребенка, итак, отметины и особенности развития релевантных объектоотношений и, наконец, указания на подсознательные части объектоотношений у родителей как по отношению к партнеру, так и по отношению к ребенку.

Часть 2 ("Психодинамика") посвящается конфликтам и пытается дать психоаналитическую интерпретацию видимых на ребенке феноменов поведения и симптомов.

Часть 3 предпринимает прогноз, — а именно, в условиях предположения, что родители не разведутся или (при реконструктивном создании профиля) — не развелись бы. Итак, прогноз является своего рода продолжением исходного профиля.

Профиль 2: развод

"Профиль развода" структурирован подобным же образом, только центр тяжести расположен в области изменений по отношению к исходной ситуации. Далее предпринимается как можно более точное и дифференцированное определение видимых реакций ребенка в отношении конкретного протекания и обстоятельств развода (информация, разрыв, семейные конфликты, контакты/посещения отца и т.д.). Часть 1 содержит все изменения внешних жизненных обстоятельств •или их субъективных репрезентаций у ребенка, часть 2 — изменения психодинамических условий или психоаналитическую интерпретацию симптоматических

изменений. За прогнозом, если это идет дальше, следуют размышления о необходимых, оказывающих ребенку большую помощь интервенциях или изменениях, а именно, о желанных оптимальных мероприятиях, а также и о—на основе условий и психической ситуации родителей — реалистических мероприятиях.

Профиль 3: после развода

Затем описываются внешние изменения (жизненные обстоятельства, развитие симптоматики, климат отношений), которые руководили началом фазы 3 или причислением ребенка к тестовой группе 3. Потом следуют, совершенно аналогично группе 1, данные об "окружающей среде" в настоящее время, о виде ее репрезентации через ребенка, как и о психической конфликтной динамике. Итак, прогноз весьма требователен и пытается определить вероятность средне- и долгосрочного будущего развития. В этом, как и во 2 профиле, заключаются педагогические и терапевтические рассуждения, которые могут помочь увеличить шансы развития.

5. Работа с родителями

5.1. "Психоаналитическое глубокое интервью"

Анамнезические беседы с родителями в рамках обследования ребенка всегда страдают от того, что данные, которые необходимо выпросить, очень сильно влияют на естественное развитие плодотворных отношений перенесений. Альтернатива простого ожидания данных в рамках открытых психоаналитических бесед и использования для этого перенесения и противоперенесения выявленных взглядов и перспектив проваливается чаще всего из-за ограниченности во времени.

Перед подобной проблемой оказались и мы. К этому добавилось еще и то, что из теоретических соображений (обобщенность, изоляция "внешних" данных, контроль за тестовыми обследованиями) на беседы с родителями были взвалены дополнительные задания, что, совершенно ясно, не послужило на пользу реализации "аналитического поведения" со стороны исследователя. Из этих соображений мы пришли к решению своего рода эшелонирования бесед с родителями, которое имело целью разделить упомянутые функции: первые две беседы (по 1,5 часа) были открытыми, удерживались бесструктурными и должны были выполнить требования аналитического ведения бесед, т.е. вопросы исследователя обязаны были придерживаться исключительно спонтанного материала или его объяснения. С одним ограничением: вторая беседа была подчинена генеральной теме: "развитие ребенка или развитие семьи", но, конечно, без строгого требования ориентации на тему во время беседы. После этих двух бесед исследователь должен был проверить, на какие вопросы профиля он может уже ответить. Третья беседа должна была по возможности заполнить пробелы в этой проверке, для чего было использовано интервью ("Сегодня мне хотелось бы задать Вам несколько определенных вопросов..."), причем мы

надеялись, что завязанные в предыдущих беседах отношения достаточно прочны, чтобы смягчить активируемые прямыми вопросами сопротивление и оборону.

В завершение в распоряжение исследователя — на собственное усмотрение — был предоставлен "тест Гисена" и дифференцированный анамнезный лист или право на назначение дальнейших бесед. *5.2. Проблема реконструкции детской психодинамики из бесед с родителями*

Это задание, предусмотренное профилем, следовало попытаться исполнить следующим образом, используя:

а) вопросы по типичным интеракциональным ситуациям повседневности в отдельных фазах развития или на отдельных этапах процесса развода;

б) теоретические знания о типичном воздействии специфических воспитательных интервенций или интеракционального стиля родителей по отношению к ребенку должны были дать исследователю возможность описать соответствующие объектоотношения;

в) особенно важную в этих случаях оценку чувств противоперенесения, которые возникают из (преходящей) идентификации с ребенком;

г) конфронтацию объектоотношений или приписываемых им конфликтов с поведенной родителями "симптоматикой" (типичный вид поведения ребенка), которая должна была в заключение дать основание для вывода хорошо обоснованных гипотез о виде переживания и механизмах обороны ребенка.

6. Работа с детьми

6.1. Исследователь и ситуация теста как вариант интервенции

Влияние ситуации теста невозможно исключить. Нужно попытаться создать условия, которые позволили бы установить далеко идущий контроль над этой ситуацией:

а) путем, по возможности, единого дефинирования исследования (соответственно терапевтическому рабочему комплексу);

б) путем внимательного наблюдения со стороны обследователя, относится ли продукция обследуемой персоны непосредственно к ней самой или к ситуации теста и каким образом.

Родители должны были бы рассказать ребенку, что один доктор хочет с ним познакомиться, что этот доктор интересуется детьми и заботится о том, чтобы им было хорошо, волнуется, есть ли у них переживания. Если видно, что дети находятся под давлением переживаний (развод, симптомы, родительские реакции), родители должны сказать, что они из-за этого волнуются и, может быть, доктору удастся им помочь. Если такого давления нет, то следует сказать, что мы просто очень хотим с ними познакомиться.

В начале обследования исследователь должен спросить у ребенка, что тот знает об основах обследования или что он об этом думает. Соответствующие фантазии следует расследовать и ситуацию теста — как сказано выше — еще раз дефинировать. Также после завершения обследования можно опять задать те же вопросы. Такие беседы как минимум могут помочь понять влияние актуальной ситуации.

6.2. Беседа

а) Контакт: выяснение, что было сказано ребенку, почему он здесь (см. выше); несколько вопросов о его жизненной ситуации; никаких толкований (чтобы не влиять на перенесение);

б) Оформительный тест (тест группы А) (см. с. 356 и далее): ("Человеко-тест", по А. Абрахаму; "Дерево-тест"; "Заколдованная семья"; "Тест семейных отношений", "Сценотест"; "Бестиарий" по Цаццо; RIGEM-òáñò);

в) Толковательный тест (тест группы Б) (Роршах, тест детского восприятия (САТ) Дуесс-фабула, Вартегг);

г) Специальный тест "Развод": Этот тест должен — фокусированно — дать информацию о том, как ребенок пережил (переживает) развод (см. Дополнение 6.5); д) Свободная беседа: продолжительные свободные беседы должны проводиться только после тестов, потому что они властно обращают исследователя в центр проблемы, и если это совершается раньше времени, то данное обстоятельство может насильственно повлиять на результаты теста.

6.3. Диагноз процессов обороны из проективного тестового материала

Оценка, которая обычно исходит из содержания продукции теста, хотя и поставляет богатый материал о либидинозных стремлениях, агрессиях, страхах, модусе объекте-отношении и т.д., тем не менее оставляет открытыми (важные) вопросы, о структурной и динамической взаимосвязи и опознанных душевных возбуждениях. О чем идет речь в данном случае — о сознательных и подсознательных инсценировках важного душевного содержания в "сценотесте" или САТ-истории? А может быть о желании представления (пережитой) реальности или об ожидании/опасении? Идет ли речь об отраженной фантазии, ставшей видимой, или о такой, которая служит отражению и т.д.? Если обратиться все же к техническому запасу опыта психоанализа (как, например, анализу сопротивления) и опыту психотерапевтической работы с детьми, то можно разработать направления, которые помогут осуществить динамическую оценку проективного материала тестов. Это относится к важной теоретически-методической подготовке. (Планируется особая публикация о психоаналитическом обращении с проективными тестами.)

6.4. "Значение символов" и "остаток дня"

Проективные тесты помогают детям выразить душевные возбуждения, которые обычно в соответствующем реальности поведении остаются скрытыми. Таким образом, полученный материал можно рассматривать адекватно продукции снов. Но, как и в снах, значение материала не является абсолютно ясным. Несмотря на тесную душевную родственность снов и проективного материала тестов, оценка в большинстве случаев производится по совершенно различным правилам: толкование сновидений, как известно, непременно осуществляется путем ассоциаций видящего сон. Таким образом, в манифестном материале мы можем опознать остатки дня или представления, проблемы и т.д., которые те репрезентуют; дальнейшее содержание мы можем охватить как симбиозные формы выражения, так что при определенных обстоятельствах шаг за шагом можно будет восстановить латентный смысл сна (или воспоминаний о нем в данный момент).

Тестовые психологи, напротив, порой, обращаются со своим материалом таким способом, который Фрейд критиковал, называя его "диким психоанализом", когда материалу, предоставляемому обследуемой персоной, приписывается далеко идущее независимое символическое значение.

Однако такое приписывание в основном верно. Также и в снах мы рассчитываем на символы, которые вполне могут претендовать на наиндивидуальное значение. Соответствующие "символы тестов" являются статистически выверенными и очень хорошо обоснованными предположениями. В то время как в толковании сновидений необходимо доказать близлежащие значения символов через соответствующие ассоциации видящего сон, психолог, оценивающий тест, чаще всего отказывается от подобных важных индивидуальных корректив. Кроме того, тот, кто хорошо знает лишь очень определенные интерпретационные предложения в направлениях оценок проективных тестов, знает также, какое огромное пространство предлагает оценка определенного случая персональных проекций селективных образцов восприятия персоны, оценивающей тест. Если причислить сюда еще и отсутствие скрытой информации у тест-персоны в отношении интерпретаций, то можно по праву засомневаться в оценке теста.

Как можно, однако, в рамках тестового обследования применить технику ассоциаций по поводу символического материала в том виде, в котором мы ее используем в толковании сновидений? Дети едва ли на это способны, кроме того, требование ассоциаций подвергает опасности тестовую беседу: обследуемые персоны (также и взрослые) будут "предупреждены" и таким образом будет активировано сопротивление (но здесь не как в терапии, где по ходу дела мы можем в достаточной мере его переработать).

Один, порой применяемый метод, заключается в сравнении соответствующих интерпретационных элементов, таких, как животные в заколдованной семье с ответами из RIGEM-ôâñðà или теста восприятия (CAT). Однако это является не беспроблемным образом действий: здесь речь идет все же не о свободной цепи ассоциаций, с которой связан определенный символический материал, а о происшествиях внутри совершенно иных, а именно,

спровоцированных конкретными тестовыми заданиями смысловых взаимосвязей. Поэтому таким образом мы не можем выдержать принцип независимой оценки каждого отдельного теста.

Также привлечение анамнеза не является вполне пригодной заменой. Если придерживаться только его, то он выдает лишь селективный отрезок из наблюдаемых родителями симптомов. Если же в распоряжении исследователя находится весь материал предпринятого нами широкого обследования родителей, то возникает опасность оказаться "подкупленными" диагностическими гипотезами из родительских бесед и начать подсознательно выискивать тестовый материал по их фундаменту. Подобная "оценка" поразительно походит на ту психологию, над которой иронизировал Достоевский как над палкой о двух концах: материал подгоняется так, как это удобнее в настоящий момент. Это является также причиной того, что у нас обследователю ребенка и родителей не являлся одной и той же персоной и обследователю ребенка только под конец становились известны анамнезические данные, которые давали заключение о симптоматике и внешней жизненной ситуации.

Метод, при помощи которого мы пытались раскрывать свободные ассоциации, заключался в следующем: исследователь в первом разрезе обращался с готовым тестовым материалом так, словно речь шла о спонтанно продуцированном материале сновидений. Это называется, что он обращал внимание на те элементы, образцы интерпретаций, сцены и т.д., которые казались ему полными значения и по поводу которых он хотел бы узнать поточнее, что думает на этот счет анализируемая персона. К ассоциациям привлекается, однако, не ребенок, а родители. Таким образом часто появляется поразительно богатый материал о потребностях, отношениях и проблемах ребенка, о переживаниях, жизненных неудобствах, семейных динамизмах и многое другое, что, подобно ассоциациям снов, предоставляет ценную информацию для оценки теста. Эти "ассоциации родителей" происходили во время третьей родительской беседы, к которой обследователю ребенка подготавливался лист с вопросами или ассоциативными отправными точками.

6.5. "Разводный тест"

Применяемый нами "разводный тест" основывается на изложенном Кальтером и Плункеттом (1984) методе "непрямого" обследования переживаний развода ребенком.

Общее; руководство тестом

Заключительный тест рассчитан на тех детей, которые сознательно пережили развод или окончательную разлуку родителей или информированы о предстоящем разводе/разъезде.

Ребенку показывают два рисунка с изображением девочки и мальчика. У обоих родители развелись ("...как и твой родители..."). "Об одном из детей мы придумаем сейчас маленькую историю..." Ребенок должен выбрать между девочкой и мальчиком. В ходе истории, например, диалога с другим ребенком, которого играет обследователь, анализируемый ребенок должен отвечать на вопросы, которые помогают заглянуть в его сознательные и подсознательные

фантазии. Наблюдение за поведением во время теста может помочь сделать дополнительное заключение о роде и силе обороны. Если же ребенок оказывает сопротивление, то обследователь должен с ним поговорить и попытаться привлечь его к беседе, например, замечанием, что речь идет о невзраправдашной истории. В конце теста ребенку должна быть дана возможность поговорить о своей собственной ситуации. В случае, если сопротивление против теста слишком велико, можно начать с беседы. Вероятно, после этого можно будет провести тест или же вообще отказаться от такового. Также нельзя принуждать к беседе о собственной ситуации. Скрытая конфронтация с отрицанием темы ребенком также может быть очень полезна исследователю.

Независимо от специальной оценки интересно, возникают ли и каким образом соответствующие фантазии и в других тестах, а также — в каких именно. Вероятно, можно будет оценить актуальную важность этих фантазий из того факта, возникает ли соответствующий материал также в оформительном (группа А) или в толковательном (группа Б) тестах. Опыт

Этот тест имеет то преимущество, что он прямо соответствует проблематике, которую мы желаем исследовать, но все же сильно проигрывает по сравнению с другими проективными тестами, оставляя совершенно открытым, в каких именно сведениях заинтересован обследователь. Соответственно этому поведение детей во время тестов было экстремально различным, начиная от очищающего рассказа о собственных проблемах до полной "закрытости", выражаясь лишь в неохотных и односложных, ничего не раскрывающих ответах. При этом оставалось совершенно неясным, связано ли это различное поведение с субъективными переживаниями развода или с неспецифическим характерным (оборонным) поведением, указывает ли оно на конфликты лояльности или же просто рефлектирует актуальное отношение ребенка к исследователю.

В основном все же благодаря тому, что мы рассматривали картины и вопросы не столько как тест, сколько как простое структурирование "заклучительной беседы", были получены ценные сведения о переживаниях развода. Предусмотренные "протокольные вопросы" служили нам только как связующие нити, они ориентировались на реакции ребенка, его сопротивление при ответах непосредственно обсуждалось, обсуждалась также возможность помощи ребенку со стороны исследователя.

Итак, эту часть обследования мы понимаем не как новый тест, а как предложение возможности (но не долженствования: у нас были дети, с которыми мы вообще отказались от "разводного теста", потому что он их скорее обременял, чем освобождал) завершить тестовое обследование, которое может быть одинаково полезно как ребенку, так и исследователю, аналитически ориентированной заключительной беседой.

7. Обсуждение тестов и консультация

Обсуждение тестов создает особую проблему. Невозможно помочь родителям, которые обратились к нам в своей беде и надеются на помощь, прибегая лишь к общим формулировкам и непонятному профессиональному жаргону. Такая, к сожалению, часто встречающаяся практика

является для родителей в высокой степени разочарывающей. Вместе с тем было бы довольно безответственным просто предоставить в их распоряжение результаты обследования, содержащие как для родителей, так и для исследователей обремененные конфликтами взаимосвязи, и это не могло бы быть воспринято без переживания значительного урона. (Недаром вопрос, когда, чем и как из тех мнений, которые создались у аналитика, следует поделиться с анализантом, относится к труднейшим проблемам аналитической толковательной работы в терапии.) Риск немал: он простирается от простого сопротивления через оборону и обрыв контакта до чреватых последствиями потрясений душевного равновесия родителей. Во всех этих случаях исследователь теряет возможность конструктивно воздействовать на выводы обследования, поскольку урон может оказаться больше, чем польза — также и в отношении ребенка.

Исходя из сказанного, мы пришли к выводу о "функциональном значении" обсуждения тестов. Получается, что основным критерием для организации такого обсуждения должна быть не охватывающая информация о результатах обследования, а вопрос: каким образом можно достигнуть прежде всего того, чтобы беседа эта мотивировала родителей продолжить или углубить контакт, возникший в ходе обследования в форме дальнейшей психоаналитически-педагогической консультации. Подробные обсуждения регулярно проводились в заключение коллективного обсуждения, из которого (преходяще) вырисовывался окончательный психологический профиль.

Нам еще предстоит в ближайшем будущем описать одно из этих правил обязательной тестовой беседы, а также методов заключительной консультации. До сих пор это доверялось "аналитическому чутью" каждого исследователя.

По необходимости с членами исследовательского коллектива могут быть проведены собеседования на эту тему.

* Тестовая беседа должна начинаться с вопроса, ответ на который или объяснение по поводу которого в настоящий момент особенно необходимы родителям (одному из родителей). С одной стороны, таким образом можно избежать упомянутого выше разочарования и, с другой стороны, можно предположить, что родители прекрасно понимают свои проблемы в этой области и поэтому в состоянии выдержать искреннее и прямое объяснение.

* Поскольку в ходе беседы по данному вопросу самые существенные результаты обследования, имеющие тем не менее большое значение для мнения о необходимости дальнейшей консультации, остаются неупомянутыми, исследователь все же должен о них поговорить. При этом у него есть возможность придерживаться правил терапевтической толковательной работы. Или если сказать иначе, объяснение должно даваться только в той степени, в какой оно связано с материалом, предоставленным родителями в ходе обследования, так сказать, только слегка перешагнуть за их осознание проблемы.

* По правилам, ведение беседы должно руководствоваться теми соображениями, что чувство вины и прежде всего перед ребенком не может оказать помощи ни в преодолении проблемы, ни в развитии отношений с консультантом. Поэтому исследователь должен особенно чутко обращать

внимание на возникновение чувства вины и по возможности освобождать родителей от такового посредством сочувственных (эмпатических) замечаний или психологических объяснений.

* Вот что руководит последним ориентировочным принципом: несмотря на то что объективно в ходе обследования, а также в тестовой беседе и заключительной консультации речь идет о благополучии ребенка, исследователь тем не менее обязан рассматривать родителей (одного из родителей) как клиентов. Это значит, что с родителями следует разговаривать не как с личностями, выступающими здесь в родительской функции, а как с людьми, ищущими совета, которые сами обременены проблемами. Эта позиция, требующая от исследователя строгого контроля над собственными перенесениями, которыми руководит его идентификация со страдающим ребенком, соответствует главному правилу психоаналитической педагогики: родители могут помочь своим детям в преодолении психических конфликтов только в том случае, если им самим удастся достигнуть новой ступени в преодолении собственных внутренних конфликтов.